

Энн Росс

Кельты-язычники. Быт, религия, культура

*Посвящается Дугласу Гранту
Пусть истину иль ложь оно хранило -
ЯЗЫЧЕСТВО на зданье походило,
В котором дверь, и арка, и консоль
Играют каждая назначенную роль.
Да, здесь ужасный и великий БОГ
С огромной Балкою сравниться, верно б, смог,
А мелкие БОЖКИ напоминают
Клин или Гвоздь, что дерево скрепляют.
Тогда мог Человек претендовать
У ЗЕВСА молнию и скипетр отнять
Иль, презирая Божии законы,
И Лиру певчую украсть у АПОЛЛОНА.
Из поэмы «Призрак», книга II, 33-34
(Поэтические произведения Чарльза Черчилла /
Под ред. Д. Гранта. Оксфорд, 1956)*

Предисловие

«Вскоре колесничий Фер Диада увидел нечто - колесницу: прекрасную, с пятью острями, с четырьмя колесами, быструю, скорую, премудро устроенную, с зеленым балдахинном и кузовом с тонким и сухим передом[1], достаточно высоким для исполнения боевых приемов, с длинными боковинами, доблестную, запряженную двумя лошадьми - быстрыми, выносливыми, большеухими, добрыми, скачущими, с раздутыми ноздрями, с широкой грудью, с живым сердцем, с высоким пахом; у них широкие копыта и тонкие, мощные ноги. Лошадь серая, с широким крупом, скачущая, как рысь, с длинной гривой под одним ярмом колесницы. Лошадь черная, кудрявая, быстроходная, с широкой спиной - под другим ярмом. Были подобны ястребу, слетающему со своего гнезда в день жестокого ветра, подобны порыву раннего весеннего ветра в мартовский день, подобны оленю во время гона в первом прыжке от собак со своего лежбища две лошади Кухулина, запряженные в колесницу. Они потрясали и ударяли землю, словно шли по блестящим огненным плитам, догоняя войско».[2]

Этот пассаж переведен с одного из кельтских языков - ирландского. Он пришел из эпического сказания («Похищение быка из Куальнге», записанного в христианскую эпоху, однако по сути своей принадлежащего к героическому веку, к эпохе языческих кельтских народов. Тон его совершенно кельтский, и он вполне выражает все эмоции и пылкие чувственные удовольствия этих беспокойных варваров: пристальное и детальное наблюдение за природой и живыми предметами, которое играло огромную роль в развитии великолепного стиля кельтского искусства: смелые и преувеличенные описания превращали обычное событие в славный подвиг, а грязного, тщеславного и инфантильного воина - в великого и бессмертного героя; жажду битвы и кровопролития; неумное упоение самим использованием слов. Все это присутствует в эпическом кельтском сказании, на этих страницах - весь мир языческих кельтов.

Цель этой книги - рассказать о языческом кельтском мире, о том, как он возник, какие люди в нем жили, что они делали и какую жизнь вели изо дня в день. Наш рассказ, конечно, будет ограничен, во-первых, местом, которое было нам предоставлено для такого ис-

следования, а во-вторых - и ограниченностью самих данных, и нашей способностью их интерпретировать.

Глава 1

Происхождение и ранняя история кельтов; источники

Говоря о природе древнего кельтского общества, мы немедленно встречаемся с проблемой, которая в двух существенных аспектах отличается от проблем, связанных с определением и описанием общества многих других древних народов. Начать с того, что у кельтов не было великой материальной цивилизации, которую можно было бы внезапно открыть, как, например, цивилизацию Древней Вавилонии и Ассирии. Утонченный мир древних египтян или изысканные города Средиземноморья имели мало общего с простыми хуторами подвижных, почти кочевых кельтов. На самом деле они оставили очень мало долговременных построек, и кельтские крепости и погребения, святилища и движимое имущество, рассеянные по всей Европе и на Британских островах, покрывают целые века как во временном, так и в социальном аспекте. В кельтском обществе не было значительных мест сосредоточения населения. Более того, в отличие от создателей великих цивилизаций Древнего мира кельты были практически неграмотны (в том, что касалось их собственных языков): большая часть того, что нам известно о ранних формах их речи и их духовной культуре, пришла из очень ограниченных и часто враждебных источников: к примеру, в рассказах древних авторов о кельтах встречаются названия племен, местностей и имена вождей. Названия мест говорят сами за себя - они неподвижны и постоянны. Названия вождей и племен фигурируют на многих кельтских монетах и много говорят о торговле, экономике и политике; эпиграфика дает античные формы кельтских имен богов и имен жертвователей. Помимо этих языковых фрагментов, до нас дошло лишь небольшое количество кельтских фраз, которые фигурируют в надписях (рис. 1). Однако для раннего периода кельтской истории не существует ни длинных списков королей, ни мифологических легенд - до тех, которые были записаны ирландскими христианскими писцами; нет ни запутанных поэм, восхваляющих королей и вождей, которые, как мы знаем, исполнялись в жилищах аристократов; нет списков имен богов, нет наставлений жрецам о том, как исполнять их обязанности и контролировать правильность ритуала. Так что первый аспект проблемы - то, что мы имеем дело с рассеянным, варварским обществом, а не с великой городской цивилизацией древности. И хотя мы знаем, что кельты были образованными, культурными людьми (или, по крайней мере, способными легко перенимать культурные влияния), очевидно, что образование у кельтов мало чем напоминало образование в нашем смысле слова. Культура кельтов также отнюдь не бросалась в глаза: ее можно было открыть и оценить, только используя самые разнообразные и непохожие друг на друга методы.

Рис. 1. Кельтская надпись: «Korisios» (Коризий), выполненная греческими буквами на мече, обнаруженном вместе с другим оружием в старом русле в Порте (в древности Петинеска), Швейцария.

Мир кельтов отличается от мира других древних цивилизаций в том, что кельты выжили: нельзя сказать, что в некоторых ограниченных географических областях кельтское общество в определенной узнаваемой форме когда-либо в определенный период древности переставало существовать. Древние кельтские языки продолжают употребляться в некоторых районах Британских островов и Бретани, и кое-где в Шотландии, Уэльсе, Ирландии и Бретани они все еще остаются живыми языками. Сохранилось многое из социальной структуры и организации кельтов, а также их устная литературная традиция, их сказки и народные суеверия. Порой кое-где отдельные черты этого древнего образа жизни прослеживаются и до сегодняшнего дня, например среди крестьян западного побережья Шотландии и Ирландии. В Уэльсе, где сейчас кельтский язык сохраняет наиболее сильные позиции, все несколько по-другому, и рассказ об этом уже выходит за рамки нашей книги. То, что некоторые аспекты кельтского общества дошли до наших дней, само по себе замечательно, и это поможет нам более осмысленно подойти к сложной задаче - рассказу о повседневной жизни языческих кельтов в Европе и на Британских островах.

Поскольку мы должны как-то ограничить рамки нашего исследования, представляется разумным принять 500 год н. э. как его верхнюю границу. К этому времени христианство уже полностью утвердилось в Ирландии и остальном кельтском мире. Однако при этом следует помнить, что значительная часть литературных данных, из которых мы черпаем множество сведений о кельтском прошлом, были записаны в Ирландии уже после языческого периода и под эгидой христианской церкви. Многим аспектам кельтского общества была свойственна впечатляющая преемственность и долголетие, и поэтому, хотя такая временная граница и удобна, по сути, она является искусственной.

Кельтские народы

Так кто же такие кельты, о повседневной жизни которых мы намерены здесь рассказать? Для разных людей слово «кельт» имеет очень разное значение.

Для лингвиста кельты - это народ, который говорил (и все еще продолжает говорить) на очень древних индоевропейских языках. От первоначального общекельтского языка произошли две различные группы кельтских наречий; когда произошло это деление, мы не знаем. Одну из этих групп филологи называют Q-кельтской или гойдельской потому, что первоначальное индоевропейское *qv* сохранилось в ней как *q* (потом оно стало звучать как *k*, но писалось *s*). На принадлежавшем к этой ветви кельтском языке говорили и писали в Ирландии. Позднее этот язык был завезен в Шотландию ирландскими поселенцами из королевства Дал Риада в конце V века н. э. На этом же языке говорили на острове Мэн; кое-какие его остатки еще сохраняются[3]. Некоторые следы q-кельтских языков есть и на континенте, но об их распространении там мы знаем мало.

Вторую группу называют p-кельтской или «бриттской». В ней первоначальное индоевропейское *qv* превратилось в *p*; так, в гойдельской группе слово «голова» звучит как «*sepp*», в бриттской - как «*repp*». Эта ветвь кельтских языков была распространена на континенте, где относящиеся к ней языки называют галльскими или галло-бриттскими. Именно такой язык поселенцы эпохи железного века завезли с континента в Британию (кельтский язык Британии называют «бриттским»). На этом языке говорили в Британии в период римского господства. Позднее он разделился на корнский (уже вымерший как разговорный язык, хотя сейчас ведется активная борьба за его возрождение), валлийский и бретонский.

Для археологов кельты - это люди, которых можно выделить в определенную группу на основании свойственной им отличительной материальной культуры и которых можно определить как кельтов на основании свидетельств авторов, не принадлежавших к их собст-

венному обществу. Совсем другое значение имеет слово «кельты» для современных кельтских националистов, однако к нашей теме это уже не относится.

В первую очередь мы попытаемся узнать, как же распознать этот народ, который формировался на такой большой территории и существовал столь долго (хотя и на ограниченном пространстве). Поскольку кельты не оставили никаких дохристианских письменных исторических записей или легенд, которые рассказывали бы о самом древнем периоде их истории, мы будем вынуждены использовать данные, полученные путем умозаключений. Самый ранний и, возможно, самый надежный (хотя и очень ограниченный) источник информации - археология. Позднее исторические сочинения греков и римлян, где рассказывается о нравах и обычаях кельтов, в сочетании с тем, что можно извлечь из ранней ирландской литературной традиции, дают нам дополнительные подробности и помогают «оживить» несколько схематичную картину, которую мы нарисовали с помощью археологии.

Хотя места обнаружения[4] некоторых наиболее ранних следов кельтов - те самые, которые дали свое название двум основным фазам кельтской культуры, - сами по себе очень интересны, археологическое открытие кельтов не стало волнующей драмой, и те люди, которые принимали в этом участие, не нашли себе места в истории благодаря своим находкам. Начать с того, что в XIX веке, когда появились первые археологические данные об обществе железного века, понятие «кельты» уже не было чем-то новым. Народы, говорившие на кельтских языках, стали называть «кельтами» уже в XVI-XVII веках благодаря новаторским работам лингвистов - Джорджа Бьюкенена (1506-1582) и Эдварда Ллюда (1660-1709). В XVII и XVIII веках кельты, с их жрецами-друидами, стали популярным предметом для романтических вымыслов, как и другие «первобытные» народы, например англосаксы и ранние германцы. Антиквары - Джон Обри в XVII веке, Уильям Стьюкли в XVIII веке - и многие другие авторы любили фантазировать на кельтскую тему, хотя имели очень мало подлинной информации об этом народе и его языческом прошлом, которое казалось им таким интересным и увлекательным. Однако в каком-то смысле они способствовали популяризации кельтов, и у образованной публики Британских островов и Европы сложилось некое туманное, идеализированное и совершенно романтическое представление о кельтах с их друидами и захватывающими, хотя и совершенно необычными, религиозными обрядами.

Археология кельтского мира

Для того чтобы составить себе хоть какое-то убедительное и реалистичное представление о природе и происхождении древнейшего кельтского народа - того народа, который мы уже можем считать кельтским в нашем понимании этого слова, - необходимо начать с краткого обзора археологии древнего кельтского мира. Ведь для самого раннего периода, по которому нет письменных данных, у нас имеется только археологический материал, и информация, которую он может дать, по определению ограничена, а иногда и двусмысленна.

Археологи выделили две основные фазы эволюции кельтского общества, которые они назвали гальштатом и латеном. Оба этих названия происходят от названий мест, где были сделаны значительные находки кельтского материала (рис. 2).

Некоторые данные заставляют предполагать, что и непосредственные предшественники кельтов в Европе, племена эпохи бронзового века, связанные с так называемой культурой полей погребальных урн, могли говорить на каком-то кельтском языке, однако те кельты, которых мы знаем, видимо, не существовали до эпохи гальштата, которая начинается примерно в 700 году до н. э. В течение этого периода, который продолжался примерно до 500 года до н. э., в Европе произошла технологическая перемена первостепенной важности: у гальштатских племен при изготовлении оружия и инструментов железо заменило бронзу. Конечно, бронзу продолжали использовать, и некоторые из самых прекрасных изделий

кельтских мастеров сделаны именно из бронзы. Однако железо - более прочный и качественный металл, и оно давало тем, кто его использовал, постоянное технологическое и военное превосходство.

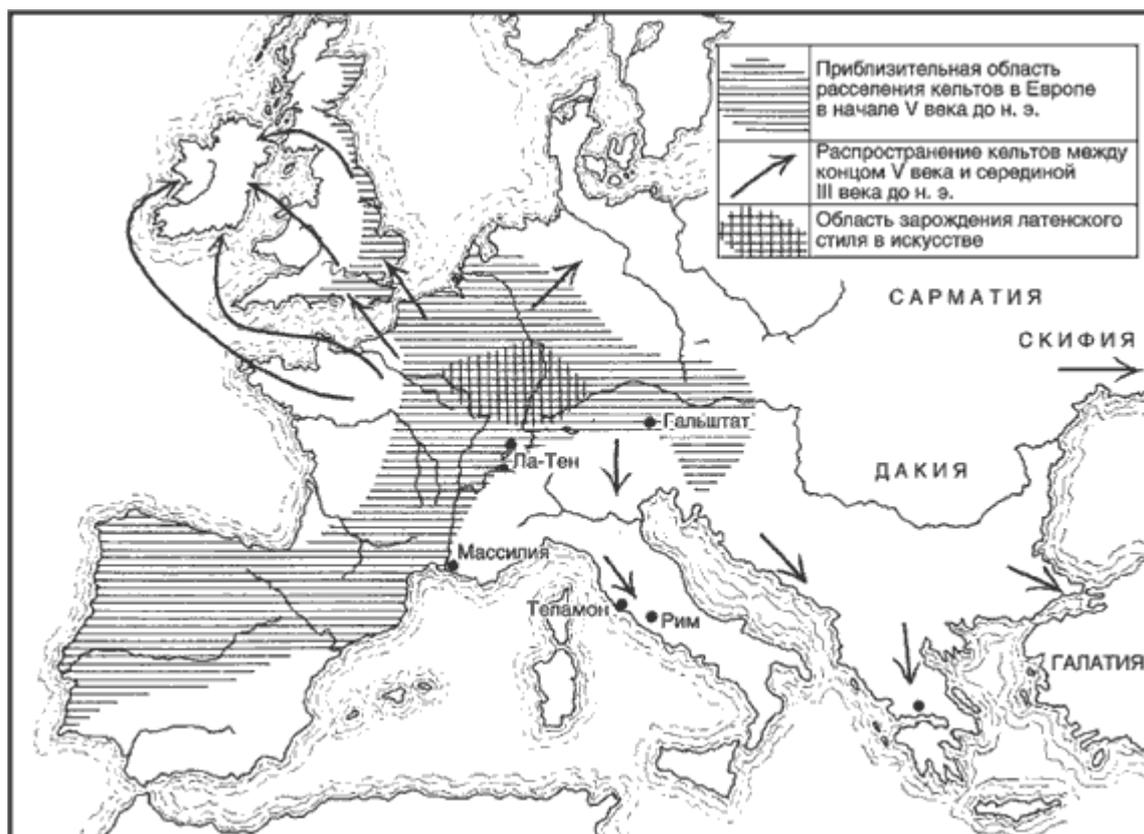

Рис. 2. Культурные провинции и распространение кельтов.

Итак, в этот период в Европе впервые появляются люди, материальная культура которых может считаться кельтской. Около 500 года до н. э. эта культура меняется и преобразуется. Изделия эпохи латена, а также другие археологические данные свидетельствуют о наступлении нового периода. Именно в латенский период полностью расцвела кельтская культура и кельтская экспансия достигла наибольшего размаха, поэтому именно этот период будет интересовать нас больше всего. Однако гальштатский период послужил предпосылкой для возникновения и полного расцвета кельтского общества, и, чтобы лучше понять природу и значение последующих изменений материальной культуры кельтских народов, мы должны рассмотреть основные характеристики эпохи гальштата.

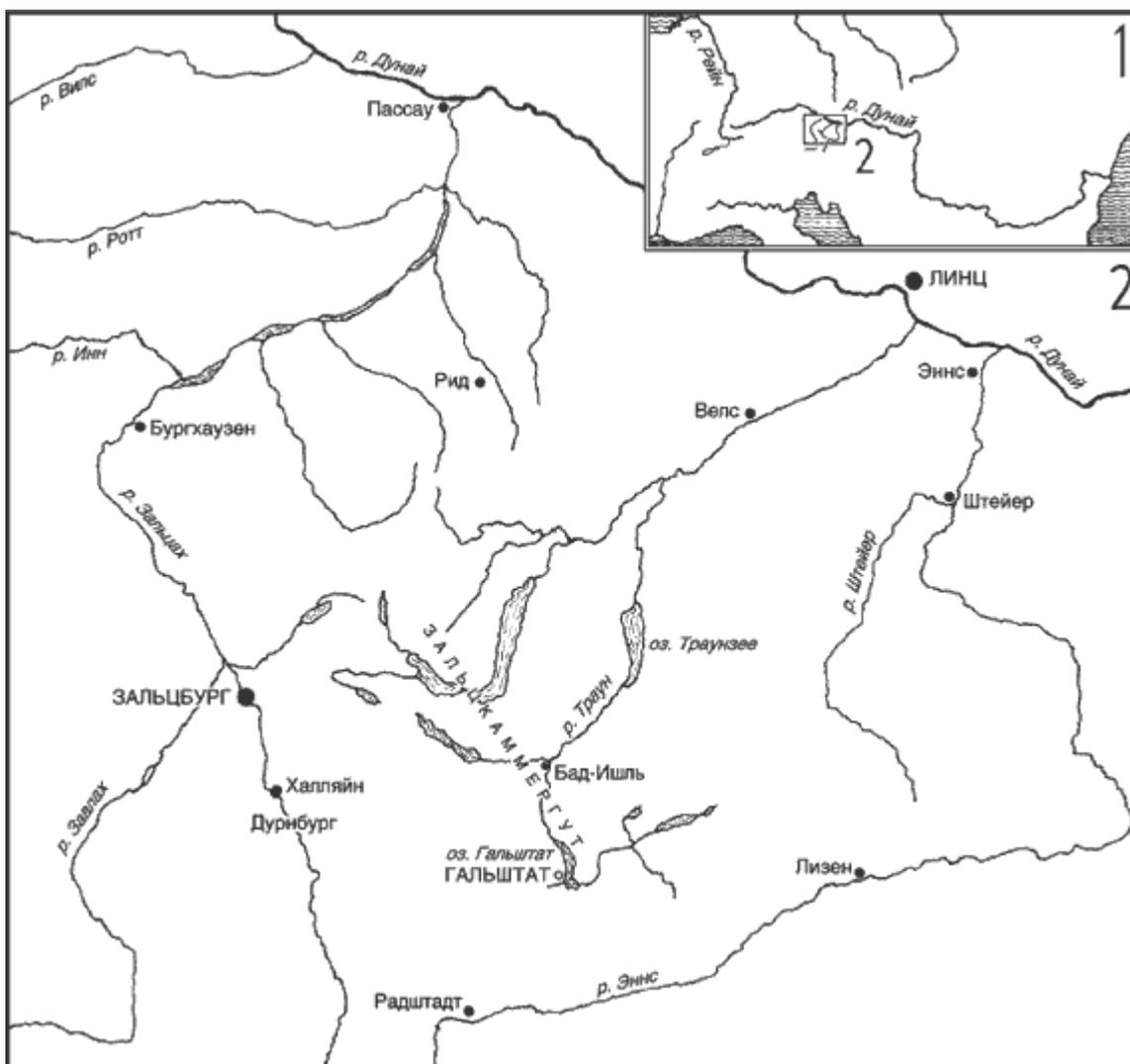

Рис. 3. Район Гальштата (Австрия).

Место находки кельтских памятников в Австрии, близ Гальштата, неподалеку от Зальцбурга, в Зальцкаммергуте (рис. 3), расположено на возвышенности на западном берегу озера Гальштат в красивой горной местности. Гальштат не был местом внезапного появления кельтской культуры - этому предшествовал долгий период развития. Однако в XIX веке здесь было найдено огромное количество предметов старины, и именно поэтому вся фаза кельтской доистории получила название гальштат.

В Гальштате были найдены древние соляные копи и огромное доисторическое кладбище. Для экономики общества раннего железного века соль, безусловно, имела первостепенное значение; она была основным источником богатства аристократии. Не только погребальный инвентарь и обряды захоронения, но и более скромные предметы, обнаруженные в самой шахте, многое рассказывают нам о повседневной жизни людей. Эти предметы дошли до нас через века благодаря консервирующим свойствам соли. Они играют огромную роль, поскольку именно благодаря им перед нами открываются некоторые стороны жизни обычных тружеников.

Считается, что на огромном кладбище находится около 2500 могил. Многие ценные предметы сохранились благодаря заинтересованности и бдительности директора гальштатских государственных копей - Георга Рамзауэра. В 1878 году Люббок писал: «Господин Рамзауэр, в течение многих лет заведовавший соляными копиями в Гальштате... обнаружил обширное кладбище... Он открыл не менее 980 могил». Можно представить себе, какую потерю понесла наука, если бы во время этих великих открытий копиями заведовал

не такой аккуратный и честный человек, как Рамзауэр. В 1876 году Венская академия наук проводила раскопки там, где были расположены места разработки соли. В этом диком и непригодном для земледелия месте были обнаружены следы поселений и ремесленного производства. Многочисленные импортные предметы со всей Европы, погребальные приношения говорят о богатстве, и источником этого богатства служили именно соляные копи. Конечно, соль была самым желанным товаром, который можно было обменять на любую сокровища. Жан Ненкен, исследовавший роль соли в доисторической экономике, говорит о Гальштате: «Тот факт... что в копиях Гальштата были обнаружены различные предметы, оказался очень важным для исследования повседневной жизни доисторических людей. Найдены фрагменты одежды из кожи, шерсти и льна, а также кожаные шапки, башмаки и даже нечто вроде кожаных перчаток, которые шахтеры, возможно, использовали для защиты рук, когда опускали канаты в галереи. Следует также упомянуть об остатках еды, например ячменя, проса, бобов и культурных разновидностей яблок и вишен, фрагментах керамики, деревянных тарелках, ложках и так далее. На поверхности неоднократно обнаруживались следы деревянных хижин».

Импортные предметы, обнаруженные в могилах Гальштата, свидетельствуют о торговых отношениях с Этрурией и Грецией, а также с Римом уже в III веке до н. э. Количество итальянского импорта впечатляет. Другие предметы происходят из области современных Хорватии и Словении. Янтарь указывает на связи с Севером; можно различить и египетское влияние. Помимо всех этих импортных вещей, существовало и местное производство керамики и изделий из металла. Практиковались как ингумация, так и кремация.

В 1907 году в Гальштате проводила раскопки герцогиня Мекленбургская - замечательная женщина, которая без устали работала полевым археологом, зачастую в спартанских условиях. Она обнаружила 26 могил, а также множество отдельных находок. Для герцогини, австрийской аристократки, интерес к археологическим исследованиям был семейной традицией. Она с энтузиазмом занималась не только раскопками, но и коллекционированием древностей. Словом, герцогиня была одним из выдающихся людей, связанных с Гальштатом и его культурой.

Итак, Гальштат представлял собой поселение с процветающей местной индустрией добычи соли, и именно от нее зависело богатство общества. Огромное кладбище говорит о богатстве жителей. Гальштатцы использовали железо, и именно в честь этого необыкновенно богатого и интересного места весь ранний железный век в Европе стали называть эпохой гальштата. Ничто не позволяет предполагать, что гальштатцы были чужеродным, внешним элементом в Центральной Европе. Все данные говорят о том, что они были в основном потомками древнего местного населения культуры полей погребальных урн позднего бронзового века, к которым, возможно, присоединились какие-то беженцы и странники из Ассирии и русских степей (об этом говорит конская сбруя). Но в общем и целом это был местный народ, говоривший на кельтском языке. Не исключено также, как мы уже видели, что еще в бронзовом веке предки гальштатских кельтов говорили на каком-то кельтском языке, однако это можно только предполагать, поскольку никаких письменных данных об этом у нас нет. Тем не менее распределение ранних кельтских названий мест в некоторых областях Европы совпадает с областью культуры полей погребальных урн и заставляет предполагать, что между ними существовала какая-то связь.

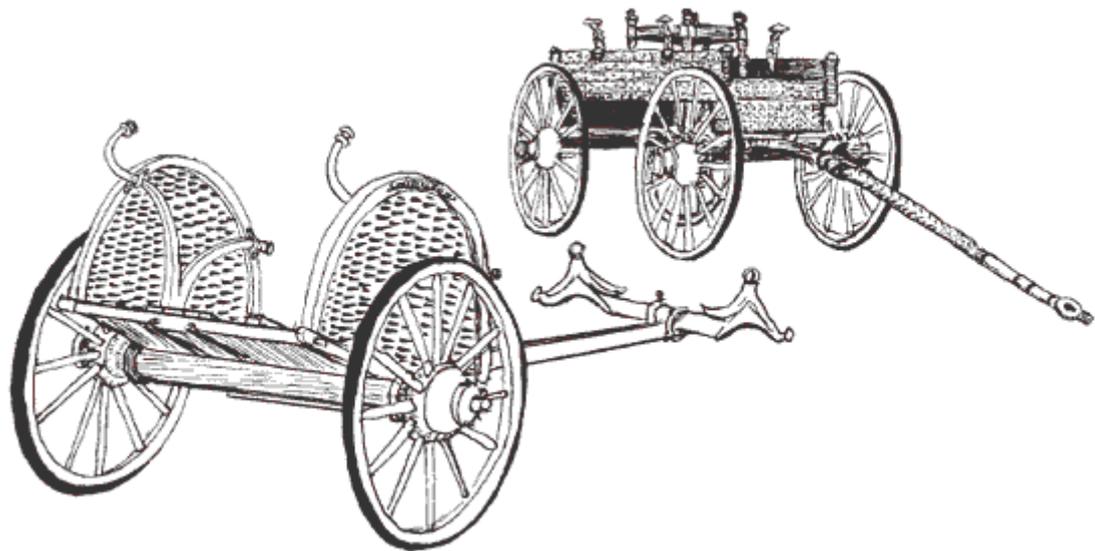

Рис. 4. Четырехколесная повозка и двухколесная колесница.

Погребения гальштатских кельтов были весьма своеобразными и, судя по всему, восходили к этрусским погребальным традициям. Тело (кремированное или некремированное) клали под четырехколесную повозку (рис. 4) в бревенчатую камеру под погребальным курганом. Для постройки камеры чаще всего использовали дуб. В могилу клали конскую сбрую, однако никаких следов самих лошадей нет, так что, видимо, их не хоронили вместе с умершим. Впрочем, первые археологи не сохраняли найденные на раскопках скелеты людей.

В гробницах находили сосуды, железное оружие, украшения (заколки, браслеты, кольца и гривны). На многих из них мы видим символы, которые позднее часто встречались в кельтском изобразительном искусстве - например, змея с головой барана и крест различных форм, символ солнца. В могилах также обнаруживали ведра и ситуты, а также части туш животных, чаще свиней. Все эти предметы говорят о богатстве общества, о том, что оно не было консервативным и в нем процветал новый, захватывающий стиль искусства.

Мар писал о Гальштате: «Очевидно, что эта цивилизация далеко превосходила цивилизацию бронзового века; они понимали, что эпоха бронзового века уже прошла. Это превосходство отражалось и в стиле искусства, и в совершенстве мастерства, которое поразило ученый мир». И далее: «Сегодня нам трудно понять, насколько ученые того времени, пытавшиеся решить научные проблемы, зависели от античной литературы. Для большинства из них те фрагментарные сведения, которые они могли извлечь из греческих и римских источников, были наивысшим авторитетом, и они даже представить себе не могли, что знания, пришедшие не из Греции и не из Рима, могут рассказать свою собственную историю или что эти сведения вообще имеют какую-либо ценность».

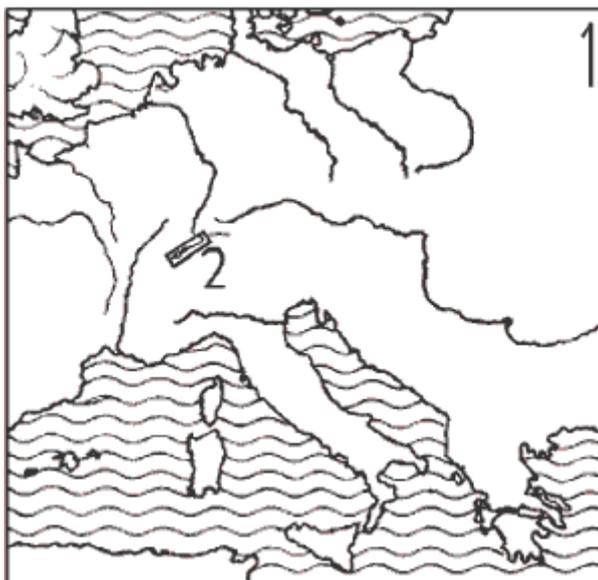
Мар очень точно изобразил ту позицию, которая преобладала среди антикваров того времени, и показал, что еще сравнительно недавно, в конце XIX века, само понятие о кельтской археологии и культуре, засвидетельствованной археологическими данными, было еще в зачаточном состоянии. Хотя, конечно, нельзя говорить о каком-то драматическом открытии кельтской цивилизации, обнаружение гальштатских находок и постепенное осознание их значения для первобытной истории Европы и начал европейского железного века оказало огромное влияние на европейскую археологическую мысль.

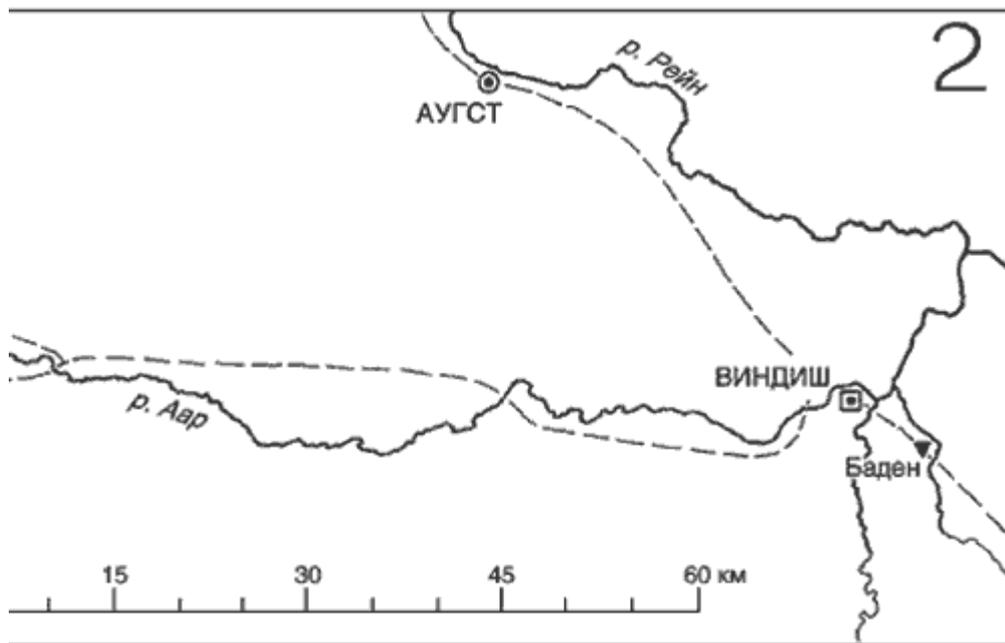
Перед тем как перейти к рассказу о передвижениях ранних кельтских племен в Европе и на Британских островах, мы должны обратиться ко второй фазе эволюции кельтов в Европе. Для нее характерны кельтские предметы, обнаруженные в местечке Ла-Тен, которое и дало свое название этому периоду (рис. 5). Хотя сам характер места и число находок менее впечатляющи, чем в Гальштате, качество найденных предметов и религиозные мотивы

вы, которыми руководствовались те, кто оставил их здесь, сделали это открытие не менее волнующим и значимым, чем гальштатское.

ЛА-ТЕН

- 1 – Местонахождение Ла-Тена в Европе
- 2 – Расположение Ла-Тена и более поздние римские названия мест
- 3 – Места находок приношений близ устья древнего рукава Тиле
- 4 – «Мост Вуги» и приношения

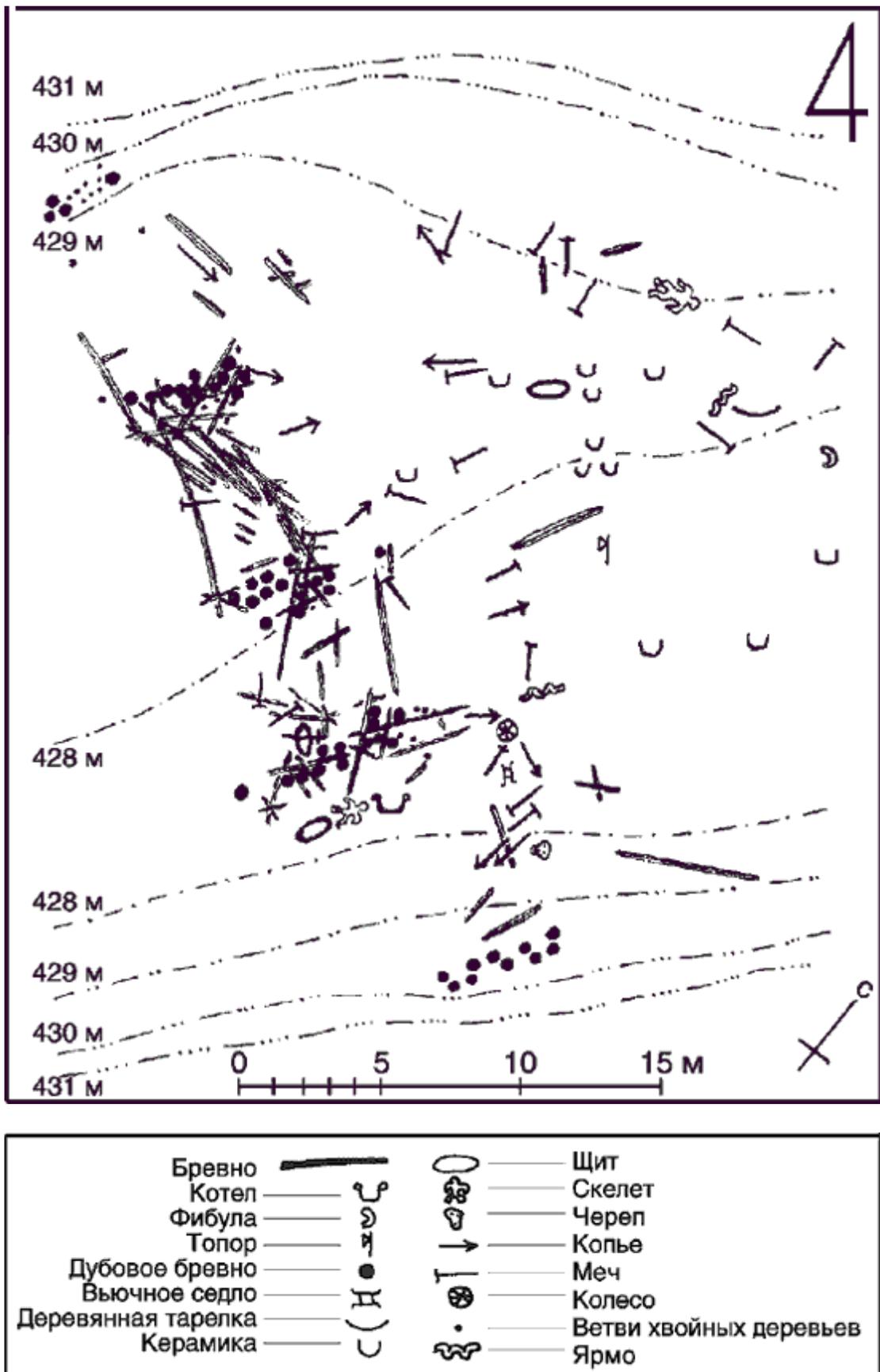

Рис. 5. Расположение Ла-Тена (Швейцария).

В эпоху железного века река Тиле впадала в озеро Невшатель через основное русло и вспомогательный рукав (рис. 5). Затем уровень озера поднялся и оба устья реки затопило.

Когда примерно в 1858 году уровень воды снизили, из ила показали бревна (рис. 6). Исследования показали, что в нижнем течении рукава реки находились постройки, в том числе мосты (рис. 5). Вблизи них было обнаружено большое количество изделий из металла и других материалов, которые, судя по всему, бросили в реку, посвятив их, в соответствии с кельтским обычаем, богу или группе богов в качестве благодарственных или умиловительных приношений. Сведения о находках были опубликованы в 1864 году Э. Десором и в 1866-м - Ф. Швабом. Затем эти места исследовал Э. Вуга, который опубликовал свои выводы в 1885 году, а впоследствии, в 1923 году, П. Вуга выпустил окончательный отчет.

Анализ обнаруженных предметов показал, что они, безусловно, были кельтскими, однако здесь появляются новые стили искусства и культурные влияния. В районе Марны во Франции и в Рейнской области были найдены гробницы, которые подтверждали данные из Ла-Тена, указывая на то, что создателями этой второй, более поздней фазы кельтской культуры в основном были те же самые племена. Можно предполагать, что центр власти передвинулся в западном направлении и что место старых, более консервативных династий заняли новые знатные семьи.

В самих гробницах отчетливо прослеживались новшества. Одно из наиболее заметных - то, что тело теперь клали не под четырехколесную повозку, как в Гальштате, а под новую, легкую двухколесную боевую колесницу, которую тянули два коня, запряженные по обеим сторонам от дышла (рис. 4). Можно считать, что колесница стала одним из наиболее характерных элементов военного снаряжения ранних кельтов, едва ли не самого воинственного народа в истории.

Рис. 6. Когда уровень озера Невшатель понизился, в Ла-Тене из ила показали бревна.

Развивался и новый стиль искусства, на котором отражалось влияние широких торговых контактов с Этрурией, миром Средиземноморья и другими областями. Основание греческой торговой колонии Массилия (ныне Марсель) в 600 году до н. э. и последующее открытие долины Роны для средиземноморских влияний, очевидно, стало мощным фактором в новой стадии развития кельтов. Эту новую стадию можно датировать примерно 500 годом до н. э., однако Мар опять-таки справедливо говорит следующее: «Бесспорно, что латенский период, как и предшествующий гальштатский, не был четкой хронологической единицей, который начался и закончился во всех своих проявлениях и во всех областях в одно и то же время».

Весьма популярным импортным продуктом у латенских кельтов было вино из Этрурии и Средиземноморья. Орнаментированные винные фляжки - ойнохои - были обнаружены во многих погребениях наряду с подставками для дров, сосудами для питья и кусками

свиных туш - свидетельство веры в продолжение физического существования человека в могиле или за гробом. Эти продукты могли служить для умершего провизией на время путешествия в потусторонний мир или припасами для великого загробного пира по прибытии туда, - пира, для которого, согласно древнеирландской традиции, бог-кузнец Гойбниун готовил свое пиво бессмертия. Кельтское понятие о загробной жизни было весьма чувственным и материалистическим.

Если говорить о ранних миграциях кельтских народов, то первый народ, который мы можем с уверенностью считать кельтами, - это племена Центральной Европы, использовавшие железо и другие новые технологии, которые, как мы видели, оставили впечатляющие памятники в Гальштате (Австрия) и других областях Европы. Они, судя по всему, произошли от местного народа, использовавшего бронзу, который археологи определяют как «североальпийскую культуру полей погребений». Они начали вести завоевания и расселились в довольно далеких областях, в том числе в Восточной Европе, и к 450 году до н. э. - в южных и восточных частях Британских островов. Если мы рассмотрим данные о ранних кельтских поселениях на Британских островах, то поймем, что сейчас ученые еще не пришли к однозначному мнению относительно точных дат и районов расселения. Любая нарисованная нами схема может быть в любой момент пересмотрена в свете новых исследований в этой области.

В настоящий момент мы можем нарисовать следующую картину. Уже примерно к 600 году до н. э. в северо-восточной Шотландии наблюдается присутствие населения гальштатского происхождения. Скорее всего, это население состояло из воинских отрядов (возможно, в сопровождении женщин из их племени). Так в этих областях появилось население, говорившее на кельтском языке. Очевидно, оно было связано с поздними гальштатскими культурами севера Германии. Гальштатские культурные влияния, характеризовавшиеся определенной техникой обработки железа, достигли юга и востока Англии, возможно, уже в VI веке до н. э. В результате совершенствовались оружие и сельскохозяйственные инструменты, что делало военное дело и обработку земли более эффективными. Поэтому поселенцы технологически далеко превосходили местное население, использовавшее бронзу, и быстро добились господства.

После первых фаз расселения они стали перемещаться на север и на запад. Однако равнины Шотландии были колонизированы кельтами несколько позже. Примерно с IV века до н. э. стала прибывать вторая большая волна кельтских иммигрантов. Они селились в Йоркшире, Сассексе и в других местах на южном побережье Англии. Иммигранты состояли из людей латенского происхождения. Именно они завезли на Британские острова легкую двухколесную боевую колесницу и впечатляющий стиль латенского искусства. Они привезли с собой героические идеалы воинского общества, которые мы встречаем в более поздних документах. Однако аристократическая природа гальштатского общества заставляет предполагать, что эти идеалы имеют долгую родословную. Племена, которые поселились в Йоркшире, были в первую очередь пастухами, и угон скота, видимо, был их главным развлечением и источником богатства. Разработанный ими стиль искусства был типично островным, менее ярким, но более изящным и, возможно, более сдержанным, чем континентальный. Древнеирландские саги полны рассказов об угонах скота и межплеменных раздорах и прочих страстях и жестокостях, которые творились по всему кельтскому миру и которые, как мы можем предполагать, были характерны для этой британской фазы латена, как и для Ирландии и континента.

Переселение кельтов в Ольстер принесло туда не только материальную культуру племен Йоркшира и юго-восточной Шотландии: возможно, поселенцы привезли с собой на северо-восток Ирландии и свои легенды.

Последним значительным переселением кельтов на Британские острова было переселение белгов, племен из северо-восточной Галлии. Археологические свидетельства их переселения полностью подтверждаются историческими данными. Белги переселились в Британию около 100 года до н. э. и обосновались в юго-восточной Англии. Они принесли туда

свой собственный вариант кельтской культуры и свои религиозные культы. Страбон особо выделяет белгов среди прочих кельтов: «Из этих племен белги, как говорят, самые храбрые. Они распались на 15 племен, живших по океанскому побережью между Реном и Лигером. Поэтому только они могли оказать сопротивление вторжению германцев - кимбров и тевтонов. Доказательство многочисленности их населения следующее: говорят, установлено путем расспросов, что прежде белги могли выставить до 300 000 человек, способных носить оружие».[5]

Воинственность этих народов ярко проявилась в их отношениях с римлянами, которые считали белгов самыми упрямыми и неуступчивыми из всех кельтов Британии и Галлии. Судя по всему, именно белги завезли в Британию плуг, а также технику эмали и свой собственный вариант латенского искусства. Керамика белгов также весьма своеобразна. Кроме того, белги были первыми, кто стал чеканить в Британии свою монету. Эти племена создали городские поселения - фактически настоящие города, такие как Сент-Олбанс (Веруламин), Силчестер (Каллева), Винчестер (Вента) и Колчестер (Камулудун).

Переселение кельтов в Ирландию представляет еще больше проблем. Отчасти это обусловлено тем, что все богатство древней повествовательной литературы практически не находит никакого отражения в археологии. Однако это, судя по всему, происходит оттого, что до последнего времени в Ирландии проводилось сравнительно мало подлинно научных археологических исследований. Множество небрежных раскопок лишь затрудняют интерпретацию полученных данных. Но сейчас ирландские археологи делают огромную работу, и полученные результаты позволяют надеяться на то, что в будущем мы приблизимся к решению проблемы.

Как мы уже видели, Q-кельтский, или гойдельский, язык был распространен в Ирландии, гэльской Шотландии и до недавнего времени - у местных жителей на острове Мэн. Для кельтологов этот язык сам по себе представляет проблему. Пока мы не знаем, кто и откуда принес Q-кельтский язык в Ирландию, и даже не уверены, что этот вопрос вообще разрешим. Сейчас мы можем сказать одно: бриттская речь аристократов Йоркшира и юго-западных шотландских колонистов Ольстера была полностью поглощена гойдельским языком, на котором, как мы можем предполагать, там говорили. Ученые выдвигали множество разных теорий, как археологических, так и лингвистических, но до сих пор достаточно убедительных предположений высказано не было. Можно предположить, что гойдельская (или Q-кельтская) форма кельтского языка более древняя, и, возможно, даже язык гальштатских кельтов был именно гойдельским. В таком случае ранние колонисты принесли его с собой в Ирландию примерно в VI веке до н. э. Возникает вопрос: был ли гойдельский язык в других местах поглощен языком иммигрантов, владевших более высокой технологией и боевыми приемами и говоривших по-бриттски? Пока мы не можем ответить на этот вопрос, однако гойдельский язык продолжал господствовать в Ирландии, несмотря на все бриттские иммиграции в Ольстер, которые, как мы знаем, имели место в течение нескольких столетий до начала нашей эры. Только объединенные усилия археологов и филологов могут помочь дать ответ на эти вопросы. Пока поразительный феномен Q-кельтского языка остается для нас необъяснимой загадкой.

Гальштатская колонизация Ирландии отчасти могла идти из Британии, однако есть данные, что она проходила напрямую с континента и кельты попали в Ирландию через северо-восточную Шотландию. Имеющиеся данные о введении латенской культуры в Ирландию показывают, что могло быть два основных источника иммиграции: один, уже упомянутый нами - через Британию примерно в I веке до н. э. с основной концентрацией на северо-востоке, и другое, более раннее движение прямо с континента, которое датируется примерно концом III - началом II века до н. э. Это было переселение в западную Ирландию. Такое предположение опирается не только на археологический материал, но и на раннюю литературную традицию, где мы видим исконное соперничество между Коннахтом на западе и Ульстером на северо-востоке. Запечатленная в текстах традиция подкреп-

ляет археологические данные и освещает отдельные черты повседневной жизни по крайней мере некоторых древних кельтских народов.

Античные писатели о кельтских народах

Теперь мы должны рассмотреть другой источник данных о древних кельтах, а именно сочинения античных авторов. Некоторые из их свидетельств о миграциях и поселениях кельтов весьма фрагментарны, некоторые - более детальны. Все эти свидетельства нужно использовать с осторожностью, однако в целом они передают информацию, которую мы должны считать подлинной - конечно, делая скидку на эмоции автора и его политические пристрастия.

Первые два автора, упоминавшие о кельтах, - это греки Гекатей, который писал примерно во второй половине VI века до н. э., и Геродот, писавший несколько позже, в V веке до н. э. Гекатей упоминал об основании греческой торговой колонии в Массилии (Марсель), которая находилась на территории лигуров, по соседству с землей кельтов. Геродот также упоминает о кельтах и утверждает, что источник реки Дуная расположен в кельтских землях. Он свидетельствует о широком расселении кельтов в Испании и Португалии, где слияние культур двух народов привело к тому, что эти племена стали называть кельтиберами. Хотя Геродот ошибался относительно географического положения Дуная, считая, что он находится на Иберийском полуострове, возможно, его утверждение объясняется какой-то традицией о связи кельтов с истоками этой реки. Автор IV века до н. э. Эфор считал кельтов одним из четырех великих варварских народов; другие - персы, скифы и ливийцы. Это говорит о том, что кельтов, как и ранее, считали отдельным народом. Хотя политического единства у них практически не было, кельтам был свойствен общий язык, своеобразная материальная культура и схожие религиозные представления. Все эти черты отличаются от неизбежных местных культурных традиций, которые появились в результате слияния традиций кельтов с традициями народов, среди которых они поселились на обширной территории Европы (рис. 2).

Основной социальной единицей у кельтов было племя. Каждое племя имело свое название, в то время как общим названием для всего народа было «кельты» (Celtae). Название Celtici продолжало существовать в юго-западной Испании до римского времени. Однако теперь считается, что творцами этого названия были сами римляне, которые, будучи знакомы с галлами, смогли распознать кельтов и в Испании, и поэтому назвали их Celtici. У нас нет свидетельств об использовании этого термина по отношению к кельтам, жившим в древности на Британских островах; нет данных и о том, что кельтские обитатели этих областей называли себя общим названием, хотя могло быть и так. Греческая форма слова «Keltoi» происходит из устной традиции самих кельтов.

Есть два других названия кельтов: галлы (Galli) - так называли кельтов римляне - и галаты (Galatae) - слово, которое часто использовали греческие авторы. Таким образом, у нас есть две греческие формы - Keltoi и Galatae - и эквивалентные им римские - Celtae и Galli. Действительно, Цезарь пишет, что галлы именуют себя «кельтами», и представляется очевидным, что сверх своих отдельных племенных наименований именно так они себя и называли.

Римляне называли регион к югу от Альп Цизальпинской Галлией, а область за Альпами - Трансальпинской Галлией. Примерно около 400 года до н. э. кельтские племена, пришедшие из Швейцарии и южной Германии, во главе с инсубрами вторглись в северную Италию. Они захватили Этрурию и прошли по итальянскому полуострову до самого Медиолана (Милан). Их примеру последовали другие племена. Произошло широкомасштабное расселение. Воинов, отправлявшихся в завоевательный поход, сопровождали их семьи, слуги и пожитки в тяжелых и неудобных повозках. Об этом свидетельствует также одно интересное место в ирландском эпосе «Похищение быка из Куальнге»: «И снова двину-

лось войско в поход. Нелегкий это был путь для воинов, ибо множество всякого люда, семей и сородичей двигалось с ними, дабы не пришлось им расставаться и каждый мог видеть своих родных, друзей и близких».[6]

Используя завоеванные земли в качестве базы, отряды умелых воинов совершали набеги на обширные территории. В 390 году до н. э. они успешно напали на Рим. В 279 году галаты под предводительством вождя (хотя, вероятнее, речь идет о кельтском божестве) по имени Бренн атаковали Дельфы. Еще галаты во главе с Бренном и Болгием проникли в Македонию (скорее всего, и тот и другой были не вождями, а богами) и попытались там поселиться. Греки упорно сопротивлялись. После атаки на Дельфы кельты были разбиты; тем не менее они остались на Балканах. Три племени перебрались в Малую Азию и после нескольких стычек поселились в северной Фригии, которая стала называться Галатией. Здесь у них было святилище под названием Друнеметон, «дубовая роща». Были у галатов и свои крепости, и они достаточно долго сохраняли национальную самобытность. Общеизвестно послание апостола Павла к галатам. Если археология Галатии когда-нибудь станет отдельной, хорошо разработанной дисциплиной, то перед нами откроется еще одна интересная панорама местной цивилизации в рамках обширного мира кельтов.

Когда сегодня мы думаем о кельтах, то обычно при этом представляем себе народы - носители кельтских языков - на периферии западных областей Европы: в Бретани, в Уэльсе, Ирландии и гэльской Шотландии, а также их последних представителей на острове Мэн. Однако следует постоянно иметь в виду, что для археологов кельты - это народ, чья культура покрывает огромные территории и длительные периоды времени. Для археологов Восточной Европы кельты, жившие дальше к Востоку, столь же важны и интересны, как и лучше нам известные кельты Запада. Понадобится еще много археологических и лингвистических исследований по всем кельтским областям, причем особенно важна ономастика (изучение названий мест), прежде чем мы сможем нарисовать более или менее полную картину.

Но вернемся к ранней истории кельтов - такой, какой она виделась античным писателям. Уже к 225 году кельты начали терять контроль над Цизальпинской Галлией: этот процесс начался с сокрушительного поражения, которое римляне нанесли огромной кельтской армии при Теламоне. Среди войск кельтов были знаменитые гезаты - «копьеносцы», эффективные галльские наемники, которые поступали на службу к любому племени или союзу племен, которые нуждались в их помощи. Эти отряды чем-то напоминают ирландских фениев (Fiana), отряды воинов, которые жили вне племенной системы и бродили по стране, сражаясь и охотясь, под предводительством своего легендарного вождя Финна Мак Кумала. Рассказывая о битве при Теламоне, римский автор Полибий живо описывает гезатов. Его замечания о внешнем виде кельтов вообще будут подробно рассмотрены в главе 2. Полибий рассказывает, что кельтские племена, принимавшие участие в битве, - инсубры и бойи - носили штаны и плащи, однако гезаты сражались обнаженными. Римский консул Гай погиб в самом начале сражения и, по кельтскому обычаю, был обезглавлен. Но затем римлянам удалось заманить кельтов в западню, зажав их между двумя римскими армиями, и, несмотря на всю свою самоубийственную храбрость и выносливость, они были разбиты наголову. Так начался отход кельтов из Цизальпинской Галлии. В 192 году римляне, победив бойев в самой их цитадели - теперешней Болонье, - наконец добились господства над всей Цизальпинской Галлией. С этого момента везде стало происходить одно и то же: территория независимых кельтов постепенно сокращалась, а Римская империя наступала и разрасталась. К I веку до н. э. Галлия, которая на тот момент оставалась единственной независимой кельтской страной на континенте, вошла в состав Римской империи после окончательного поражения, которое нанес галлам Юлий Цезарь в начавшейся в 58 году войне. Цезарю понадобилось около семи лет, чтобы завершить покорение Галлии, и после этого началась быстрая романизация страны.

Кельтская речь и религиозные традиции продолжали жить под эгидой Рима, и они должны были измениться и приспособиться к римской идеологии. Среди привилегированных

классов широко использовалась латынь. Кельтские жрецы - друиды - попали под официальный запрет, однако причиной тому были не только их жестокие религиозные обряды, которые якобы оскорбляли чувствительность римлян (в римском мире человеческие жертвоприношения давно прекратились), но и то, что они угрожали римскому политическому господству. Значительную часть имеющейся у нас информации о кельтской жизни и религии как в Галлии, так и в Британии приходится буквально выковыривать из-под римской лакировки. Местные религиозные культы также необходимо отделять от античных наслоений, хотя порою это нелегко, а иногда и почти невозможно. Тем не менее у нас достаточно информации и сравнительного материала, чтобы нарисовать достаточно убедительную картину жизни кельтов в римской Галлии и Британии. Приход христианства также принес с собой значительные перемены - как и окончательное завоевание Римской империи варварскими ордами из Северной Европы. После этого кельтский мир, за исключением Ирландии, умирает, и в тех областях, которые после этого периода сохранили кельтский язык, он стал пережитком прошлого, а это уже выходит за рамки нашей книги.

Вернемся на Британские острова. Мы мало знаем о здешней истории кельтов из письменных источников - фактически гораздо меньше, чем мы знаем о кельтах в Европе. Рассказ Цезаря о переселении белгов в юго-восточную Британию - это первое подлинно историческое сообщение о миграции кельтов на Британские острова, но помимо археологических данных у нас есть еще одна или две крупницы информации. В поэме «Морской путь» («*Ora maritima*»), написанной в IV веке Руфом Фестом Авиеном, сохранились фрагменты утерянного руководства для моряков, составленного в Массилии и получившего название «Массалиотский перипл». Оно датировалось примерно 600 годом до н. э. и представляло собой рассказ о путешествии, начавшемся в Массилии (Марсель); далее маршрут продолжается по восточному берегу Испании до самого города Тартесс, который, видимо, был расположен близ устья Гвадалквивира. В этом рассказе присутствовало упоминание о жителях двух больших островов - Иерны и Альбиона, то есть Ирландии и Британии, которые, как говорили, торговали с жителями Эстримнид, обитателей теперешней Бретани. Эти названия представляют собой греческую форму имен, которые сохранились среди кельтов, говоривших на гой-дельских языках. Речь идет о древнеирландских названиях «Эриу» (*Eriu*) и «Альбу» (*Albu*)[7]. Это слова индоевропейского, скорее всего, кельтского происхождения.

Кроме того, у нас есть рассказы о путешествии Пифея из Массилии, состоявшемся примерно в 325 году до н. э. Здесь Британия и Ирландия называются *pretannikae*, «Претанские острова», судя по всему, также кельтское слово. Жители этих островов должны были называться «пританы» (*Pritani*) или «притены» (*Priteni*). Имя «пританы» сохранилось в валлийском слове «*Prydain*» и, видимо, обозначало Британию. Это слово было неправильно понято и в рассказе Цезаря фигурирует как «Британния» и «британны».

Рим и приход христианства

После нескольких волн миграций кельтов на Британские острова, о которых мы уже говорили, следующим крупным событием в истории древней Британии стало, конечно, ее вхождение в Римскую империю. Юлий Цезарь прибыл в Британию в 55-м и затем в 54 году до н. э. Император Клавдий начал окончательное подчинение юга острова в 43 году н. э. Наступила эпоха римской экспансии, военного завоевания и римского гражданского правления, когда романизировались наиболее выдающиеся местные князья. Словом, здесь происходило примерно то же самое, что и в Галлии, но процесс был менее сложным и масштабным; местные языки выжили, хотя аристократия и пользовалась латынью, как в Галлии. В Британии перенимали римские обычаи, строили города на средиземноморский манер и воздвигали каменные храмы по классическим образцам, где британские и античные боги почитались бок о бок. Постепенно местные элементы начали выходить на пер-

вый план, и к IV веку н. э. мы видим возрождение интереса к местным религиозным культам; были построены один-два внушительных храма, посвященные кельтским божествам, такие как храм Нодонта в Лидни-парке в устье Северна и храм неизвестного божества с бронзовым изображением быка с тремя богинями у него на спине в Мэйден-Касл, Дорсет. Каждый из этих храмов находился на месте хилл-форта железного века. Появилось и христианство, которое принесло с собой свои изменения и повлияло на местное общество.

Мы рассмотрели тот фон, на котором проходила повседневная жизнь кельтов. Как мы уже видели, речь идет о весьма обширных временных и географических рамках - примерно с 700 года до н. э. до 500 года н. э. Мы узнали, что в период между эпохой Геродота и эпохой Юлия Цезаря судьба вознесла кельтов на головокружительную высоту, с которой они упали столь же драматично. Кельтский язык (с его двумя основными ветвями) был, в той или другой форме, общим для всего кельтского мира, и религиозные верования у кельтов тоже были общие. В силу этой индивидуальности или «национальности», если можно применить это слово по отношению к народу, у которого не было сильной центральной политической власти, более развитые и образованные соседи отличали и узнавали кельтов. Отчасти именно наблюдения этих соседей, которые рассказывают нам о кельтском образе жизни, выделяют кельтов как отдельный народ, а другие данные о ранних кельтах помогают нам глубже проникнуть в эту проблему. Теперь мы должны попытаться узнать больше о домашней, личной стороне жизни языческих кельтских народов; мы хотим узнать о том, как они выражали себя в литературе, об их религиозных представлениях, о законах, которые управляли их повседневной жизнью. Мы узнаем, какой была структура их общества, как они выглядели и как одевались, - словом, о том, что в глазах античных писателей отличало их от других племен. Древние авторы говорили, что кельты были одним из четырех варварских народов обитаемого мира. Что они при этом имели в виду? Как мы можем это проверить? Насколько достоверны эти источники? Далее в нашей книге мы попытаемся ответить по крайней мере на некоторые из этих вопросов.

Глава 2

Структура общества; внешний вид и одежда

Поскольку кельты были рассеяны по всей Европе и Британским островам, их развитие и упадок продолжались очень долгое время, а наши данные об их нравах и обычаях очень фрагментарны и неравноценны, рассказывая об их повседневной жизни, нам придется в какой-то мере делать обобщения. В некоторых областях кельты, конечно, были более отсталыми (консервативными), чем кельты в других регионах, которые становились прогрессивными (меняли свою жизнь), контактируя с другими народами и перенимая их культурные и технологические достижения. Те кельты, которые жили на оживленных торговых путях, имели доступ к тенденциям, которые были неизвестны кельтам, обитавшим в географически и культурно изолированных регионах или рядом со свирепыми варварами. Такие кельты неизбежно оказывались скорее консерваторами, чем новаторами, и скорее воинственными, нежели мирными. Поэтому у островных кельтов всегда должны были быть характерные культурные особенности, которые отличали их от континентальных родичей. Например, кельтское искусство, распространившись на Британских островах, немедленно приобрело собственный, особенный стиль и качество, оставаясь в то же время по сути своей кельтским, и его родство с континентальными стилями всегда было заметно. Точно так же у самих людей, поселившихся в Британии, должен был развиваться особый, островной характер, измениться их культурные традиции, хотя в то же время они вполне и очевидно остались кельтами. Географические и экономические факторы играли жизненно важную роль в культурном развитии, и кельт, который поселился на берегах Средиземного моря,

конечно, должен был существенно отличаться от своего собрата, обитавшего в болотах Ирландии или на открытых всем ветрам пустошах Йоркшира; он ел совсем другую еду, по-другому одевался и жил в другом доме. Но хотя географическое расположение и чужеземные обычаи могли повлиять на проживавшего где-нибудь на отшибе кельта, личность кельта оставалась такой сильной и индивидуальной, - таким особенным и ярким был кельтский характер! - что по доступным нам данным мы можем понять: все эти люди во всех этих различных регионах по сути своей были кельтами.

Картина повседневной жизни ранних кельтов, которую мы собираемся нарисовать, пользуясь данными античных авторов, археологии и литературы на кельтских языках Ирландии и в меньшей степени Уэльса, представляется наиболее вероятной. Хотя литература на кельтских языках повествует об островных кельтах, картина, которая в ней отражается, замечательным образом согласуется с тем, что известно нам по другим источникам. Хотя ирландские тексты описывают мир, который уже был архаичным (в своей наиболее древней форме они относятся не раньше чем к VIII веку н. э.), долговечность и устойчивость устной традиции в кельтском обществе, где передачей информации был занят целый класс профессиональных носителей традиции, специально учившихся своему искусству, были такими, что, когда местная традиция была, наконец, записана под эгидой христианской церкви, в ней хранилась память о более архаическом мире, и эта информация была надежной и достоверной. Делая скидку на местные и временные различия, а также детали, касающиеся того, что было принято или допустимо в том или другом племени (прилегающие или свободные штаны, распущенные локоны или волосы, скрученные в плотный узел на затылке, и т. д.), в этой главе мы попытаемся показать основную природу кельтского общества в период его наибольшего расцвета и влияния.

Структура общества

В общем и целом структура кельтского общества, видимо, была одной и той же по всему языческому кельтскому миру. О ней рассказывали античные писатели. Ирландские законодательные трактаты в особенности рисуют картину общества, структура которого именно такова, как сообщали античные авторы. Археологические данные - насколько это возможно - говорят о такой же организации социальных слоев, то есть они свидетельствуют о том, что общество было, по сути своей, аристократическим. Из всех этих разнообразных источников мы узнаем, что на вершине общества стоял король. Однако к тому времени, как Цезарь завоевал Галлию, королевская власть во многих ведущих племенах была заменена главными магистратами (вергобретами), которые правили совместно с аристократией. Ниже короля стояла высшая знать, которая была в высшей степени аристократической и могущественной. Этот класс включал также жрецов, которые в Галлии всегда происходили из аристократии, и, судя по всему, так было и в Ирландии. Еще ниже стояли неблагородные свободные люди, владевшие землей и собственностью (по-нашему что-то вроде джентльмена-фермера)[8]; в этот класс входили также наиболее выдающиеся ремесленники, прежде всего кузнецы, которые занимали в галльском обществе высокое положение. В этом ремесле видели нечто сверхъестественное, и бог-кузнец, соответственно, занимал весьма высокое место в пантеоне кельтских божеств. Только эти три класса населения имели какое-то значение в кельтском обществе. Остальное население состояло из несвободных членов общества, которые не имели никаких прав, не могли носить оружие, не владели землей и собственностью. Им жилось лишь чуть лучше, чем рабам. Это были в основном семьи, попавшие в трудное положение, представители завоеванных кельтами народов, сами рабы и так далее. Цезарь прямо говорит о том, что эти слои общества почти ничем не отличались от рабов. Рассказывая о кельтском обществе вообще, он пишет: «Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по се-

бе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса - это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания... они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах, - решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто - будет ли это частный человек или же целый народ - не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность. Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам... Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими; они вообще свободны от военной службы и от всех других повинностей... Другой класс - это всадники. Они все выступают в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные, или оборонительные войны). При этом чем кто знатнее и богаче, тем больше он держит при себе слуг и клиентов. В этом одном они видят свое влияние и могущество».[9]

Страбон также говорит о высоком ранге друидов и бардов, или ватов: «У всех галльских племен, вообще говоря, существует три группы людей, которых особенно почитают: барды, предсказатели и друиды. Барды - певцы и поэты; предсказатели ведают священными обрядами и изучают природу; друиды же вдобавок к изучению природы занимаются также и этикой».

То, как античные писатели изображают кельтское общество, поразительно похоже на то, как оно описывается в древнеирландских сагах и законодательных трактатах - вплоть до мельчайших деталей. Все это также очень напоминает общество шотландских гэлов вплоть до XVIII века - с заменой клана на племя и вождя клана на вождя племени. Младшие члены аристократии и родичи стояли почти на одном уровне с вождем, в то время как остальные члены клана должны были быть ему преданы, зависели от него и сражались за него в межклановых столкновениях и в более серьезных случаях. Таким образом, у каждого племени в областях языческих кельтов был свой король, могущество которого определялось количеством земель, которыми он правил, размером его племени и числом клиентов; ниже его стояли свободные благородные люди, а также жрецы и провидцы. Цезарь, как мы уже видели, упоминает об обычае клиентелы, и это была одна из основных черт кельтского общества. Клиентская зависимость очень часто встречается в древнеирландском законодательстве, в сагах и в Ирландии известна как *ceilsine*. Один свободный человек мог стать клиентом или вассалом другого, более влиятельного. Эти отношения могли быть подтверждены соглашением между двумя сторонами. Таким образом, знатный человек становился богатым и знатным (соответственно числу своих клиентов), поскольку клиент заимствовал у своего лорда капитал и возвращал его обратно с процентами[10]. Как и в случае с шотландским кланом, клиент сражался на службе у своего господина и сопровождал его при появлении в обществе. В обмен на это господин защищал своего клиента от опасностей и занимался его делами. Таким образом свободный человек мог стать могущественным и знатным, и не в силу своего благородного рождения, но просто по количеству своих клиентов. О кельтском обычае клиентелы упоминает и Афиней, кото-

рый говорит: «Кельты даже на войне не расстаются со своими нахлебниками, которых они называют параситами».[11]

Другой, весьма типичной чертой кельтского общества было воспитательство. Оно также существовало в гэльской Шотландии до XVIII века как общепризнанный обычай. Сыновей из семей мелкой знати обычно посылали жить и воспитываться в дома более могущественных аристократов; здесь их учили основам военного дела и всему остальному, чем следовало владеть знатному человеку. Это, конечно, давало господину дополнительную власть над клиентами - ведь под его контролем были их сыновья. В древнеирландской традиции связь между приемным сыном и приемным отцом была особенно близкой и искренней, а отношения между теми, кто воспитывался вместе, считались почти священными. Видимо, именно об обычае воспитательства Цезарь говорит: «В остальных своих обычаях они отличаются от прочих народов главным образом тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия или воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце».

Ребенок, отданный на воспитание, возвращался к своему отцу только после окончания обучения и, естественно, не мог в это время сопровождать его на публике. Девочек также посылали к приемным родителям, где они учились шить и вышивать. Мальчиков учили плавать, ездить верхом, пользоваться пращей и играть в такие игры, как фидхелл и брандуб. Плата приемным родителям могла быть разной в зависимости от ранга самого ребенка. В Ирландии мальчиков, очевидно, возвращали родителям в возрасте 17 лет, в то время как девочки отправлялись домой в 14 лет. Приемные дети были обязаны поддерживать своих приемных родителей в старости. Связь между детьми, воспитанными в одном доме, была очень близкой, и она хорошо показана в саге «Похищение быка из Куальнге» и других источниках. Фер Диад, один из великих героев этой саги, обязан вступить в поединок со своим приемным братом Кухулином. Это один из самых трагичных моментов в рассказе, и он очень четко показывает, насколько крепкие узы связывали в древности совоспитанников. Из-за хитрости великой королевы Медб Фер Диад оказывается вынужден сразиться с приемным братом:

«Сейчас же послали гонцов и посыльных к Фер Диаду, но тот отказал им, отверг и не принял. Не пошел с ними Фер Диад, ибо знал, чего хотят от него ирландцы - боя-сражения с Кухулином, другом любимым, товарищем, названным братом. Вот отчего не пошел он за ними. Тогда отправила к нему королева друидов, заклинателей и певцов, чтобы пропели они три леденящие песни и трижды заклинали его, да возвели на лицо Фер Диада три порчи - позора, стыда, поношения, что, откажись он идти, сулили гибель немедля или в девять дней срока. Последовал за ними Фер Диад, не желая поступиться честью, ибо смерть от копья боевого искусства, геройства и силы считал достойней, чем гибель от жала заклятия, упрека, позора».

Действительно, узы такого братства были очень сильны, однако для кельта еще более силен был страх перед сатирой.

В языческой Ирландии друиды также занимали высокое место. Никто, включая самого короля, не мог говорить до того, как выскажется друид. Главным друидом Конхобара, сына Несс, короля племени уладов, был могущественный Катбад; он же был и отцом короля. В древних текстах друиды фигурируют не столько как жрецы, сколько как пророки, - видимо, потому, что христианские писцы не включали прямые упоминания о подлинных языческих религиозных обрядах в те истории, которые они записывали, хотя их следы порой можно различить.

Кроме того, к числу свободных и благородных людей принадлежал и колесничий. Его отношения с воином, которому он служил, были очень близкими. Колесничий Лоэг обладал огромным влиянием на Кухулина, и его мудрое вмешательство нередко спасало героя.

Такова была структура языческого кельтского общества, и именно на этом фоне мы должны далее рассматривать все сферы повседневной жизни, которая разворачивалась в

этих рамках, - религия, ученость, домашняя жизнь, законы, война. Все говорит именно о таком, аристократическом обществе, и в основном о вышеупомянутых трех классах - остальные люди почти не упоминаются; они не интересовали ни античных писателей, ни древних сказителей, а позднее - и археологов, поскольку оставили после себя не так много материальных предметов, которые выдержали бы испытание временем. Цезарь совершенно прав, когда говорит, что этим людям жилось ничем не лучше рабов. Видимо, и Диодор Сицилийский не преувеличивает, когда говорит о кельтах: «Плывя по судоходным рекам Галлии или двигаясь в повозках по равнинам, они[12] привозят вино и продают его по невероятно высокой цене: за глиняный сосуд с вином берут отрока, получая, таким образом, за напиток слугу».[13]

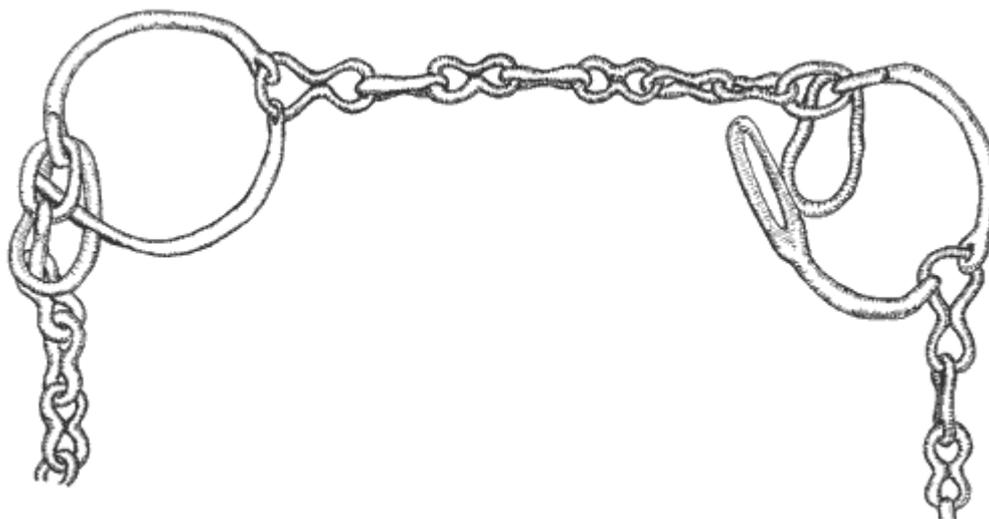

Рис. 7. Цепи для рабов, найденные при осушении озера Ллин-Керриг-Бах на острове Англси среди предметов, принесенных в жертву богам.

Из мимоходного замечания Диодора мы можем составить себе представление и о рабстве, и о его масштабах. Подтверждают эти сведения и находки среди кельтских предметов (например, в Ла-Тене и Ллин-Керриг-Бах на острове Англси) цепей для отдельных людей и для целых верениц рабов (рис. 7).

Внешний вид

Средиземноморским авторам кельты казались совершенно особенными людьми. Это говорит о том, что и их внешний вид, и их манера одеваться отличались от римских и греческих, и в силу этого заслуживали внимания.

Рис. 8. Грубая прическа (изображение на кельтской монете).

Из различных источников мы можем получить достаточно детальное представление о том, как выглядели кельты, и узнать кое-что об их собственных взглядах на красоту. Античные писатели посвящают достаточно много места рассказам сначала о внешнем виде кельтов, а затем и об их одежде. Древнеирландские тексты также поразительным образом подтверждают эту информацию.

Очевидно, что даже совершенно чуждому им миру Средиземноморья кельты казались привлекательными; женщины соперничали с мужчинами ростом и красотой. Диодор Сицилийский говорит, что некоторые из кельтских мужчин носили короткие бороды, а другие брились: «Знатные мужчины выбривают щеки, а усы оставляют, чтобы те закрывали губы, так что во время еды кусочки пищи застревают в усах, когда же они пьют, напиток словно процеживается через сито».

Это замечание вполне подтверждается античными изображениями кельтов и местной религиозной иконографией. Страбон говорит об их волосах, и ирландские источники также подтверждают его слова: «Волосы русые от природы, причем этот естественный цвет они стараются усилить еще более с помощью искусственных средств. Поэтому галлы очень часто моют волосы известковым раствором и зачесывают их от лба к макушке и шее, напоминая, таким образом, видом своим сатиров и панов. Благодаря такому уходу волосы у них становятся толстыми, ничем не отличаясь от конской гривы».[14]

В ирландских сказаниях постоянно описываются аристократы с белокурыми волосами, овальными лицами и светлой кожей. Страбон говорит об «очень влажной и белой» коже галлов - видимо, по контрасту со смуглой кожей жителей Средиземноморья - и об их высоком росте. Мужчины, как и женщины, носили длинные волосы. В сагах живо описываются волосы различных героев. В эпических сагах, например в «Похищении быка из Куальнге», говорится, что у одной из групп воинов, которые пришли на помощь королеве Медб против уладов (жителей Ольстера), «длинными золотистыми прядями падали волосы», что подтверждает свидетельства античных авторов о длинных золотых волосах кельтов.

Эти свидетельства можно подкрепить еще десятками примеров из кельтских литератур. Герой «Похищения» Кухулин, у которого, как говорят, были темные волосы, несколько отклоняется от идеального типа белокурого кельта, однако на самом деле его волосы имели три оттенка - черные у корней, каштановые в середине и белокурые на концах; ясно, что речь идет о крашеных волосах. Волосы Кухулина были настолько жесткими, что на кончик каждого локона можно было насадить яблоко: «Словно ветви боярышника, которыми заделывают дыру в изгороди, свились волосы на голове юноши. Если бы клонящу-

юся под тяжестью плодов благородную яблоню потрясли над его головой, ни одно яблоко не упало бы наземь, наколовшись на его грозно топорщащиеся волосы».

Конечно, здесь имеется в виду «искажение» героя в бою, которое охватывало его в те минуты, когда от него требовались величайшие подвиги силы и ловкости; это не его повседневный вид. Можно вспомнить о кельтских монетах, где на колеснице изображался обезумевший воин с развевающимися у него за спиной жесткими волосами; он выглядит как воплощение безумия и нечеловеческого боевого пыла (рис. 9).

В другой обстановке к Кухулину возвращается его обычная, мирная красота, и, когда он завершил свои юношеские подвиги, его успокоили, омыли, одели и усадили рядом с его дядей, королем Конхобаром. Вот как он теперь выглядел: «Пятьдесят прядей волос лежали между его ушами, все светло-желтые, словно верхушки берез или сияние на солнце за-колок из бледного золота.

Рис. 9. Боевая ярость (изображение на кельтской монете).

Пышная копна волос на его голове, прекрасная и светлая, будто вылизанная коровой».

Опять-таки в «Похищении» три цвета его волос описаны так: «Трех цветов были его волосы - черные у кожи, кроваво-красные посередине, а сверху, словно корона, были они золотые. Чудно лежали они тремя кольцами у затылка, и будто золотая нить был каждый из этих волос, золотистых, прекрасных, невиданно дивных цветов, что длинными прядями падали сзади на плечи».

Несмотря на то что многие описания не согласуются друг с другом и поэтому они, очевидно, представляют собой привычные формулы, как, например, в традиционных шотландских гэльских любовных песнях, где говорится, что у девушки пышные каштановые волосы, но при этом в припеве все время поется «о моя златокудрая, белая дева» (*nighean bhuidhe bhan*), - эти описания подчеркивают важность волос для древних кельтов и их роль в «идеале» красоты, который для кельтов вообще был очень важен. Хотя постоянные упоминания о сложных прическах и завивках, несомненно, преувеличены, они подтверждают свидетельства античных писателей и их замечания о тщеславии кельтов, которые постоянно заняты своей прической. Как мужчины, так и женщины заплетали волосы, что можно видеть на некоторых образцах кельтской религиозной иконографии. Шлемов, как правило, не носили, поскольку они могли бы и спрятать, и испортить сложную прическу. У женщин были длинные волосы, и, в конечном счете, их красота зависела от кос и цвета волос. Их сложным образом завивали или заплетали, зачастую закалывая гребнями; иногда концы двух кос закрепляли золотыми и серебряными украшениями.

В «Похищении быка из Куальнге» есть впечатляющее описание волос пророчицы Фелдьям, когда она встречается с Медб: «Три пряди золотистых волос девушки были уложены вокруг головы, а четвертая вилась по спине до икр».

Религиозная скульптура юго-западной Англии, возможно, дает нам ближайшие иконографические параллели к словесным описаниям длинных и сложным образом закрученных волос ирландских воинов. Примером может служить группа рельефов, обнаруженных в Глостершире и Уилтшире. На них изображены местные божества, одетые в короткие туники, с оружием и с длинными кудрявыми волосами, как правило, без шлема.

Таким образом, для кельтов идеалом красоты были - обычно, хотя и не всегда - белокурые, густые, пышные волосы, уложенные в сложную прическу. Конечно, среди кельтской аристократии встречались и темноволосые, и Кухулин - не единственный герой с темными волосами. Однако по некоторым пассажам создается представление, что на него в ульстерском обществе смотрели чуть ли не как на чужака, как на пришельца, и общество приняло его красоту, хотя она и отличалась от обычных стандартов. Однако есть и другие темноволосые герои, и никто не смотрит на них из-за этого свысока. В описании разных воинов в «Похищении», например, говорится:

«Широкая шея, могучее тело у воина, что шел во главе тех бойцов. У него темные, коротко стриженные волосы и зловещее багровое лицо, на котором светились серые глаза...

- Знаешь ли ты его? - спросил Айлиль Фергуса.

- Воистину да, - отвечал тот, - он разжигатель раздора, всезатопляющая бурная волна, человек трех кличей, море, рвущееся через преграды, Мунремур, сын Герркинда, из Модорна, что на севере».

Конечно, Мунремур - не высокий, изящный, длинноволосый и белокожий идеальный тип, но тем не менее он - могущественный и уважаемый воин. Хотя кельты и считали идеалом красоты высокого блондина, несомненно, в таком сложном и обширном сообществе, как кельты, существовало значительное смешение расовых типов. Кухулин, как мы уже видели, воплощает в себе ходячее представление о том, что кельты черноволосы и малы ростом. Белокурый идеал мог относиться только к какой-то части аристократии. Низшие классы должны были быть смешанного типа, но никто не взял на себя труд рассказать нам об этом.

Кельтские мужчины очень заботились о своей фигуре. Растолстеть было позорно. Страбон пишет: «Своеобразным является и следующее его[15] сообщение: они стараются не разжиреть и не стать толстобрюхими, и юноша, который превышает по размерам норму - меру пояса, подвергается наказанию».

Размер и мощь их тел описаны классическими авторами, писавшими о белгах. Кроме того, Страбон говорит: «Галльское оружие соответствует их большому росту». Далее, античные авторы описывают их агрессивную и пугающую манеру себя вести. Диодор Сицилийский говорит: «Внешность у галлов устрашающая, голос - громкий и очень грубый». О кельтских женщинах он пишет: «Женщины у галлов не только почти равны мужчинам ростом, но и могут соперничать с ними в силе».

Римский автор Аммиан Марцеллин говорит нам больше о фигуре и внешнем виде кельтов и снова замечает, что галлы высоки и белокуры: «Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим, и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил».[16]

Римский писатель Дион Кассий также достаточно подробно описывает королеву племени иценов Боудикку: «Она - гигантского роста и страшного вида, с суровым голосом. Огромная грива ярко-рыжих волос падает у нее до коленей».

Все эти описания, как античные, так и местные, свидетельствуют о том, что кельты в Галлии, как и на Британских островах, в основном были высокими, белокожими, белокурыми или рыжеволосыми людьми с голубыми глазами, мощным сложением, лицом «широким сверху и узким снизу» (скульптуры античного времени подтверждают и эту черту),

а также о том, что кельты были весьма и весьма озабочены своим внешним видом. Они тратили множество усилий на то, чтобы украсить себя и чтобы искусственно увеличить свои волосы, и так длинные и густые. То, что кельты старались искусственно подчеркнуть и другие черты, вполне очевидно. В ирландской саге, где рассказывается о судьбе сыновей Уснеха (знаменитая история о Дейдре), в самой ранней ее версии (возможно, VIII век н. э.) Дейдре жалуется: «В пурпур не крашу ногти»[17], имея в виду, что ее скорбь настолько велика, что она уже не может заботиться о своем внешнем виде. Кроме того, ирландские женщины окрашивали свои брови в черный цвет соком ягод и подкрашивали щеки с помощью травы под названием «руам». Есть свидетельства и об использовании косметики кельтскими женщинами на континенте. В Риме поэт Проперций порицал свою возлюбленную за то, что она использует косметику, как кельты.

Кельты, судя по всему, обращали внимание и на личную гигиену. В ранних сагах есть много упоминаний о том, как люди моются или ходят в баню. В отличие от обитателей средиземноморского мира они пользовались водой и мылом. Согласно ирландским сагам, они также применяли растительное масло и ароматные травы для того, чтобы умащать свое тело. Археологи обнаружили множество изящных зеркал и бритв, которые служили для туалета аристократов. Они упоминаются и в текстах. Аккуратность кельтов отражается и у Афиня в описании того, как кельты едят мясо: «Едят они опрятно, но с каким-то львиным неистовством: двумя руками хватают кусок животного и обгрызают мясо зубами». Любой, кому приходилось наблюдать за тем, с каким невероятным умением и осторожностью современный шотландский гэл ест соленую селедку, может вполне оценить замечание Афиня.

Общее впечатление, которое возникает у нас из всех имеющихся в данный момент в нашем распоряжении источников, таково: это были высокие, могучие мужчины и женщины с белокурыми или рыжими волосами, серо-голубыми глазами, светлой кожей, овальными лицами и свежим цветом лица. Античные писатели упоминают о том, что кельтские женщины очень плодовиты. Так, говоря о кельтских племенах, Страбон отмечает: «Я уже сказал о числе гелветов и арвернов и их союзников; из всего этого становится очевидной многочисленность их населения, а также то, о чем я упомянул выше: исключительная способность женщин рожать и воспитывать детей». А Диодор Сицилийский, говоря о кельтских женщинах, утверждает нечто странное: «Дети же у них в большинстве случаев седые от рождения, однако с возрастом цвет их волос меняется, становясь таким, как у отцов».

Повсюду подчеркивается, что у этих племен - роскошные волосы, которые, как правило, носили распущенными или заплетенными в косу и заколотыми гребешками или другими украшениями. Мужчины могли быть гладко выбриты, носить усы или ходить с бородой и усами. Вилообразные или еще каким-нибудь замысловатым способом причесанные бороды упоминаются в сагах; это подтверждает и местная иконография.

Одежда

Сведения, которые дают нам античные авторы и ирландские саги об одежде кельтов (наряду с замечаниями об их аккуратности), говорят, что внешний вид кельтов и фасон их одежды делали их в глазах людей античности вполне узнаваемыми и непохожими на соседей - несмотря на все неизбежные расхождения в моде, обусловленные разницей в месте и времени.

Рис. 10. В руках этой бронзовой фигурки музыканта из Невиан-Суйя (департамент Луаре, Франция) когда-то был инструмент, который теперь утрачен.

Мужчины предпочитали носить штаны, что очень впечатляло одетых в тоги жителей Средиземноморья. Для античной одежды штаны были чем-то чуждым. Римляне заимствовали у кельтов прилегающие штаны для кавалеристов; лучшая кавалерия в Римской империи набиралась именно из кельтов. Страбон пишет: «Хотя галаты по натуре воинственный народ, все же они более искусные всадники, чем пехотинцы, и лучшая часть конницы у римлян состоит из этого племени».

Обычай носить штаны пришел из контактов с такими народами конников, как скифы и иранские племена. Гальштатские вожди (рис. 15) носили брюки (*bracae*). Очень прилегающие штаны, доходившие только до колена, носили воины, изображенные на котле из Гундеструпа (рис. 25). Прилегающие штаны видны и на прекрасном бронзовом изображении музыканта из Невиан-Суйя (рис. 10). Среди ирландской аристократии штаны были практически неизвестны, хотя слуги их и носили. Наши самые ранние источники достаточно подробно описывают одежду. Она, судя по всему, состояла из льняной туники до колена, перехваченной на талии поясом. На туниках зачастую были красивые каемки и вышивки. У континентальных кельтов пояса и кушаки были украшены бронзовыми и золотыми накладками; видимо, то же самое встречалось и у ирландцев. Поверх туники носили плащ, и это был самый важный предмет одежды как в Европе, так и на Британских островах; он имел как функциональный, так и социальный аспект. Длина и размер плаща, судя по всему, указывали на социальный статус владельца. Плащ носили как мужчины, так и женщины. На Федельм, как она описана в «Похищении быка из Куальнге», в момент встречи с королевой Коннахта Медб был пестрый зеленый плащ (что напоминает античные описания плащей галлов - они были полосатыми или в клеточку и многоцветными).

Плащ закалывали брошью из золота или серебра; он был шерстяным - легкий летом, толстый зимой. Описывая британскую королеву Боудикку, Дион Кассий говорит: «Она носила большое скрученное золотое ожерелье и многоцветную тунику, поверх которой был надет толстый плащ, застегнутый брошью».

Судя по всему, это одна из тех тяжелых одежд, о которых говорят античные авторы. Кельтские плащи были широко известны: в римскую эпоху на эти одеяния, изготовленные в Галлии и Британии, накладывалась огромная пошлина, и они продолжали славиться вплоть до Средних веков. Хорошее качество и добрая слава этих плащей говорят об умении и благосостоянии тех, кто занимался выращиванием овец в кельтских странах. В Италию из Галлии импортировались шерстяные плащи - *sagi*. Об этой торговле упоминает Страбон, который упоминает также об экспорте свинины из Галлии в Рим и Италию. Сами плащи, насколько мы можем понять, были прямоугольными, без рукавов или горловин. В ранних текстах говорится о том, что плащи ирландских королей были «сложены впятеро». Очевидно, они были такими же пестрыми и декоративными, как и у галлов. В «Похищении быка из Куальнге» содержится много важных описаний платья и внешнего вида ранней ирландской аристократии, как мужчин, так и женщин, а древние законы дают интересные сведения об окраске ткани и искусстве тканья. Федельм при ее встрече с Медб описывается таким образом: «Девушка ткала бахрому, держа в правой руке станок из светлой бронзы с семью золотыми полосками на концах».

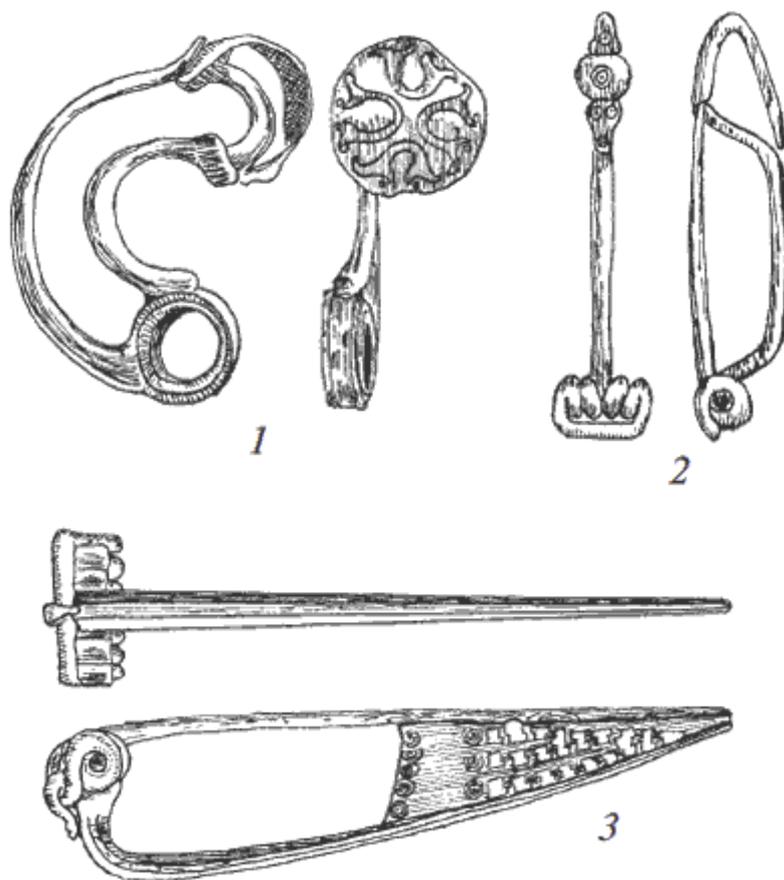

Рис. 11. Броши: 1 - Бекли, Оксфордшир; 2 - Колд-Китчен-Хилл, Уилтшир; 3 - Дил, Кент.

Таким образом, обычная одежда свободных ирландцев накануне христианского периода, видимо, состояла из короткой льняной туники и сложного длинного шерстяного плаща, заколотого брошью. Размеры и сложность украшений обозначали социальный статус и ранг.

Для украшения использовались также колокольчики. Аристократы носили множество украшений: «Вдобавок к простодушию и храбрости у них еще много глупости и хвастовства, а также страсти к украшению, ибо они не только носят золотые украшения - ожерелья вокруг шеи и браслеты на руках и запястьях, но и сановники носят разноцветную расшитую золотом одежду. В силу такой душевной пустоты они нестерпимы как победители и выглядят совершенно растерянными, потерпев поражение».

Археологические данные полностью подтверждают страсть кельтов к украшениям: было обнаружено множество брошей (рис. 11), колец, ножных колец, ожерелий и сложных металлических поясов.

Среди других украшений, упоминаемых в ирландских источниках, - короткая прилегающая кожаная куртка, которую, видимо, носили колесничие. Великолепное описание колесничего Кухулина - Лаэга перед битвой дает нам «Похищение быка из Куальнге»: «Вышел тут Лаэг и облачился в геройское одеяние возницы. Вот каково было это геройское одеяние возницы: рубаха воздушная, тонкая, легкая, что сработана дивно из шкуры оленя и не стесняла движения рук. Черный, словно вороново крыло, плащ надел Лаэг поверх рубахи... В гребенчатый шлем облачился возница, четырехугольный с металлическими пластинами, что, меняя оттенки и облик, спускался ниже середины плеч. Был украшением тот шлем, а никак не помехой».

Описание сложного шлема воина, который доходит на спине до лопаток, может, конечно, считаться чистой фантазией ученых людей Ирландии. С другой стороны, мы не можем пройти мимо тех фантастических шлемов, которые носят, например, воины на обнаруженных в Галлии каменных изображениях. В частности, одно из них - из Сент-Анастази (департамент Гар) - представляет собой бюст воина в доходящем прямо до плеч шлеме, украшенном различными знаками (рис. 12). Другой бюст воина происходит из Грезана (департамент Гар) (рис. 13); шлем очень похож на шлем из Сент-Анастази. Сидящий воин из Антремона также одет в прилегающую куртку, судя по всему, из свиной кожи с короткими рукавами, которые «не стесняли движения рук». Эти скульптурные детали, подтвержденные археологией, заставляют предполагать, что вышеприведенное описание - не просто плод воображения писцов, но может основываться на устной памяти, в которой сохранились подлинные предания об одежде языческих кельтов.

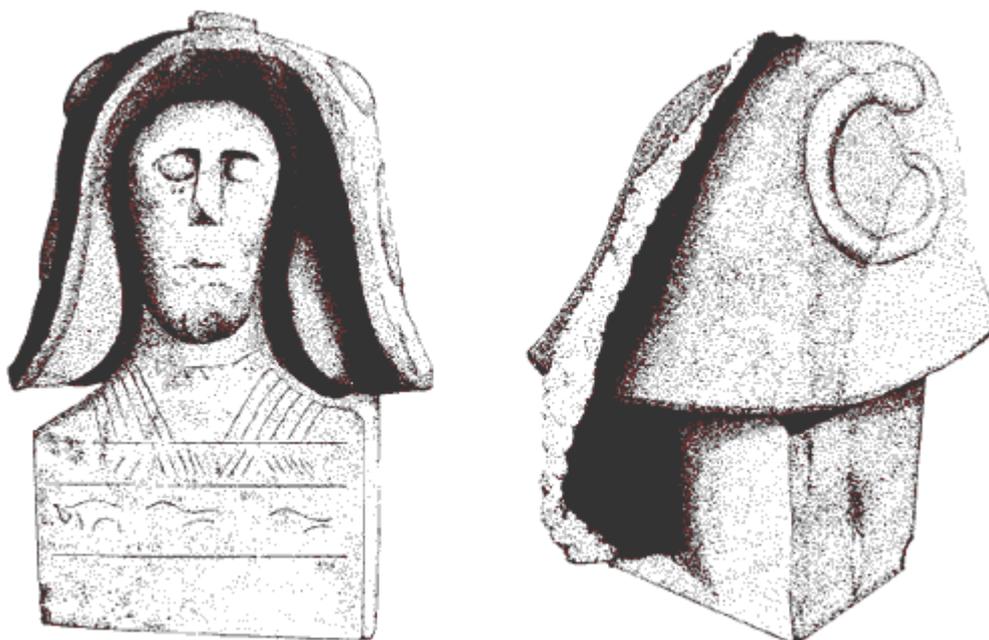

Рис. 12. Воин в шлеме из Сент-Анастази (департамент Гар, Франция).

Рис. 13. Бюст воина из Грезана (департамент Гар, Франция).

Кельты носили кожаные башмаки и сандалии, а иногда и льняные туфли с кожаной подошвой. Известно, что носили и деревянные сандалии. Есть упоминания о рубашках и туниках с капюшоном, однако, судя по всему, головные уборы в целом не пользовались популярностью, поскольку сложная прическа в большинстве случаев делала их излишними. Когда молодой Кухулин приходил в свою знаменитую боевую ярость, которую приходилось утихомиривать достаточно радикальными средствами, и возвращал себе нормальный, повседневный вид, он причесывался, одевался и снова становился спокойным и прекрасным героем: «Пышная копна волос на его голове, прекрасная и светлая, будто вылизанная коровой. На плечах его зеленый плащ и рубаха золотой нити». Диодор Сицилийский как будто описывает тунику Кухулина, когда говорит: «Таким образом добывают большое количество золота, которое носят в виде украшений не только женщины, но и мужчины. На запястьях и на предплечьях они носят браслеты, на шее - толстые кольца из чистого золота, а кроме того, носят большие перстни и золотые панцири».[18]

Подобным же образом описаны галлы в античных источниках, и их близкое родство с ирландцами (за исключением ношения штанов) совершенно очевидно. Поверх штанов галлы носили туники; по описанию Страбона, они были с разрезами и с рукавами. Юноши, играющие с колесом, которые изображены на ножнах латенской эпохи, носят своеобразные туники, похожие на современные жакеты (рис. 14). Изображенные на котле из Гундеструпа люди носят, судя по всему, одежду без швов из ребристой вязаной ткани с V-образными вырезами, длинными прилегающими рукавами, а также брюки до колен; на талии у них орнаментированные пояса. В целом туники, судя по всему, были короткими и заканчивались чуть ниже бедер. Тем не менее очевидно, что с течением времени мода менялась, а в различных регионах появлялись свои предпочтения. На бронзовом изображении бога, похожего на Кернунна из Безансона, мы видим тунику, надетую поверх свобод-

ных штанов. Полибий, описывая битву при Теламоне в 225 году до н. э., упоминает о том, что кельты носили штаны, плащи, ожерелья и браслеты. Диодор Сицилийский с живописными деталями описывает одежды галлов: «Одежду галлы носят замечательную: хитоны, выкрашенные во всевозможные цвета и расшитые; штаны, которые они называют «браки»; плащи с пряжками, зимой - полосатые, плотные, летом - легкие, в частую клетку и пестрой окраски... Некоторые носят поверх хитона украшенный золотом или серебром широкий пояс».

Согласно Страбону, в то время были «в области кадурков - льноткацкие мастерские». О белгах, племенах, обитавших между Рейном и Луарой, он пишет: «Население Галлии носит «саги», отращивает длинные волосы, носит узкие брюки; вместо хитонов у них рубашки, с рукавами, спускающиеся до половых частей и ягодич. Шерсть галльских овец, из которой они ткнут свои косматые «саги» (римляне называют их «ленами»), грубая и длинноворсовая». По-древнеирландски рубашка называлась *laine*, и это название сохранилось до сих пор в современном ирландском и в шотландском гэльском.

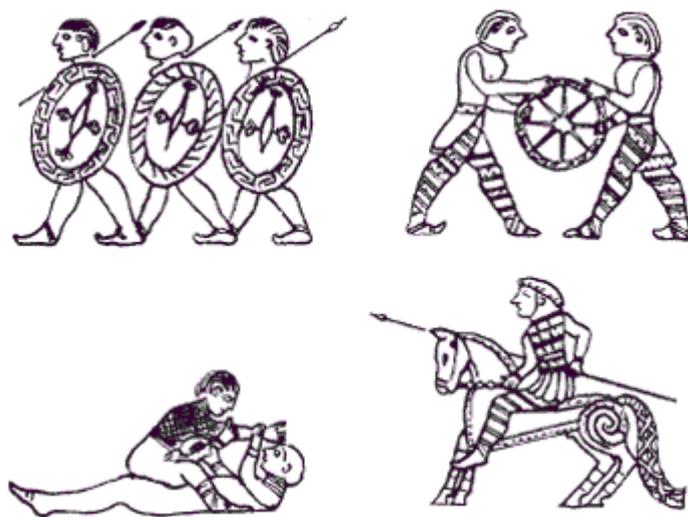

Рис. 14. Фигуры, выгравированные на бронзовых ножнах, обнаруженных в погребении в Гальштате, Австрия.

Ирландские тексты говорят нам о том, что женщины носили туники длиной до земли, плащи, броши и другие украшения; волосы они заплетали в две или три косы. Концы кос закреплялись украшением в виде шарика или бусинки. Античные авторы говорят о мощном сложении, а также о красоте кельтских женщин. В «Похищении быка из Куальнге» сказано, что королева носила золотую диадему. В саге есть также великолепное описание самой королевы: «Приблизилась ко мне женщина, высокая, прекрасная, длиннолицая, бледная, с золотистыми прядями волос. На ней был пурпурный плащ, а в нем на груди золотая заколка. Прямое, остроконечное копье сверкало в ее руке».

Другое описание древнеирландской женщины содержится в истории о сватовстве к Этайн[19]. Король Эохайд подыскивал себе жену, и его вестники увидели Этайн. Король отправился к ней и нашел ее у колодца: «...увидел там у источника женщину с серебряным гребнем, украшенным золотом, что умывалась водой из серебряного сосуда, на котором были четыре птицы из чистого золота и по краю маленькие красные самоцветы. Красный волнистый плащ с серебряной бахромой был на той женщине и чудесное платье, а в плаще золотая заколка. Белая рубаха с длинным капюшоном была на ней, гладкая и прочная, с узорами красного золота. На груди и плечах с каждой стороны скрепляли рубаху золотые и серебряные пряжки с диковинными ликами зверей. Солнце освещало женщину, и всякий мог видеть блеск золота на зеленом шелке. Две косы цвета золота лежали на ее го-

лове, и в каждой было по четыре пряди с бусинами на концах. Цвета ириса в летнюю пору или красного золота были ее волосы».

Это описание подтверждается другими данными. То, что Этайн была идеальным кельтским типом женщины, подчеркивает замечание, которое следует за описанием ее красоты: «Каждая хороша, пока не сравнишь с Этайн, каждая мила, пока не сравнишь с Этайн».

Нельзя закончить разговор о столь сложной проблеме, как кельтская одежда, не упомянув о замечательной декорированной керамике из Шопрона в Венгрии. Она относится к VII веку и иллюстрирует некоторые аспекты повседневной жизни и одежды гальштатской эпохи. Женщины носят приталенные колоколовидные юбки (трапеции). Юбки богато орнаментированы и украшены то ли колокольчиками, то ли бусинками. Женщины заняты прядением и тканьем. Эти изображения дают нам небольшие, но захватывающие подробности жизни в тот доисторический период кельтской истории (рис. 15).

По всему кельтскому миру мы видим, какое значение придавалось украшениям, как стремились все - как мужчины, так и женщины - украсить свое тело всевозможными ценными и привлекающими внимание безделушками. И материалы, из которых шили одежду, и личные вещи были весело и ярко украшены. Как и во всех героических обществах, дарение колец и украшений было признаком высокого статуса. Пышная одежда древних кельтов, а также их страсть выставлять себя напоказ с помощью украшений и оружия резко контрастирует с суровой простотой их домов и быта.

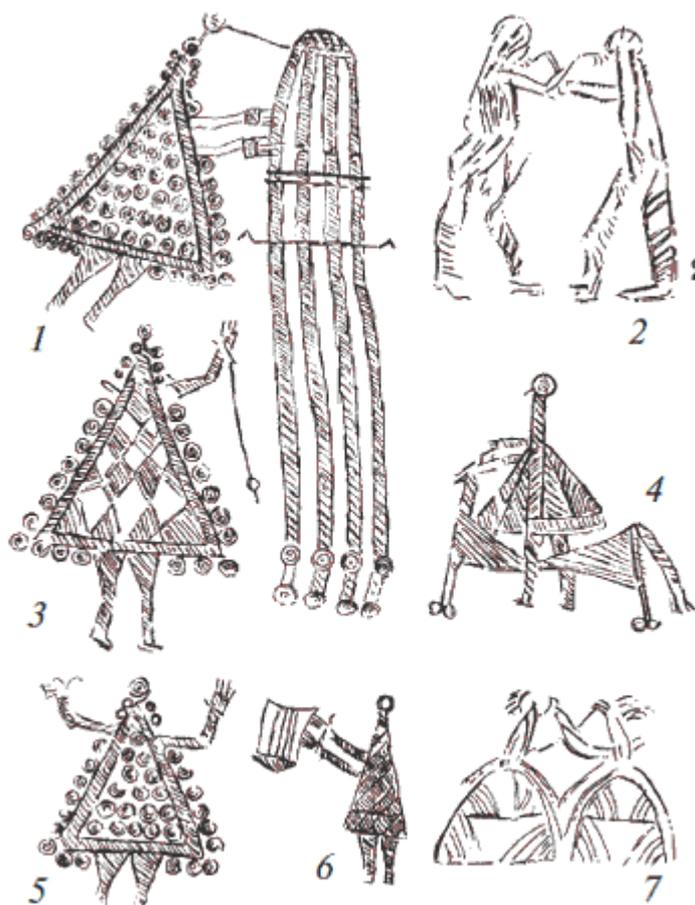

Рис. 15. Фигуры на керамике из Шопрона в северо-западной Венгрии: 1 - женщина тклет на вертикальном ткацком станке; 2 - дерущиеся мужчины; 3 - прядущая женщина; 4 - всадник; 5 - танец; 6 - игра на лире; 7 - дерущиеся женщины.

Вот такую картину мы можем нарисовать, опираясь на то, что говорят о внешнем виде и одежде кельтов античные авторы, данные иконографии, археологические данные и откры-

тия, а также ирландские саги, которые содержат много архаического материала. Хотя мы не можем считать, что эти описания изображают нечто типичное для всех кельтов в любой период, однако общая картина отношения кельтов к одежде и украшениям выглядит достаточно достоверно. Мы ясно видим, насколько распространенной была определенная мода, а также страсть к украшениям, если разнообразные источники содержат настолько сходную и убедительную информацию. Древнейшие ирландские данные существенным образом подтверждают данные античной традиции и иконографии. Все это позволяет нам заключить, что эти столь различные документы действительно дают нам достаточно достоверное представление о внешнем виде и одежде кельтских аристократов в доримское время в Европе и Британии, а также в Ирландии до прихода христианства в V веке н. э.

Глава 3

Война, дороги и транспорт, крепости и дома

В языческих кельтских обществах (и вплоть до сравнительно недавнего времени в тех областях, что остались кельтскими) войну считали нормой и чем-то очень желанным. Сражение, успех в поединке - вот то, что требовалось от юного воина и будущего героя. Кельтов не слишком беспокоило, кто с кем сражается и по какой конкретно причине или когда и где произошло сражение, - пусть только для этого найдется какой-нибудь предлог. Битва могла быть массовой схваткой, с ярким и свирепым «сбором войск», как говорится в древнеирландской саге, или поединком между двумя воинами - типичная для героического общества черта; поединок пользовался у кельтов особой популярностью. Любая тревога, любое оскорбление, пусть даже кажущееся, немедленно заставляло людей хвататься за оружие. В такую минуту ярости кельт мог напасть на любого, кто в такой момент попался под руку, и подло атаковать его. А поскольку подобные ситуации нередко вызывались чрезмерным употреблением алкоголя, о каком бы то ни было чувстве ответственности (которое могло бы возникнуть у трезвого) и речи не шло.

Прекрасную параллель дают нам упоминания у античных писателей о ситуации, которая постоянно встречается в ирландских сагах. В ирландской саге «Пир Брикрена» («Fled Bricrend») рассказывается следующее (мы приводим краткий пересказ): «Когда Брикрена подал свой пир уладам, они попросили его выйти из зала, как он и обещал; и, выходя, он попросил их дать «кусочек героя» величайшему воину среди них. Кравчие встали, чтобы разрезать еду, и колесничий Лозгайре тут же потребовал награду для своего хозяина. Колесничие Коналла и Кухулина потребовали того же. Три воина вскочили, схватились за оружие и начали сражаться - Лозгайре и Коналл против Кухулина, так что одна половина дома была словно в огне от звона мечей и копий, а другая - словно стая белых птиц от пыли их щитов. Весь дом перевернулся вверх дном, и Конхобар разгневался на эту бесчестность и несправедливость: два человека напали на одного. Однако никто не осмелился разнять их, пока Сенха, друид, не сказал Конхобару, чтобы он разнял сражающихся. Ибо Конхобар в то время был для уладов богом на земле».

На фоне этой типичной для языческой Ирландии ситуации свидетельство Афиней кажется еще более достоверным и интересным. Цитируя Посидония, он пишет: «На пирах кельты часто устраивают поединки. Приходят они с оружием и бьются или с мнимым противником, или, шутя, друг с другом; но иногда случаются и ранения, тогда они приходят в ярость, и, если не вмешаются окружающие, дело может дойти до убийства. В древности, - продолжает он, - за трапезой подавались цельные окорока и самому сильному воину вручалось бедро; если же кто-либо начинал спорить, то они вступали в поединок и бились насмерть».

Хорошо засвидетельствованы как воинственность древних кельтов, так и их страсть к ссорам и к тому, чтобы провоцировать ссоры, даже за столом. Надежда и идеалы будущего героя очень хорошо показаны в рассказе о детских подвигах Кухулина, и мы можем считать, что они типичны для языческого кельтского мира: «В ту пору друид, что зовется Катбадом, обучал друидической мудрости восьмерых учеников к северо-востоку от Эмайна. Спросил один из них, дурные или добрые знаки являлись Катбаду в тот день. И отвечал ему Катбад, что слава и доблесть будут уделом того юноши, но скоротечны и кратки будут его дни на земле. Услышал эти слова Кухулин...»

Будущий герой отправляется к своему дяде - королю Конхобару, сыну Несс, чтобы попросить у него оружие. К ним приходит друид и говорит:

«- Уж не принять ли оружие задумал ты, о мальчик?»

- Воистину так, - ответил Конхобар.

- Вот уж не желал бы я, чтобы сын твоей матери принял сегодня оружие, - молвил Катбад.

- Что ж так, - сказал Конхобар, - или не по твоему совету пришел он ко мне?

- Не бывало такого, - ответил Катбад.

- Ах так, лживый оборотень! - вскричал Конхобар. - Уж не задумал ли ты провести меня?

- Не гневайся, господин мой Конхобар, - молвил мальчик, - воистину это он надоумил меня, ибо, когда спросил его ученик о знаменьях на нынешний день, отвечал Катбад, что доблесть и слава станут уделом того юноши, что примет сегодня оружие, но скоротечны и кратки будут его дни на земле.

- Правду сказал я, - воскликнул Катбад, - будешь велик ты и славен, но быстротечною жизнью отмечен!

- С превеликой охотой остался бы я на земле всего день да ночь, лишь бы молва о моих деяниях пережила меня, - сказал Кухулин».

Страбон, как и другие, отмечает воинственность кельтов и их презрение к личной безопасности и долголетию: «Все племя, теперь называемое галльским и галатским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги».

Война и военное дело, очевидно, занимали одно из первых мест в повседневной жизни кельтских народов, где бы они ни жили. Следовательно, мы можем ожидать, что у них были в чести оружие, военная тактика и подробно разработанный кодекс чести. Любовь кельтов к битве и поединку отражается не только во всех данных об их повседневной жизни: она проявляется и в их религиозных традициях и культовых легендах. Бог племени был прежде всего превосходным воином. Полубожественный герой в поединке мог заменить бога - бог мог прийти и помочь полубожественному герою в подобной ситуации. Говорили, что боги живут в оружии великих героев или двигают им.

Война, оружие и колесницы

Теперь мы должны рассмотреть данные об оружии и боевом снаряжении кельтов. Что именно эти кровожадные варвары использовали в битве? Древнейшие сведения о кельтском оружии, в том числе о том, которое послужило прототипом для более поздних образцов, конечно, дают погребения. Меч в сражении всегда был жизненно важен: в погребениях эпохи гальштата (которые датируются около 700 года до н. э.) на смену бронзовому рубящему мечу, популярному в позднем бронзовом веке, пришел длинный железный меч,

которым также можно было рубить и вонзать. Использование нового металла - железа, разумеется, имело жизненно важное воздействие на качество и прочность оружия и его эффективность в сражении. Полибий, говоря о галльских мечах в своем описании знаменитого сражения при Теламоне, утверждает: «Галатским мечом можно только рубить...[20]...мечи их, как сказано было выше, пригодны только для первого удара, что вслед за тем притупляются и наподобие скребницы искривляются вдоль и поперек настолько, что второй удар получается слишком слабый, если только солдат не имеет времени выпрямить меч ногою, упирая его в землю».[21]

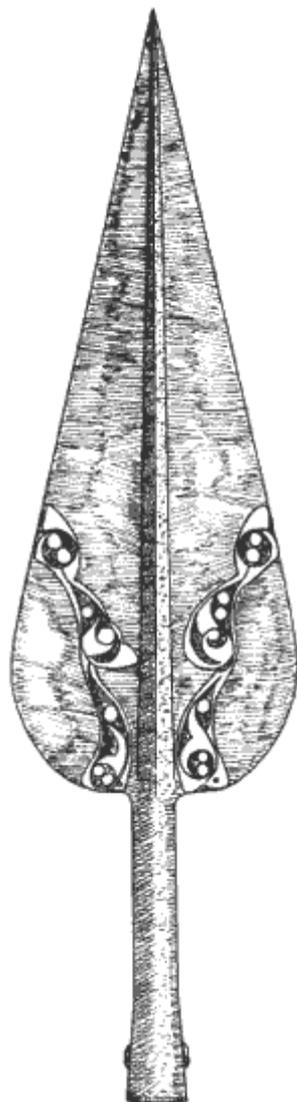

Рис. 16. Железный наконечник копья с бронзовыми украшениями, обнаруженный в реке Темзе близ Дэтчета, Беркшир.

В ранних ирландских сагах есть упоминания о распрямлении меча ногой; иногда для этого использовали даже зубы! Нередко упоминаются мечи с золотыми рукоятками. В «Похищении быка из Куальнге» Кухулин и Фер Диад сражаются мечами с рукоятками из слоновой кости[22]. Позднее в том же самом поединке Фер Диад выбирает «тяжелые, тяжело рубящие мечи» в качестве своего оружия на день.

Кельтские воины также носили пару копий с широкими лезвиями, использовавшихся для метания (рис. 16). Ранние ирландские саги часто о них упоминают. В определенный момент в ходе поединка со своим названным братом Кухулин выбрал копьё в качестве оружия. «Тогда испытаем тяжелые длинные копьё, - сказал Кухулин, - быть может, удары

копья быстрее разрешат наш спор, чем вчерашнее метание. И пусть приведут лошадей да запрягут в колесницы, ибо не пешими будем сегодня сражаться».

В эпоху гальштата использовался также кинжал с широким лезвием. Когда стал популярным колющий железный меч, кинжал стали использовать для ближнего боя. В латенском оружии мы можем видеть влияние древнегреческих образцов, а также выделить местные, гальштатские элементы.

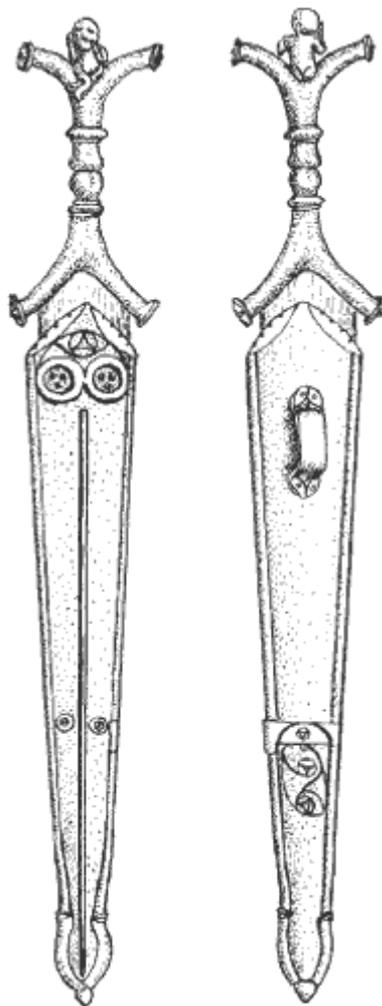

Рис. 17. Кинжал с ножнами, поднятый драгой со дна реки Уитхэм в Линкольншире.

Кельты носили мечи в ножнах, покрытых орнаментированными листами бронзы, а также в железных (о них речь пойдет дальше, в главе 7). Кинжал также носили в ножнах (рис. 17). Судя по всему, луки и стрелы были не в моде, хотя о них и упоминает Страбон: «Упоминаются еще и другого рода человеческие жертвоприношения; они расстреливали свои жертвы из лука или распинали их в святилищах». То, что использование стрел было не полностью ритуальным, следует из другого его замечания, когда Страбон говорит об оружии кельтов: «Некоторые галлы употребляют также луки и пращи», и это заставляет предполагать, что лук действительно мог использоваться в битве некоторыми кельтами в какую-то эпоху. Лук и стрелы безусловно неизвестны в ранних ирландских текстах, и сами эти слова появляются в ирландском языке только в IX веке н. э.

Несмотря на то что нам известны прекрасные образцы шлемов, они не были в числе обычного вооружения воина. Кельты предпочитали идти в сражение с непокрытой головой, сделав сложную прическу. Шлемы, которые носили вожди, были коническими (рис. 18) или имели форму шапочки (рис. 19) со сложным орнаментом; могли они быть огром-

ными и широкими, как шлемы из Грезана и Антремона (рис. 13); такой шлем, судя по описанию, носил колесничий Кухулина Лоэг. Согласно ирландским сагам, воины носили круглые деревянные щиты, а также кожаные. С середины III века до н. э. стали использоваться длинные овалы щиты (рис. 20); такие тоже описаны в ирландских сагах, хотя круглые намного более обычны. В Ирландии щит изготавливался из ясеня и снабжался металлическим краем, сложным образом орнаментированным. Длина овального щита составляла более метра; он мог быть деревянным или плетеным. В Йортспринге (Дания) в торфяном болоте были обнаружены хорошо сохранившиеся длинные овалы деревянные щиты; судя по всему, их поместили в болото в качестве votivного приношения. У деревянных щитов иногда мог быть железный умбон.

Теперь мы обратимся к двум характерным чертам кельтской манеры сражаться. Они типичны для всего кельтского племени. Речь идет об обычае сражаться с колесниц и героическом обычае поединка - сражения между двумя воинами, которое, как мы уже видели, пользовалось у кельтов особой популярностью. Кельты постоянно использовали в сражении легкую двухколесную боевую колесницу, в которую была запряжена пара небольших, специально выращенных пони. В древнеирландских текстах часто упоминается о колесницах, и их изображения известны на континенте. Археологи обнаруживали отдельные фрагменты колесниц. Один такой набор деталей, обнаруженный в Ллин-Керриг-Бах на Англси среди огромного числа других предметов, представлявших собой votivный клад, послужил образцом для хорошо известной реконструкции. Корпус колесницы, судя по всему, был легким, плетеным, хотя могли употребляться и колесницы с деревянными бочковинами. Другие детали были бронзовыми, шины - железными. У римского историка Флора описана колесница, целиком выложенная серебром[23]. Поскольку мы знаем, что кельты любили роскошь и великолепие и что у них под рукой было достаточно драгоценных металлов, то эту деталь, как и подробные описания предметов и украшений в древнеирландских текстах, нельзя считать лишь ни на чем не основанной фантазией авторов. Богато украшенные сбруя и упряжь дополняют эту картину.

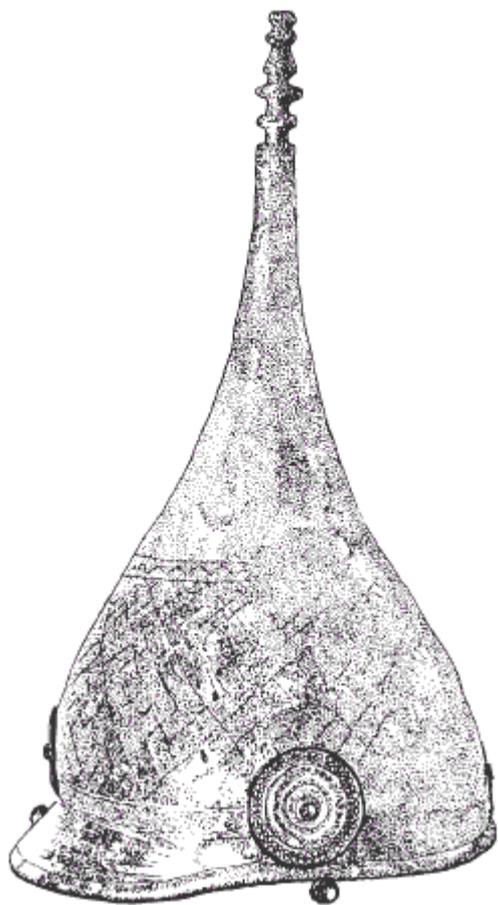

Рис. 18. Кованый бронзовый шлем, украшенный кораллами из Ля-Горж-Мейе (департамент Марна, Франция).

Рис. 19. Шлем из бронзы и железа, в орнаменте которого есть золотые детали, был обнаружен в старом канале реки Сены близ Амфревилль-су-ле-Мон (департамент Эвр, Франция).

В ранних древнеирландских текстах иногда говорится, что колесницы были снабжены выдающимися острями или острыми краями, однако эту подробность археологические данные пока не подтвердили. В более поздних текстах упоминаются колесницы, у которых на осях были закреплены серпы. В колеснице было двое людей - колесничий и воин. Колесничий был свободным человеком, близким другом и поверенным всех тайн воина (по крайней мере, если судить по ирландским текстам). Безусловно, воин зависел от ловкости, отваги и верности своего колесничего. Чтобы погонять лошадей, колесничий пользовался стрекалом и бешено гнал колесницу на врага. Затем воин спрыгивал с колесницы и готовился к поединку. Перед тем как спуститься с колесницы, воин начинал метать копья, а затем колесница должна была ждать на заднем плане, чтобы в случае необходимости снова подобрать героя. Воины совершали чудеса ловкости и отваги, и как античные авторы, так и древнеирландские тексты описывают мастерское владение искусством колесничьей войны. Множество великолепных описаний кельтских героев и того, как они владели колесницей, встречается в «Похищении быка из Куальнге». В одном из них рассказывается о том, как выглядел Кухулин и какое у него было оружие в тот момент, когда он собирался появиться перед войсками: «Потом облачился Кухулин в платье собраний и празднеств. Надел он свой плащ с бахромой, что ниспадал пятью складками, дивный, пурпурный, сработанный ладно. Белая брошь светлого серебра, изукрашенная золотом, скрепляла тот плащ на белоснежной груди; словно глядя на яркий светильник, глаз бы людской не стерпел ее блеска. Тело его прикрывала рубаха из шелка с расцвеченной кромкой, тесьмой, бахромою из золота, серебра и светлой бронзы, что спадала до темно-красного боевого передника из королевской ткани. Диковинный щит был при нем - темно-красный, с кромкой из чистейшего белого серебра. Изукрашенный меч с костяной рукоятью нес он на левом боку. Подле него в колеснице лежало копье с наконечником серым да кинжал для схватки с подвесками и заклепками светлой бронзы. Девять голов держал Кухулин в одной руке да десять в другой». Сравните это описание с тем, что говорит Страбон, который также ясно представлял себе кельтского воина, отправляющегося на битву: «Галльское оружие соответствует их большому росту: длинный меч, висящий на правом боку, длинный прямоугольный щит в соответствии с ростом и «мандарис» - особый род дротика... Есть у них еще одно деревянное оружие, похожее на «гросф». Его бросают рукой, а не из петли, и оно летит даже дальше стрелы. Этим орудием они пользуются главным образом для охоты на птиц».

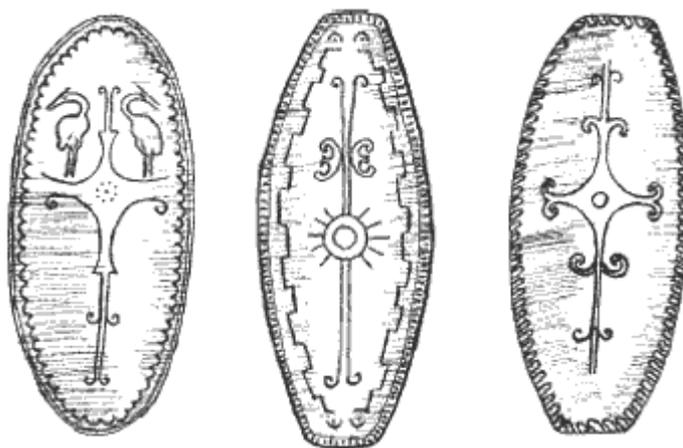

Рис. 20. Овальные щиты, изображенные в числе прочего на барельефе римской триумфальной арки в Оранже (департамент Воклюз, Франция).

Как мы уже видели в предисловии, в «Похищении быка из Куальнге» описана колесница Кухулина, направлявшегося на встречу с могущественным соперником Фер Диадом,

чтобы встретиться с ним в поединке у брода, - типично кельтская ситуация. В одной из саг уладского цикла[24] - «Сватовство к Эмер» - есть интересный рассказ о том, как ирландцы проводили время в языческую эпоху, и об их искусном владении колесницей. Хотя эта сага и поздняя, в ней, судя по всему, содержатся некоторые подлинные ранние традиции.[25]

«Как-то однажды собрались улады в Эмайн Махе, чтобы распить иарнгуал. По сто раз наполнялась чаша в такие вечера. Было это питье угля[26]. На веревке, что протягивали от одной двери дома до другой, показывали воины свою ловкость. Девятью двадцати да еще пятнадцатью пядей в длину был дворец Конхобара. Три искусных приема совершали воины: прием с копьем, прием с яблоком и прием с острием меча».

В той же самой саге Эмер просит одну из своих подруг посмотреть и сказать ей, что это шумит и приближается к ним. Девушка рассказывает: «Вижу я прекрасную колесницу с колесами из светлой бронзы. Белы ее оглобли из белого серебра, что крепятся кольцами из белой бронзы. Высоки борта колесницы, крепка ее дуга, закрученная, прочная».

Такие описания добавляют деталей к рассказам античных авторов и подтверждают их правдивость. Конечно, даже если сделать скидку на изобретательность рассказчиков, бой Кухулина с Фер Диадом отличается от нашего представления о кельтских колесницах, но здесь речь может идти о другом типе повозки. Несмотря на всю страсть ирландцев к многословным, торжественным описаниям, которые могли сделать самые обычные вещи необыкновенными и возвышенными, в сагах уладского цикла содержится зерно истины, отражение реальности, которая делает их ценным дополнением к достоверным фактам археологии и античной традиции. Все то, о чем говорят нам находки археологов - мечи и копья, колесницы и щиты, - в раннеирландских текстах оживает, и эти вещи предстают на фоне человеческой жизни со всеми ее страстями и надеждами. Как колесницы, так и лошади, в них запряженные, были, как показывает нам археология, роскошно украшены орнаментами из металла - это и детали колесниц, и бронзовые полосы (возможно, с эмалью), накладки для упряжи (рис. 21), уздечки и тому подобное. Кельтский воин, отправлявшийся на битву или на парад, со своими разукрашенными, в перьях, лошадьми, разноцветной одеждой и крытой повозкой, наверное, действительно являл собой поразительную картину для глаз римлянина или грека.

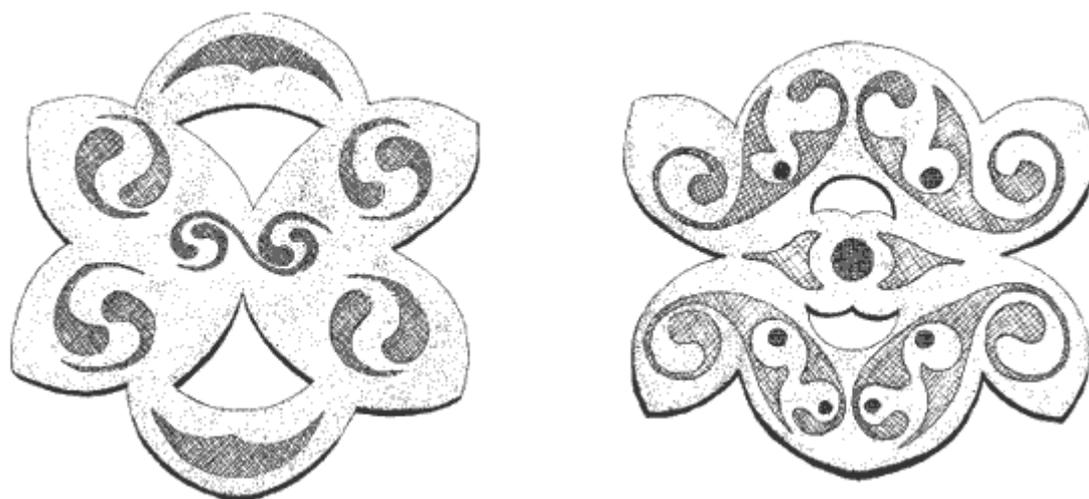

Рис. 21. Эмалированные накладки для упряжи. Сантон-Даунхэм, графство Суффолк.

Колесницы использовались в Британии и предположительно попали в Ульстер из Йоркшира; однако в Ирландии остатков колесниц археологи пока не обнаружили, хотя в ранних текстах о них говорится постоянно, и они, возможно, продолжали использоваться и в

раннехристианское время. Они использовались в Шотландии до II века н. э. Колеса от колесниц находили в колодцах в Шотландии, например близ Ньюстеда в Роксбурге и на Бар-Хилл в Данбардоне. Практика войны на колесницах прекратилась в Галлии во времена Юлия Цезаря, то есть в I веке до н. э. Всегда много говорят о том, какое впечатление производили сами колесницы и полубезумные колесничие на вторгшихся в Британию римлян. Помимо легкой двухколесной колесницы, которая в основном служила (хотя, может быть, и нет) для парадных целей, в кельтском мире использовалась и четырехколесная колесница. Описание четырехколесной колесницы Кухулина могло возникнуть в результате того, что писцы, записывавшие сагу, перепутали две повозки.

Наконец, в «Похищении быка из Куальнге» есть великолепное описание того, как путешествовала королева Коннахта - Медб: «Так повелось, что, куда бы ни отправлялась Медб, брала она с собой девять колесниц. Две из них ехали впереди, две сзади, да две по бокам, а в середине колесница Медб, так что ни комья земли от копыт лошадей, ни пена с их удил, ни пыль, что вздымало могучее войско, не могли донестись до нее и запятнать золотую корону».

Поединки

Другой важной чертой в военном деле кельтов был обычай сражаться в поединках. У ирландцев имелись на этот счет строгие правила, одно из которых носило название *fir fer*, буквально «честная игра»[27]: человеку, вступающему в поединок, мог противостоять только один противник. Когда начались войны с римлянами, на континенте обычаи, видимо, изменились, однако о них все еще много упоминается в островных литературах, особенно в ирландской. Так, в «Похищении быка из Куальнге» коннахтец Ферху Лойнгшех со своими 12 людьми собирается атаковать Кухулина: «На том они и порешили и немедля выступили против Кухулина, а разыскав его, не уговорились о честном поединке и всей дюжиной бросились в бой».

Обычай поединка упоминается и в «Мабиногионе», собрании средневековых валлийских сказаний, которое хранит настоящие залежи мифологии, лишь слегка замаскированной позднейшими условностями христианских писцов. В великолепной истории «Кулух и Олуэн», возможно самой ранней в этой группе, два героя (первоначально божества) сражаются в поединке до дня Страшного суда. Гвин, сын Нудда, и Гвитир, сын Грейдаула, борются за руку Крейддилад, дочери Ллуда Серебряная Рука. Их мирит Артур: «По их соглашению девушка вернулась в дом отца, не доставшись никому, и Гвин с Гуитиром должны были биться за нее каждые январские календы до самого Судного дня; тот же из них, кто одолеет в Судный день, получит эту девушку в жены».

В другой истории из «Мабиногиона», «Пуилл, принц Диведа», Араун - король Аннуина (Иного Мира) - приходит к Пуиллу и просит помочь ему в поединке с его соперником Хавганом. Мотив бога, ищущего помощь смертного, нередко встречается в кельтской литературной традиции. В соответствии с кельтским обычаем, поединок происходит у брода. Араун говорит Пуиллу:

«В одну из ночей мы договорились встретиться с ним у брода; ты будешь там в моем обличе, и твой первый удар оборвет нить его жизни». Проходит год, и Пуилл встречается с Хавганом: «И, подойдя к броду, увидели они там всадника, который сказал: «Слушайте, люди! Это спор между двумя королями за землю и власть, и только между ними. А вы стойте в стороне и ждите исхода схватки». И они сошлись на середине брода...»

Два кельтских героя начинали битву с оскорблений в адрес друг друга; в то же самое время они восхваляли своих предков и семью и свою собственную доблесть во владении оружием. Все это приводило их в состояние боевой ярости, и они начинали жаждать крови и славы. Все человеческие чувства отступали на задний план, и их место занимала простая, грубая сила и хитрость, которые заставляли противников сражаться жестоко и

кровожадно. В этих перебранках принимал участие и колесничий, и если (что представляется вероятным) «Похищение быка из Куальнге» действительно представляет нам кельтский поединок в таком виде, в каком он проходил у кельтов в Древнем мире, то, когда мы посмотрим на Кухулина и Лоэга перед сражением, перед нами возникает живая картина той роли, которую играл в сражении колесничий. Когда Кухулин (в версии «Похищения», относящейся к XI веку) собирается встретиться со своим названным братом и видит, как тот хвастливо выполняет боевые приемы, стараясь спровоцировать противника, то он дает своему колесничему следующие распоряжения:

«Между тем приблизился к броду Кухулин и увидел множество чудесных, искуснейших боевых приемов, что проделывал Фер Диад высоко в воздухе.

- Погляди, друг мой Лаэг, - сказал Кухулин, - на эти чудесные искуснейшие боевые приемы, что проделывает Фер Диад высоко в воздухе. В час битвы обратит он их против меня. Так вот, если случится мне уступить в сражении, черни, поноси и порочь меня, раздувая мой боевой пыл и ярость. Если же буду брать верх я, хвали, славословь и превозноси меня, чтобы умножить мою храбрость».

Фер Диад бросает Кухулину множество конкретных оскорблений еще до начала битвы:

Кухулин:

Я пред молодыми бойцами стою,
Как старый вепрь, все крушащий в бою!
Потешу пред войском отвагу свою:
Утоплю тебя в этой реке!
Сто ударов должны твоё тело рассечь,
Покуда не снимет голову с плеч
Меч, зажатый в моей руке!

Фер Диад:

Фер Диаду под силу тебя разрубить!
Пришел я, чтобы тебя убить,
Твоей хвастливой лжи вопреки!
Пусть поглядят улады на бой!
Пусть надолго запомнит любой,
Что герой их пал от моей руки!

Эти данные ранних текстов замечательно подтверждаются тем, что пишут о войне у кельтов античные авторы. Например, Диодор Сицилийский говорит следующее об обычае высмеивать врага: «Если же кто принимает вызов, они принимаются превозносить подвиги предков и восхвалять собственную доблесть, тогда как противника оскорбляют, унижают и словами своими лишают его душевной отваги».

Опять-таки в «Похищении» воин Этаркумал приближается к Кухулину и вызывает его на битву. Кухулин говорит:

«- Знай, что хоть невелик, но разгневан тот, что стоит перед тобою. Каким же кажусь я тебе?»

- Воистину нравишься мне ты, - ответил Этаркумул. - И вправду, ты юноша дивный, прекрасный, пригожий, славный и многоискусный в боевых приемах. Все же числить тебя среди лучших героев, воинов знатных, всесокрушающих молотов, в битве первейших, я не могу и о том не помыслю».

Результат этой перебранки оказывается следующим: «С этими словами нанес Кухулин Этаркумулу удар муадалбейм в самое темя и до пупка разрубил его тело. Поперек пришелся второй удар Кухулина, и три обрубка разом рухнули на землю. Так погиб Этаркумул, сын Фида и Летринн».

Говорили, что у Кухулина было таинственное оружие под названием га булга, которое трактовали множеством различных способов. Однако, судя по всему, это все-таки было реальное оружие, и использовал его Кухулин только в самом крайнем случае - в сражении у брода. Его роковой особенностью было то, что оно входило в тело, как единый наконечник копья, но, когда его пытались вытащить, по его сторонам выскакивали наконечники, так что жертва оказывалась буквально выпотрошенной. Фер Диад и был убит этим оружием, как и многие другие герои, которые выходили на поединок с Кухулином. Вот рассказ о том, как Кухулин использовал свое оружие против Фер Диада:

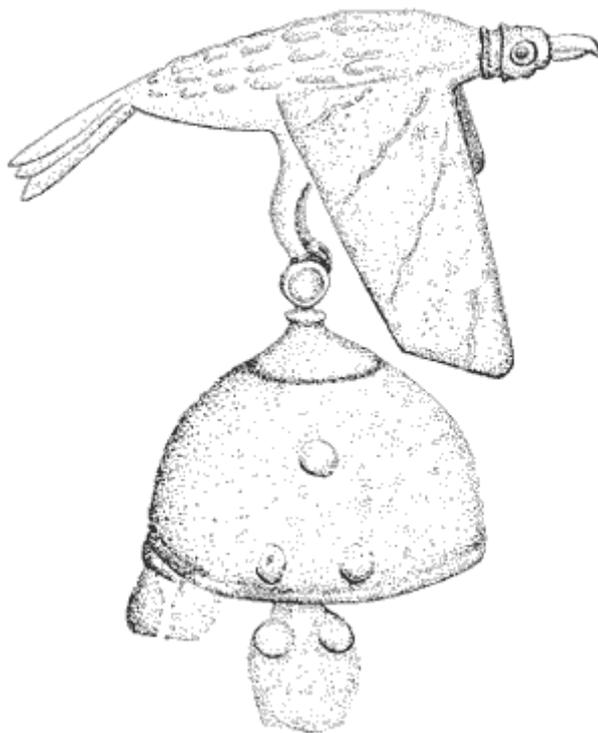

Рис. 22. Железный шлем с бронзовым гребнем из Чиумешти (Марамуреш, Румыния).

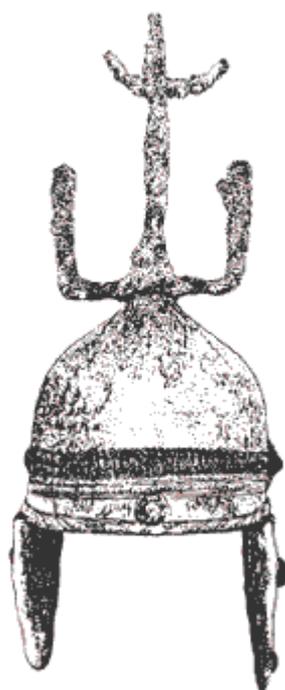

Рис. 23. Бронзовый шлем с железным гребнем из Филоттрано (Анкона, Италия).

«Кухулин... попросил га булга у Лаэга... Вот что это было за копьё: оно опускалось под воду и металось пальцами ноги; одну рану составляло оно, впиваясь в тело, но скрывало тридцать зазубрин, и нельзя было его выдернуть, не обрезав мясо кругом».

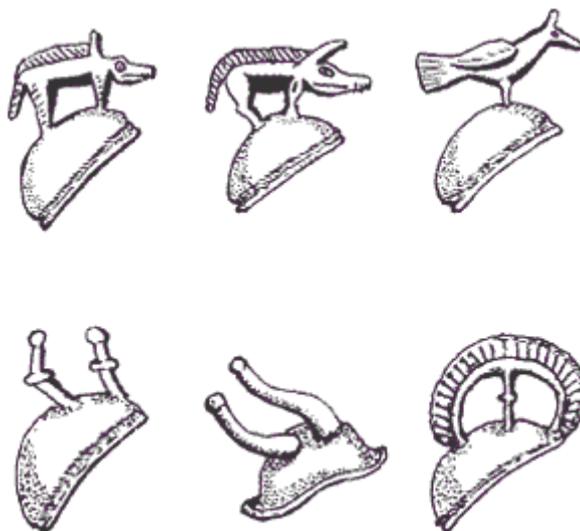

Рис. 24. Декорированные шлемы, изображенные на серебряном котле, обнаруженном в болоте в Гундеструпе (Ютландия, Дания), в том числе и образцы с рогами.

Есть мнение, что это было какое-то волшебное оружие, которое подарили Кухулину его божественные предки - ибо он был сыном великого кельтского бога Луга, сына Этленн, - однако есть античные свидетельства о том, что в этом оружии не было ничего божественного: на самом деле это просто воспоминание об определенном типе копья, которым пользовались кельты на континенте. Об этом кельтском оружии Диодор Сицилийский пишет: «Некоторые из них[28] выкованы прямыми, а некоторые - извилистыми по всей своей длине, чтобы не только наносить режущую рану, но и разрывать тело и при извлечении копья разрывать рану». Это замечательная параллель к описанию га булга и производимых им эффектов в «Похищении быка из Куальнге». Таким образом, когда ирландские герои, как и их континентальные братья, отправлялись на битву, главные воины ехали на своих колесницах с метательным копьем в руках, с одним или двумя метательными копьями, с длинным железным режущим мечом, с деревянным щитом с металлической оправой. Несомненно, во всем этом были региональные варианты - согласно традиции и личным вкусам. Кельты пользовались и пращей, и в ирландских сагах есть много упоминаний об этом. Диодор Сицилийский снова дает нам множество подробностей о кельтском вооружении: «Оружие у них вот какое. Щиты - высокие, в человеческий рост (рис. 20)[29], с особыми украшениями, на некоторых из которых выступают также искусно изготовленные медные изображения животных, и не только для красоты, но и для большей надежности. Шлемы - медные, с большими выступающими вокруг частями (рис. 22-23), благодаря чему носящие их выглядят исполинами: к некоторым из шлемов приделаны рога (рис. 24), к другим - чеканные протомы[30] птиц или четвероногих животных. Боевые трубы у них необычайные и варварские: трубя в них, издают грозные звуки, напоминающие грохот сражения. Панцири - железные, кольчужные, однако некоторые полагаются только на данную от природы силу и сражаются обнаженными. Вместо короткого меча они сражаются длинным мечом, который носят, подвесив на железной или медной цепи к правому бедру. Некоторые носят поверх хитона украшенный золотом или серебром широкий

пояс. Впереди себя они выставляют копья, которые называют «ланкии», с железными наконечниками длиной в один локоть и более, а шириной - чуть менее дипалесты[31]. Мечи у них не меньше, чем дротики у других народов, а наконечники у дротиков больше, чем мечи».

Даже мельчайшие детали из этого пассажа находят свои параллели в древнейших ирландских источниках. Например, щиты с индивидуальным орнаментом описываются и в «Похищении», и в других местах. Так, у Реохайда, сына Фатемона, был «белый щит со звериными ликами красного золота». Другой отряд ведет герой Эрк, сын Федельм Нойкрутах, с «белым щитом со звериными ликами красного золота». В описании Кухулина, который отправляется в своем лучшем вооружении на свидание с Эмер, говорится, что у него был «на плечах алый щит с серебряной кромкой, украшенный золотыми ликами диких зверей».

Рогатые шлемы, упомянутые у Диодора Сицилийского, также встречаются в ранней литературе: Фурбайде Фербенд, например, якобы имел шлем с тремя рогами: два рога были серебряные, а один - золотой. Трехрогие священные звери часто встречаются в кельтской мифологии. Другие описания оружия также имеют параллели в ирландских текстах. Постоянно употреблялись боевые трубы, о которых упоминает Диодор; их называли карниками. Они фигурируют, например, на кельтских монетах и встречаются на котле из Гундеструпа (рис. 25). Шум был очень важен для кельтов во время войны: он должен был вызвать страх, панику и отчаянный ужас в лагере врага. Тацит говорит о шуме, который производили бритты, когда Паулин собирался атаковать их в их святилище на Англси: «На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины, похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов...»[32]

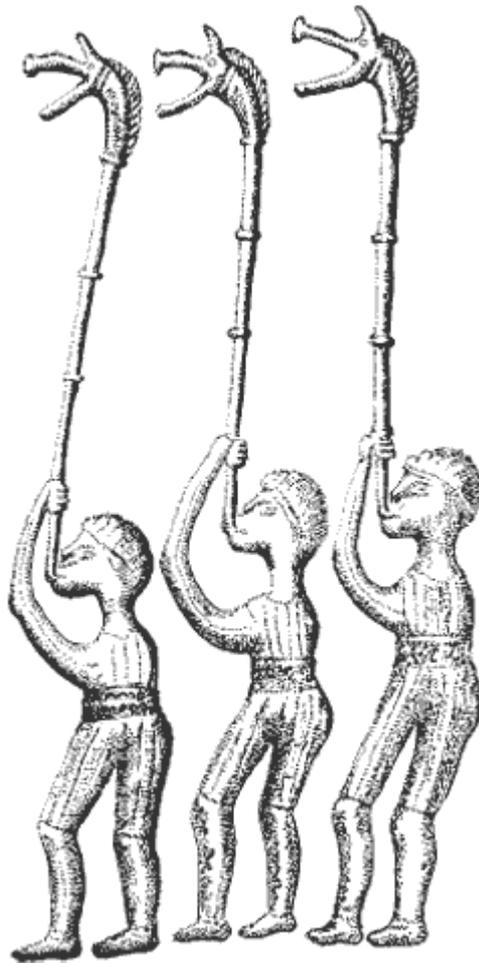

Рис. 25. Люди, играющие на боевых трубах. Изображение на котле из Гундеструпа.

Страшный шум от воплей и брани воинов, а также призывов к богам о даровании силы и помощи еще усиливался от звуков труб. Трубы были снабжены бронзовыми головами зверей с деревянными языками, которые служили в качестве язычков-трещоток. В общем и целом шум был чудовищный. Остатки такой трубы, заканчивавшейся бронзовой головой кабана, были обнаружены близ Дескфорда в Банффшире. Этот предмет относится ко II веку н. э. Трубы упоминаются и в ирландских текстах как часть боевого снаряжения, так и само использование шума. В «Похищении быка из Куальнге» мы читаем: «Грохот, шум, вой, гул, гудение и громовые раскаты, что слышал Мак Рот, были ударами щитов и копий, звонким лязгом мечей, грохотом шлемов и нагрудников, гулом оружия, проделывавшего неистовые боевые приемы: то натягивались поводья, стучали колеса, лошади били копытами, скрипели колесницы и разносились громкие голоса идущих на нас мужей и героев».

Наиболее интересный античный рассказ об экипировке и поведении кельтов в сражении мы находим у Полибия в его знаменитом описании сражения при Теламоне в 225 году до н. э. Он достаточно важен, чтобы процитировать его полностью, и иллюстрирует многие уже упомянутые моменты: «Инсомбры и бойи шли в битву в штанах и в легких, накинутых сверху плащах. Что касается гесатов, то самоуверенность и смелость их были так велики, что они сбросили с себя и эту одежду, и обнаженные, только с оружием в руках, стояли в передних рядах войска: так, думалось гесатам, удобнее будет сражаться, ибо плащи могут цепляться за разбросанные там и сям кустарники и затруднять употребление оружия. Сначала битва шла только у холма, и для всех было видно, сколь многочисленная конница от каждого войска участвует в завязавшейся схватке. В этом сражении пал, как отчаянный боец, консул Гай, и голова его отнесена была царям кельтов... Что касается

римлян, то им прибавило смелости то обстоятельство, что неприятель был охвачен со всех сторон и заключен в середину между ними, хотя, с другой стороны, кельты пугали их боевым строем и шумом. Действительно, число трубачей и свирельщиков было у них невообразимо велико, а когда все войско разом исполняло боевую песню, поднимался столь сильный и необыкновенный шум, что не только слышались звуки свирелей и голоса воинов, но звучащими казались самые окрестности, повторявшие эхо. Ужасны были также вид и движения нагих людей, стоявших в первом ряду, блиставших цветущим здоровьем и высоким ростом. В первых рядах не было ни одного воина, который бы не имел на себе золотого ожерелья или браслетов. Если вид всего этого и устрашал римлян, то надежда на добычу сильнее подстрекала их к битве... Одолеваемые ранами и безвыходностью положения, одни из них (гесатов) в безумной ярости кидались на врага и сами обрекали себя на смерть, другие начинали понемногу отступать к своим и явною робостью приводили в смущение задних воинов».

Полибий упоминает гезатов - отряды наемников, находившихся вне племенной системы. В этом отношении они соответствуют отрядам фениев в Ирландии, о которых ходило множество красочных преданий. Этих галльских воинов нанимали, чтобы они сражались на разных сторонах. Что мы знаем об этих могучих и безжалостных людях? Само их имя означает просто «копейщик»; слово «гае», обозначающее «копье» или «дротик», встречается в древнеирландском и перешло в шотландский гэльский и в современный ирландский как *gath*.

Отважные гезаты сражались обнаженными, и, видимо, этот обычай был неправильно понят римлянами, которые ничего не знали об его ритуальном значении. Не только гезаты сражались без одежды или какой бы то ни было защиты. Диодор пишет, не упоминая конкретно гезатов: «Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасностям обнаженными, в одном только поясе».

Легендарные отряды фениев, которые бродили по Ирландии в первые века христианской эры, охотясь, сражаясь и добывая себе пропитание у различных племен, напоминали гезатов в том, что они могли поступать на службу к различным партиям и жили вне юрисдикции какого-либо племени (они фактически были *ecland* - «без племени»). Обычно их изображают как солдат-наемников, и есть все основания считать, что у таких отрядов были серьезные мифологические корни в местной традиции.

Всадники и охота за головами

Когда езда на колесницах, которую кельты так любили, постепенно уступила дорогу кавалерийской войне, то галлы стали славиться как ловкие наездники. Это и есть упомянутые у Цезаря *equites*, «всадники» - то есть аристократия. После римского завоевания Галлии галльские кавалерийские отряды стали гордостью римской армии и служили по всей империи. Галлы, с их прилегающими штанами, великолепным сложением, развевающимися плащами и легендарными акробатическими навыками, поражали современников своей выучкой и отработанными кавалерийскими упражнениями. Арриан, писавший в 136 году, описывает кавалерийские упражнения, заимствованные римлянами у кельтских всадников, которые составляли столь важную часть кавалерии: «Затем те из них, кто выделяется своей строевой подготовкой или умением ездить верхом, принимают участие в состязаниях, надев железные или латунные шлемы, позолоченные, дабы привлечь особое внимание зрителей... На шлемах - желтые плюмажи; они не нужны ни для чего, кроме как для красоты... Всадники носят длинные щиты - не щиты для настоящей битвы, но более легкие и весело раскрашенные, поскольку эти упражнения служат для демонстрации ловкости и красоты. Вместо доспехов на них надеты туники, похожие на настоящие доспехи, иногда алые, иногда пурпурные, иногда многоцветные. И они носят штаны не свободные, как принято у парфян или армян, но близко прилегающие к ногам».

Римлянам действительно многому пришлось поучиться у кельтских всадников. Павсаний упоминает как образец кавалерийских навыков кельтов понятие «trimarcisia», буквально отряд из «трех конников», то есть вождь или аристократ в сопровождении двух дружинников. Этому также находят параллели в ранних текстах. Прекрасный пример (с сильной мифологической окраской) встречается в старинной саге «Togail Bruidne Da Derga» («Разрушение дома Да Дерга»). В один из решающих моментов драмы король Конайре видит «трех Красных» (na trí Deirg). Это трое мужчин с красными волосами, одетые сплошь в красное и едущие на рыжих лошадях. Нечеловеческая природа этих троих всадников полностью проявляется в ту минуту, когда сын Конайре, отчаявшись догнать их, слышит: «Устали наши кони - то кони Донна Десскорах из сидов. Хотя мы и живы, все же мертвы»[33]. Красный был цветом, который ассоциировался с битвой и с кельтскими божествами войны. Страбон пишет: «Хотя все галаты по натуре воинственный народ, все же они более искусные всадники, чем пехотинцы, и лучшая часть конницы у римлян состоит из этого племени».

Рис. 26. Колонна с 12 рельефами, изображающими лица (все без ртов) из святилища в Антремоне (департамент Буш-дю-Рон, Франция).

Что касается поведения кельтов в самой битве, они брали с собой отрубленные головы врагов в качестве трофеев своего триумфа. Эта практика также играла глубокую религиозную роль в повседневной жизни кельтов и была связана со многими суевериями. Можно привести один-два примера такой практики. Головы часто выставлялись в святилищах кельтов, и их приносили в жертву богам. В великом каменном храме в Рокепертюзе (департамент Буш-дю-Рон), как и в других святилищах, в стенах были специальные ниши для черепов, куда можно было поставить отрубленные человеческие головы; во многих храмах были как изображения отрубленных голов, так и настоящие черепа. Великолепная каменная колонна в Антремоне была покрыта схематическими головами в странном порядке (рис. 26). Диодор Сицилийский пишет о практике обезглавливания врага: «Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и победный гимн. Лучшую часть добычи они прибывают к стене своего дома, как, бывает, поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа. Говорят также, что некоторые из них гордятся тем, что не приняли за такую голову золота, равного ей по весу, являя тем самым некое варварское великодушие не потому, что благородно не продавать доказательства своей доблести, но потому, что враждовать с соплеменниками погибшего - зверство».

Этот боевой обычай постоянно встречается в древних текстах, как и религиозное почитание головы. Типичная сцена описана в «Похищении быка из Куальнге», где вообще часто говорится об охоте за головами. Кухулин убил двух сыновей Неры и их колесничих и отрубил им головы. Медб посылает Кормака Коннлогнеса, чтобы посмотреть, что происходит у брода: «...Когда он подошел к нему, увидел лишь сучковатый ствол с четырьмя головами, стоящий в потоке, стекающую по нему кровь, следы колесниц да одинокого воина, уходившего к востоку».

Во время своего самого первого похода в качестве будущего героя, описанного в «Похищении», юный Кухулин также рубит головы. Он обезглавливает трех сыновей Нехты Скене. Когда он возвращается в диком ликовании в крепость Эмайн Маха, женщина, смотрящая на дорогу, видит его и говорит: «Вижу одинокого воина на колеснице... чей страшен воистину облик. Окровавленные головы своих врагов везет он на колеснице». Когда в той же саге он встречается с Ферку Лоингсехом и его дружинниками, мы читаем: «На том они и порешили и немедля выступили против Кухулина, а разыскав его, не уговорились о честном поединке и всей дюжиной бросились в бой. Сошелся с врагами Кухулин и, одолев их, срубил у всех головы. В землю вкопал он двенадцать камней и на каждый водрузил голову воина. С той поры и зовется то место, где сложил голову Ферку Лоингсех, Киннит Ферхон, то есть Киннайф Ферхон[34]».

Этот пассаж не только демонстрирует сложный ритуал обезглавливания и показа голов, но в него включено и понятие «*fir fer*» - кодекс поведения в битве, нарушать который считалось бесчестным. Римляне явно не сочувствовали повсеместному кельтскому обычаю обезглавливать врага и считали его, как и человеческие жертвоприношения и другие подобные обычаи, подлым и варварским по сути.

Поведение в бою, сказания и предания

У античных авторов встречаются различные упоминания о том, как кельты вели себя в бою. Очевидно, они были храбры до безрассудства, бесстрашны и дики. Недостаток эффективной организации и выносливости в группе постоянно мешал им закрепить победу и консолидировать свои завоевания. Источники во многом подтверждают то, что античные писатели говорили о поведении кельтов в битве и их организации. Полибий, например, от-

мечает: «Таков был исход войны с кельтами. Ни одна из описываемых историками войн не сравнится с этой по безумной отваге сражающихся, по количеству битв, по множеству участвовавших в них и убитых; зато она может считаться совершенно ничтожною в отношении задуманных планов, по нерассудительности в отдельных предприятиях, ибо галаты не в большинстве случаев только, но во всем и везде руководствовались страстью, а не рассудком».

Подобное происходило в ходе всей древней истории кельтов. Ссоры, вызванные, как это и должно было быть, постоянным употреблением алкоголя, разражались в ходе пиров и праздников. Начинались сражения и поединки между героями; одно племя сражалось с другим, а то и члены одного племени обращались друг против друга. Само «Похищение быка из Куальнге», великий и легендарный угон скота, якобы началось изначально из-за горячей ссоры между Айлилем и Медб - королем и королевой Коннахта; это привело в конце концов к ожесточенной войне между провинциями Коннахт и Ульстер. Война, начавшаяся в результате пьяной несдержанности, привела к оскорблениям и угрозам со стороны послов, посланных Медб с тем, чтобы одолжить быка в Куальнге в провинции Ульстер, владельцем которого был Дайре.

Этот эпизод живо описан в саге: Мак Рот, главный посол, добился обещания, что бык будет одолжен коннахтцам. Начинается пир: «Приняли их тогда в доме и, постелив свежей соломы да тростника на пол, подали гонцам лучшее угощение и вволю питья, так что вскоре они захмелели». У послов завязывается разговор весьма нескромного свойства, и в конце концов один из них заявляет: «По мне, не речам бы, а крови литься из уст, что промолвили это, ибо то, что отдал он добром, мы отняли бы силой». Слуга Дайре подслушал эти слова и, взбешенный, пошел к своему хозяину. Дайре немедленно отказывается от своего обещания и говорит: «Клянусь же богами, которых я чту, - молвил в ответ Дайре, - что, пока не захватят они его силой, добром уж никак не получат!» Получив на следующий день отказ на просьбу передать ему быка, Мак Рот весьма удивлен и говорит Дайре: «Что б ни болтали гонцы, отведав твоих угощений и выпив вина, не должно их слушать». Однако Дайре не устраивают такие оправдания. Начинается война. Наверное, это была типичная кельтская ситуация со всеми ее неизбежными результатами. Многие легенды в древней литературе основываются на тех же самых мотивах, то есть праздник, перепой и в результате - драка с последующим кровопролитием, в которой в конце концов принимает участие все племя. Это подтверждает и Диодор Сицилийский, который говорит, что у кельтов на пиру «в обычае... начинать при случае словесные споры, а затем вызывать друг друга на единоборство, не придавая никакого значения смерти». В саге «Пир Брикрена» ссоры и драки также начинаются на пиру.

Цезарь говорит о постоянной внутренней войне между кельтами как о чем-то, что уже осталось в прошлом. Он пишет: «До прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные, или оборонительные войны». Военнопленные иногда приносились в жертву богам. Цезарь говорит: «Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему (Марсу) будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место».

Таким образом, религия играла огромную роль в поведении кельтов как в битве, так и в других сферах жизни. Для начала сражения были счастливые и несчастные дни. Предзнаменования нередко заставляли воина, жаждущего сражаться, избегать битвы. Например, считалось, что увидеть журавля - к беде для воина, отправляющегося на битву. В одном ирландском тексте говорится, что увидеть трех журавлей бога Мидира уже достаточно для того, чтобы воин потерял весь свой боевой пыл и ловкость.

Одной из неперемненных черт межплеменной волны было устройство лагеря. В «Похищении быка из Куальнге» Айлиль говорит своим воинам: «После той песни повелел Айлиль ставить шатры и палатки, готовить питье да кушанья и всем приниматься за трапезу, а музыкантам играть, ибо еще ни в одном лагере не случалось ирландцам стерпеть столь тяжкую и многотрудную ночь, как та, что выпала накануне. Расположились они лагерем и

поставили шатры, приготовили напитки и кушанья, и все отведали их под благозвучные напевы».

Как мы уже видели, боевые действия во время «похода», судя по всему, подразумевали передвижение едва ли не всего племени. Страбон говорит о кельтах: «Переселения у них совершаются легко, так как они движутся толпами со всем войском или, вернее, поднимаются всем родом, теснимые другими, более сильными племенами».

Война, оружие и геройские подвиги были настолько характерной чертой повседневной жизни языческих кельтов, что можно сказать даже, что они были самой характерной чертой, вокруг которой возникло огромное количество всевозможных легенд и преданий. Они стали темой множества саг. Ранние валлийские «Триады»[35], которые содержат огромную долю древней языческой традиции и морали, изобилуют упоминаниями о войне и геройских подвигах. Одна из триад, например, озаглавлена «Три столпа острова Британии», другая - «Три барда с алыми копьями острова Британии». В другой Артур говорит: «Вот три моих боевых всадника - Менедд и Ллюдел с нагрудным панцирем, и столп валлийцев - Карадауг». В другой триаде говорится о «Трех битвовенчаных героях острова Британии», еще в одной - о «Трех плахах острова Британии» и так далее. То есть традиция везде связана с битвой. Культурные легенды вспоминали о борьбе богов, преследовавших свои бессмертные цели и вступавших в битву, чтобы достичь их; часто в таких сагах упоминается о помощи смертных героев. Издавались законы, регулирующие поведение в сражении, в честь героя-триумфатора задавались пиры, которые нередко переходили в дальнейшие сражения и кровопролития. Влиянием среди кельтов пользовались только воинственные аристократы - могущественные, дикие, смелые, непостоянные, помешанные на личной славе и готовые сражаться за честь своего собственного племени или партии.

Мы уже видели несколько варварских описаний кельтских героев, вызывающие одетых в блестящее вооружение и доспехи и стремящихся на поиски приключений. Для контраста мы приведем в конце этой главы пассаж из средневековой валлийской литературы, не менее варварский по сути, чем ирландские сказания, однако здесь первобытный элемент слегка приглушен и частично замаскирован изяществом и элегантностью языка, который сохраняет свое воздействие даже в переводе. Это рассказ о юном будущем герое Кулuxe, который путешествует ко двору короля Артура, желая, чтобы его посвятили в воины, и в поисках приключений: «И юноша сел на коня светло-серой масти, четырех зим от роду, крепкого в ногах и хорошо подкованного, с уздечкой и седлом из чистого золота. На ногах его были серебряные шпоры, а в руке он держал копье толщиной с руку сильного мужчины. Разило оно стремительней, чем капля росы падает с ветки на землю в июне, в самую росную пору. На боку его висел меч в золотых ножнах, на лезвии которого тоже был золотой узор, а на рукояти - золотой крест, призывающий благословение Небес; и там же был узор из слоновой кости. И впереди него бежали две белые борзые с рыжими пятнами, с ошейниками из красного золота. На нем был пурпурный плащ, на каждом конце которого висело по золотому яблоку ценой в сотню коров. И дорожке трех сотен коров были его сапоги кроваво-красного цвета, доходящие до колен. И когда он скакал, трава не гнулась под ним из-за легкости и быстроты коня, на котором он подъехал к воротам дворца Артура».

Дороги и повозки

В кельтские времена воины отправлялись на битвы в повозках. Проходил обмен товарами: иноземным торговцам кельты предлагали деньги и рабов в обмен на экзотические вещи. Люди перемещались по стране со всем своим хозяйством и добром и селились в новых местах; по древним дорогам умершие попадали на место своего последнего упокоения, которое одновременно могло быть святилищем и местом религиозного культа. Очевидно, что для всей этой деятельности, для путешествий туда и обратно, нужны были до-

роги, и этот аспект кельтской жизни никак нельзя игнорировать. Однако в то же время это чрезвычайно трудная тема, поскольку сведения о дорогах как в кельтских странах, так и в других частях варварского мира в доримское время весьма скудны и неудовлетворительны. Только в I и II веках н. э., при римских императорах, появилась огромная европейская дорожная сеть. Некоторые считают, что это стало возможным потому, что и до этого существовала эффективная система местных дорог, которую римлянам оставалось только усовершенствовать, однако вопрос этот спорный. Данные о водном транспорте гораздо полнее, чем о дорогах и путешествии по земле в целом.

Что касается самих дорог (и если они вообще существовали), то надо полагать, что они были построены довольно грубо и встречались не так уж часто. Однако уже само использование колесного транспорта говорит о том, что были какие-то постоянные пути проезда, которые поддерживались в рабочем состоянии. Обычай сражаться и путешествовать в колесницах также предполагает существование нормально функционировавших дорог и путей. Любой, кому приходилось путешествовать по проселочным дорогам западной Шотландии (да и в других местах) после долгой засухи и во время ветра, конечно, лучше поймет те пассажи из «Похищения быка из Куальнге», где описываются такие условия. Посланник королевы Мак Рот видит нечто необыкновенное на равнине перед ним. Он не может понять, что это, и идет к Айлилю и Медб, чтобы спросить у них. Великий герой Фергус знает, в чем дело.

«Нетрудно ответить, - сказал тот, - серый туман, что увидел Мак Рот между небом и землей, был лишь дыханием героев и их лошадей да облаками пыли с земли и дорог, что увлекаются ветром, становясь серой дымкой в облаках и воздухе».

Далее Фергус говорит: «Стаи бесчисленных, дивных, невиданных птиц были пылью с дорог и земли, что поднималась от ног и копыт лошадей и неслась вслед за ветром».

О существовании дорог в кельтской Европе есть свидетельства и у Диодора Сицилийского, например: «Будучи неумными пьяницами, они злоупотребляют неразбавленным вином, которое привозят купцы... Поэтому многие италийские купцы из-за страсти к стяжательству считают пристрастие галлов к вину Гермесовым даром. Плывя по судоходным рекам Галлии или двигаясь в повозках по равнинам, они привозят вино...»

При такой оживленной торговле, подразумевавшей перевозку громоздких товаров на большие расстояния, видимо, делалось все возможное, чтобы ускорить и облегчить поставки. Естественно, для дорог выбирали наиболее сухую и твердую почву. Если болото нельзя было обойти, то его старались сделать как можно более проходимым искусственными способами. Поскольку мы уже привыкли к римской сети дорог, опутывавшей всю Европу и Британию, то мы склонны забывать, каким чудом, каким необыкновенным явлением были в древности для Запада римские дороги - плод блистательного инженерного искусства. Полезно вспомнить и о том, что, когда после падения Римской империи вплоть до сравнительно недавнего времени строились военные дороги, они не шли ни в какое сравнение с римскими. Фактически римляне должны были, конечно, использовать старые тропы и уже существовавшие дороги и систематизировать их. Во многих отдаленных районах Британских островов вплоть до XVIII века и позднее колесный транспорт просто не существовал. Во время своей знаменитой поездки по горной Шотландии в 1773 году доктор Джонсон[36], выезжая из Инвернесса к западному побережью, писал: «Теперь мы должны были распрощаться со всеми удобствами путешествия и отправиться в страну, по которой, возможно, никогда еще не катилось колесо». И слова Джонсона - это не просто предрассудки англичанина...

Повозки со спицами появились в Европе еще между 1500-м и 1250 годами до н. э. в бассейне среднего Дуная. Изготавливались модели повозок и колес, которые, возможно, должны были иметь тот же значение. Кельтское божество, соответствовавшее Юпитеру, - Таранис («Громовик») в древнем кельтском мире символизировался колесом (рис. 27). Присутствие множества металлических моделей колеса и брошей в виде колес, а также изображения колес на керамических сосудах в тотемных приношениях и в священных

местах могли иметь двойное значение. Они могли подчеркивать почитание у кельтов колеса, которое считали символом солнца. В каком-то общем смысле они могли быть связаны и с почитанием божества с колесом; в таком случае это говорит об очень широком распространении культа этого божества в кельтских странах, о чем свидетельствуют и другие данные. В одном раннем ирландском тексте божественный жених Элата является свататься к Эриу - богине, давшей свое имя Ирландии; говорится, что у него на спине пять золотых колес. Кроме того, в наиболее древних ирландских сагах некоторые герои носят броши в форме колеса, которые, судя по всему, служат литературной параллелью к тем, которые нам известны из археологических источников. Такое почитание колеса и его мифологических ассоциаций заставляет предполагать, что это вовсе не был обычный предмет повседневного обихода. Сама его роль как жизненно важной части повозки внушала удивление, смешанное с почтительным ужасом. Колеса от колесниц находили в колодцах. Хорошо известно, что кельты любили бросать в колодцы приношения своим божествам, и, может быть, это еще один пример почитания символа колеса и его важности в быту, но прежде всего в быту аристократическом.

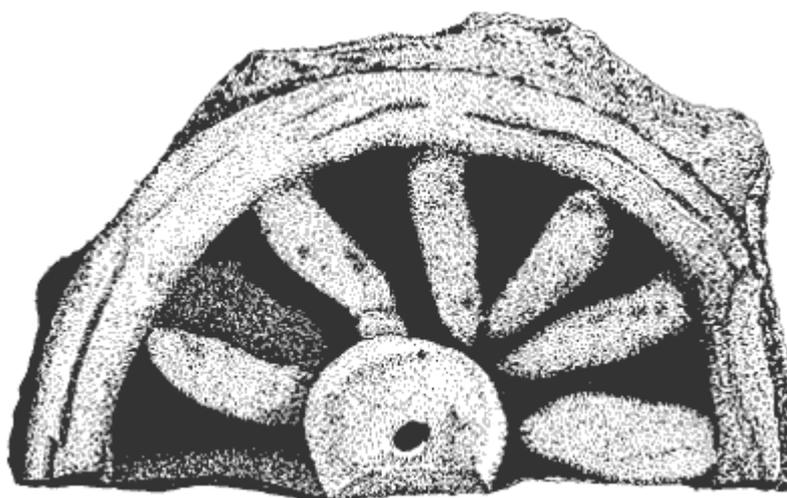

Рис. 27. Колесо, выполненное в керамике. Хаустидс, графство Нортумберленд.

Древнейшие настоящие повозки (то есть те, которые не были построены для чисто церемониальных целей) могли использоваться скорее для сельскохозяйственных перевозок, нежели для путешествий на дальние расстояния. В них, видимо, запрягали двух волов, привязанных к дышлу. То, что у кельтов использовались и повозки, и колесницы, говорит о том, что на их территории фактически существовали дороги, хотя, наверное, и очень примитивные. Согласно ирландским источникам (если они вообще содержат достоверные сведения по данному вопросу) дороги мостили деревом и камнем; это вполне могло так и быть. Некоторые дороги, должно быть, были просто размеченными тропами, такими, какие до сих пор можно видеть в горных районах Шотландии и других областях. В ирландских текстах описываются три главные дороги, которые сходились в Таре (графство Мит), древнем святилище кельтов и резиденции верховных королей. Есть и упоминания о других дорогах с их особыми названиями, однако трудно определить, насколько они были древними; возможно, речь идет о ситуации уже в христианской Ирландии. Однако, зная консервативный характер кельтской традиции и то почтение, с которым в древней Ирландии смотрели на старые легенды, названия мест и обычаи, очень возможно, что за утверждениями христианских ученых кроется доля истины.

Наши данные заставляют предполагать, что поддержание дорог в хорошем состоянии считалось делом первостепенной важности. В законах брегонов[37] есть статьи, регулирующие постройку и ремонт дорог в Ирландии. Дороги должны были содержаться в чистоте. В своем словаре, созданном в IX веке, Кормак утверждал: «Дороги любого разряда должны быть очищены по крайней мере по трем поводам, то есть во время скачек, зимой и во время войны»[38]. Кормак предлагает свою классификацию дорог в древней Ирландии. Дороги следовало очищать от кустарников, сорняков и тому подобного. Некоторых людей принуждали прокладывать дороги через лес во время войны. Так что, хотя у нас и есть данные о системе дорог в древней Ирландии, на основании одних лишь текстов трудно решить, были ли они действительно такого качества, как можно предположить по законам и литературе, или на деле они были значительно грубее. Страбон, тем не менее, упоминает дороги в Нарбоннской провинции, и они, конечно, были совершеннее любых дорог на Британских островах.

Скачки были любимым развлечением древних ирландцев и неоднократно упоминаются в литературе. Зимой дороги следовало расчищать для полюдья (по-древнеирландски «сое»): короли объезжали своих подданных, гостевали у них и собирали дань продуктами (поросята, колбасы, сметана...). Так король и его дружина могли пережить голодную зиму.

Там, где это было необходимо, через болота сооружались гати. Они состояли из слоев бревен, хвороста, земли и камней, которые вдавливали в болото так, что получалось довольно прочное основание. Иногда гати покрывали досками, и это была уже настоящая бревенчатая дорога.

Древнейшие мосты строили из дерева; до англонорманнских времен в Ирландии нет никаких данных о каменных мостах. На реках и проливах часто существовали паромы, использование которых, согласно древним преданиям, также жестко регулировалось. Они, видимо, имели огромное значение, облегчая движение и транспортировку грузов. Страбон, рассказывая о кельтских племенах, пишет: «переправиться на пароме в город Кабалион».

В легенде о Бранвен ирландский правитель Матолух, женатый на Бранвен, сестре Брана Благословенного (эвгемеризированное божество), пытается перерезать все сообщения с Британией. Его советники предлагают ему поступить таким образом. «И еще, господин, - сказали Матолуху его люди, - задерживай все корабли и лодки, плывущие в Уэльс, а тех, кто прибудет оттуда, заключай в темницу, чтобы они не узнали об этом».

Судя по всему, древние ирландские лодки были трех типов: каноэ, изготовленные из выдолбленных стволов деревьев, плетеные лодки и корабли с парусами или веслами или и с тем и другим. Куррахи покрывали кожей и гребли на них веслами или шли под парусом. Цезарю также пришлось строить куррахи, и для них он использовал британские модели. В латинском «Плавании святого Брендана» достаточно подробно описана постройка курраха.

Кельтские племена славились своими умелыми моряками. Страбон говорит, что у жителей Массалии есть «природные способности к мореходству». Эти способности были и у армориканского племени венетов (рис. 28).

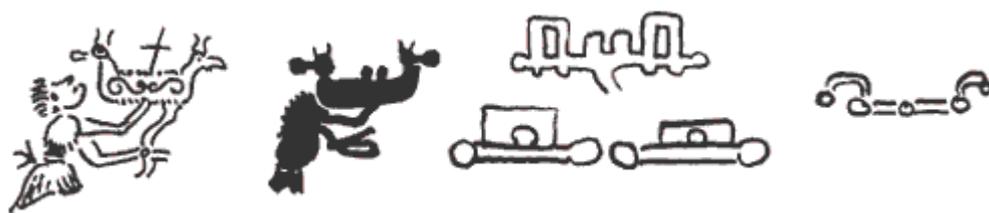

Рис. 28. Некоторые виды кораблей на галльских монетах (по Д.Ф. Аллену).

Страбон также пишет: «После упомянутых племен следуют остальные племена белгов, живущих на берегах океана; из них, во-первых, венеты, которые сражались с Цезарем в морской битве; они пытались помешать его высадке в Британии, владея портом на острове. Однако Цезарь с легкостью разбил их в морском сражении, не применяя таранов (так как доски их кораблей были очень толсты); когда же венеты неслись на него, подгоняемые ветром, римляне срывали их паруса при помощи копий с серповидным наконечником, ибо паруса у них из-за сильных ветров были кожаные и вместо канатов натянуты на цепях. Свои корабли на случай отливов венеты строили с широким дном, высокой кормой и высокими носами из дубового дерева, которого у них очень много; поэтому они не сбивают плотно пазы досок, оставляют щели, однако конопатят их морским мохом, чтобы дерево не высыхало из-за недостатка влажности при вытаскивании кораблей на сушу, так как морской мох по природе более влажен, а дуб сухой и несмолистый».

Перед нами любопытная картина, представляющая способы постройки лодок по крайней мере в одном кельтском племени. Есть и другие достоверные данные о морских навыках кельтов и о том, что они регулярно использовали водный транспорт. В первые века христианской эры славился пиктский флот, и не следует предполагать, что эти традиции возникли на пустом месте. Так, Уэйнрайт пишет: «Совершенно очевидно, что пикты были значительным фактором на политической сцене севера. Они имели достаточно сильный флот, что предполагает навыки в навигации, знакомство с трудными водами и знание кораблестроения».

Тем не менее данные о кельтских дорогах скудны. В то же время присутствие оживленных рынков и центров торговли и коммерции во всей Европе и на Британских островах еще в доримское время заставляет предполагать существование каких-то вполне проезжих дорог, поддерживавшихся в хорошем состоянии. Широкое распространение у кельтов колесницы также говорит о наличии пригодных для использования дорог.

Ирландские законы, которые содержат наиболее архаичные письменные свидетельства о кельтском образе жизни, показанном изнутри, дают нам яркое, хотя и несколько преувеличенное впечатление, что постройка дорог и поддержание их в рабочем состоянии принадлежали к сфере жизненно важной общественной деятельности. Говоря о кельтских мастерских и местных школах кельтского искусства в Британии, Фокс показал, что кельтские художники и торговцы могли использовать старые дороги, такие как Юрская дорога и Икнилд-Уэй. Масштаб торговли и передвижения товаров, конечно, свидетельствует о наличии надежных дорог, однако, как говорит сам Фокс, «в этой проблеме, как и в других, очень много но. Например, должна была существовать интенсивная торговля между племенами, но на чем она основывалась, мы не знаем».

Археологические данные пока мало что нам говорят о природе кельтских дорог до появления великолепно построенной и систематизированной сети римских дорог по всей Европе. Но как римские храмы и, в конечном счете, христианские церкви нередко строились на руинах языческих святилищ, так и мы можем предполагать, что римляне построили по крайней мере некоторые из своих сложных дорог по древним путям, которые проложили их предшественники и которые были самыми эффективными и практичными путями торговли и транспорта. Следы таких древних дорог сохраняются, и их можно определить, когда они, например, проходят через кладбища. Пути похоронных процессий всегда были очень важны и отмечены такими сооружениями, как курганы, или (даже сегодня) грудами камней, в которых находился гроб с телом усопшего.

Итак, для передвижения и перевозок кельты употребляли колесницы и четырехколесные повозки; они ездили верхом в сопровождении грузовых лошадей или шли пешком. Использовались также разнообразные лодки, было много паромов, они встречались часто и были очень важны. Мосты, очевидно, были деревянными и очень простыми.

Как мы видим на всем протяжении нашего путешествия в повседневную жизнь древних кельтских народов, религия пронизывала все сферы этой жизни и ничто в ней не было

полностью и по-настоящему «мирским». Повсюду мы сталкиваемся с магией, суевериями, мириадами богов и богинь, которые что-либо требуют от человека и даруют ему блага в обмен на подарки и должное умилоствление, и так далее. Опять-таки Фокс, говоря о природе торговли и тех путях, по которым проходил обмен товарами, о факторах, которые определяли расположение кельтских мастерских в Британии, о том, что было причиной богатств именов в Восточной Англии, и так далее, весьма четко это акцентирует. «Но есть и другая возможность, - пишет Фокс. - Не исключено, что торговля золотом по этим торговым путям была организована иерархией друидов в первую очередь для собственных ритуальных целей. Это отчасти может объяснить, почему отдаленный остров Мона оказался центром этого бриттского культа, и позволяет предположить, что порт для торговли золотом с континентом находился где-то в Норфолке. Фанатическая вражда к Риму, которая проявилась в пугающих сценах на Англси в 59 году, когда легионеры под командованием Светония уничтожали священные рощи, могла подпитываться не только религиозными и политическими, но и экономическими мотивами».

Укрепления

Экономика торговли и внутренняя экономика, а также нужды войны сделали, как мы уже видели, необходимым существование каких-то функциональных, проезжих торговых путей и дорог, пусть совершенно примитивных и грубых. Домашняя жизнь обязательно предполагает наличие дома, а для войны нужны крепости и укрепления. Тот факт, что кельты были необыкновенно умелыми строителями крепостей и что крепости составляют одну из наиболее типических и важных черт их материальной культуры, еще раз показывает, насколько важной чертой в повседневной жизни была война. На всех стадиях кельтской истории у нас гораздо больше материальных данных о крепостях, чем об обычных домах с их обстановкой. Кельтов, в отличие от их средиземноморских соседей, никогда не интересовало постоянное жилище и естественно возникающая при оседлой жизни утонченность домашнего быта. Сложная архитектура и зачатки городской жизни появились только на очень поздней стадии древней истории кельтов, по образцу и по большей части при поддержке Рима. Однако древний кельт - беспокойный бродяга, с его мобильной племенной организацией и агрессивным и чувствительным характером, думал в первую очередь о крепости, нежели о красивом доме. Такие поселения были действительно нужны, в то время как удобные дома оказывались лишними.

Кельты сооружали как укрепления, в которых можно было найти временное убежище, защищенные палисадами, рвами и валами (их использовали в основном в эпохи переселения народов), так и настоящие крепости, предназначенные для постоянного использования. Вначале крепости занимали вершины холмов, что служило дополнительным средством защиты. Однако в период первых контактов с римлянами и даже до него они строили также большие «города» - оппидумы (*oppida*) на равнинах или в долинах рек.

Оборонительные системы крепостей основывались на различных принципах: простой палисад, насыпь, ров (одионый или в несколько рядов); вал и ров; только вал. Валы могли быть простыми сооружениями из сухого камня, но иногда их усиливали, делали более устойчивыми, прокладывая стену бревнами - различными способами, с железными заклепками или без. Цезарь во время своих галльских войн столкнулся со стеной подобного типа и так и называл ее «галльской стеной» (*murus gallicus*). В некоторых случаях к внутренней стороне вала были пристроены, по крайней мере, бревенчатые домики. Если их случайно или намеренно поджигали или если нападающие наваливали у стены хворост и поджигали его, то нередко вся стена начинала гореть. Жар в лишенном воздуха пространстве внутри стены заставлял некоторые камни плавиться и сливаться в одну остекленевшую массу.[39]

Размер кельтских оград-укреплений мог быть различным - существовали укрепления, защищавшие лишь одну семью и город площадью сотни акров. Самые крупные поселения появились в самую последнюю очередь. Например, в Бибракте (на Мон-Бовре близ Отена, Франция) длина «галльской стены» составляла около 5 километров и она огораживала площадь около 335 акров. Интересно сравнить Бибракте с гомеровской Троей, площадь которой составляла менее 5 акров! В Бибракте на территории, огороженной стеной, находились здания, в основном прямоугольные, а также улицы, что говорит о влиянии средиземноморского мира. Некоторые здания, раскопанные археологами, - типичные кельтские бревенчатые постройки - были мастерскими художников, работавших по эмали; другие представляли собой различные палатки и киоски. Еще один пример - огромный оппидум в Манхинге (Бавария); он свидетельствует о величии и мощи, которых могли достигнуть эти поздние кельтские крепости.

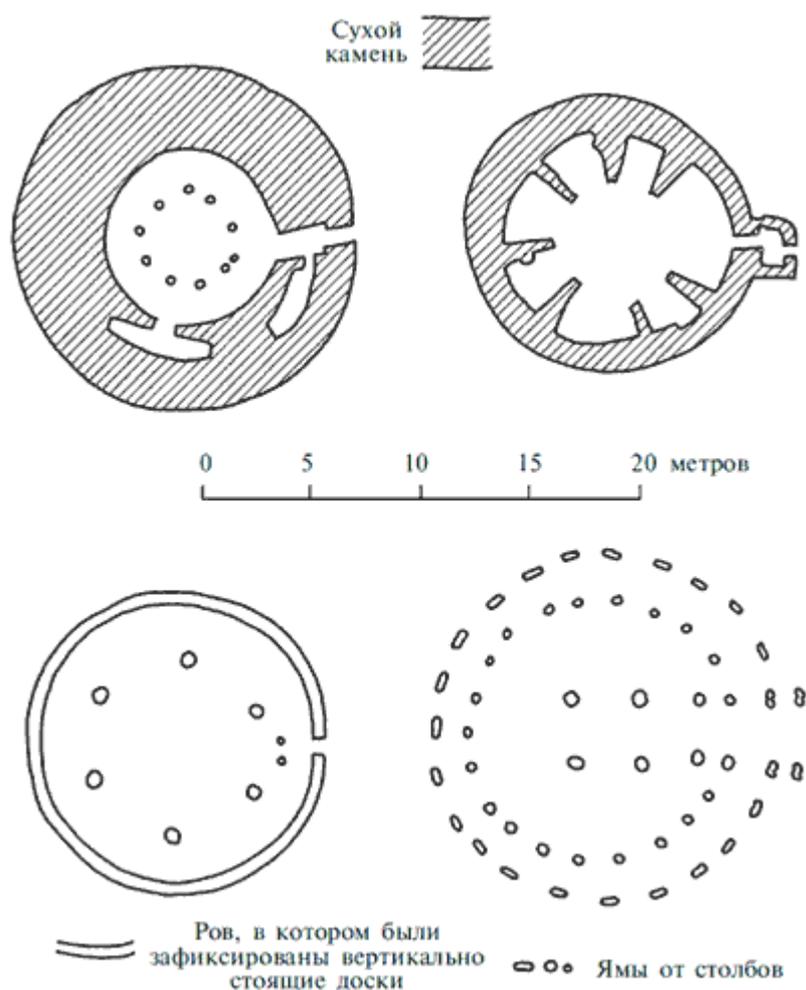

Рис. 29. План круглых домов четырех видов: 1 - Брок в Дун-Троддан (графство Инвернессшир); 2 - Дом-колесо в Ярлсхофе (Шетлендские острова); 3 - Хэрхоуп (Пиблзшир); 4 - Литл-Вудбери (Уилтшир).

Кельтские крепости - большие и маленькие, ранние и поздние - рассеяны по всей Европе. Античные авторы говорят об их существовании в Галатии (современный запад Турции), однако археологам пока не удалось там их обнаружить. На востоке кельтского мира, например в Зависте (Чехословакия), был обнаружен форт площадью около 80 акров. В Британии во многих местах встречаются оппидумы белгов, например в Колчестере (Камуллун), Сент-Олбансе (Веруламей) или Силчестере (Каллева). Древнее их такие знаменитые форты, как Мэйдэн-Касл (графство Дорсет), площадь которого составляет 45 акров,

Трапрэйн-Ло (Восточный Лотиан) - 40 акров и Стэнвик (Йоркшир), который в последнюю эпоху своего существования достиг размеров (хотя, может быть, и не роли) оппидума - 850 акров. Валы и рвы здесь простираются более чем на шесть миль, и, как говорит Пиггот, служили нуждам пастушеских племен, которые таким образом старались защитить свои стада.

В областях вне сферы влияния римлян строительство крепостей беспрепятственно продолжалось. Проложенный бревнами форт в Бургхеде (Моришир) недавно был датирован V веком н. э.

Форты типичны и для ирландских кельтов, как и для всего остального кельтского мира. В Ирландии, судя по всему, существовал некий профессиональный класс или гильдия строителей крепостей; это предположение подтверждают ирландские источники. Грэхэм показывает, что о том же самом говорит и постройка брохов, уникальных круглых жилищ с толстыми, но пустыми внутри стенами, которых в современной Шотландии сохранилось около 600 (рис. 29). Грэхэм пишет: «Технический стандарт каменной кладки при постройке брохов был настолько высок, что мы невольно приходим к выводу - эта работа выполнялась профессионалами». Литературные источники подтверждают данные археологии, говоря о том, что на сооружение крепостей тратилось огромное количество дерева. Например, говорят, что в крепости короля Бруде в Инвернесе якобы были складывающиеся двери с засовами. Упоминаются дверь и привратники Тары, великой крепости ирландских королей.

Крепости были непременной принадлежностью королей и высшей аристократии. Многие из таких фортов должны были быть небольшими. Пиршественный зал ирландского вождя был окружен защитной стеной с парапетом и частоколом. Это подтверждают и материальные данные.

В крепости были ворота, домик привратника и *faithche* - парадная лужайка, где проходили военные упражнения, тренировки и разнообразные игры с мячом, такие как ирландский хоккей на траве. В древнеирландской саге «Изгнание сыновей Уснеха» говорится:

«Вскоре после этого случилось, что Найси прогуливался один, распевая на валу королевского замка Эмайн»[40]. Словом, крепости были неотъемлемой чертой кельтского образа жизни. Простые постройки раннего периода развились и стали более совершенными и сложными в период латена - в зависимости от степени средиземноморского влияния и заимствования средиземноморской архитектурной традиции, а также и в результате давления и осадной тактики римлян, что, конечно, было гораздо страшнее, чем просто межплеменные войны.

Дома

Кельтские дома в плане были круглыми или прямоугольными. В докельтский период европейской первобытной истории (культура полей погребальных урн) предпочитали прямоугольные дома. Преобладают они и в гальштатской и латенской фазе. Круглые дома предпочитали в Западной Европе: они были обычными в Испании и Португалии и их продолжали строить вплоть до периода римского завоевания. Круглые дома мы находим также в Британии и Ирландии; их «родословная» восходит по меньшей мере к бронзовому веку, и наши данные заставляют предполагать, что это была строительная традиция Атлантического региона. В ирландских текстах упоминаются и прямоугольные постройки, однако можно думать, что речь идет о ритуальных строениях, в то время как обычный дом был круглым. Однако большой королевский зал, судя по всему, все-таки был прямоугольным. Археологам не удалось обнаружить в Европе круглые дома к востоку от Рейна. Страбон пишет о белгах: «Что же касается их домов - больших и куполообразных, - то они строят их из досок и плетней, набрасывая наверх массу тростника».

Рис. 30. Котел, висящий над огнем на железных цепях.

Видимо, это точная параллель к круглым домам островных кельтов. Одним из примеров является хорошо известный дом в Литл-Вудбери (рис. 29) и другие. Прямоугольные дома в Центральной Европе восходят еще к эпохе неолита, в то время как круглые дома вдоль Атлантического побережья имели предшественников по крайней мере в бронзовом веке. Круглый дом был постоянным жилищем, построенным из дерева, которое поддерживали столбы. В Центральной Европе пока таких домов на раскопках не находили.

Внутренняя обстановка таких кельтских домов должна была быть чрезвычайно грубой, и все наши данные предполагают, что кельты обожали украшать и выставлять себя напоказ, в то время как примитивное жилье их отнюдь не смущало. В круглых домах очаг располагался в центре комнаты, а в центре камышовой крыши было отверстие, через которое выходил дым. Над огнем висел огромный котел, подвешенный к матице дома (рис. 30); в нем варили огромное количество мяса, которое так любили кельты (в тех случаях, когда не жарили его на вертеле). Аристократия использовала хлеб в небольших количествах. Рыбу варили или пекли. Афиней, цитируя Посидония, упоминает о кое-каких гастрономических предпочтениях кельтов, и они хорошо засвидетельствованы и в ирландских текстах: «Пища их - немного хлеба и много мяса, вареного и зажаренного на углях или рожнах... Те из них, что живут по рекам и по побережью внутреннего и внешнего моря[41], питаются печеной рыбой, приправляя ее солью, уксусом и тмином».

Вдоль всей стены такого дома (по крайней мере, насколько мы можем судить по древним рассказам об ирландских домах) шли своеобразные отсеки, которые называли *im-dae*[42]. Это было нечто вроде спальных отделений, в которых происходили различные виды хозяйственной деятельности аристократического дома. Вероятно, если нужно было

уединиться, то такое отделение можно было закрыть от остального зала ширмой, тканью, кожей или плетеным экраном. Если можно верить рассказам античных писателей о том, как галлы спали, то люди, видимо, спали вместе в таких отсеках и, несомненно, зачастую на полу. Вот что пишет Диодор Сицилийский: «В обыкновении у них спать прямо на земле на звериных шкурах, перекатываясь вместе с возлюбленными, которые находятся и с той и с другой стороны».

Типичный диаметр круглого дома железного века составлял около 50 футов. Сами отсеки могли быть отгорожены плетеными или деревянными стенами[43]. В так называемых «домах-колесах» на западных островах Шотландии (рис. 29) при постройке отсеков камень заменил дерево, поскольку на безлесном севере дерево было роскошью - отсеки отгораживали радиальными каменными стенками. Древнейшие ирландские саги соответствуют информации, которую дают нам античные авторы и планы и другие детали постройки кельтских домов, известные археологам.

Резиденция ирландского аристократа, вероятно, была достаточно мощной постройкой, которая включала в себя укрепленную ограду, парадную лужайку (по-ирландски «faithshe») снаружи ограды; она, возможно, была и домашним пастбищем, и площадкой для военных игр и спортивной тренировки. Внутри ограды находилась собственно резиденция короля или аристократа и другие значительные постройки из дерева: жилища слуг, сарай и так далее. Основа ирландских домов, как и в других частях кельтского мира, была деревянной, причем деревянные планки клались внахлест; применялось и плетение из ивовых прутьев. Крышу поддерживали столбы, которые зачастую были украшены сложной резьбой; наверное, это было еще одним прекрасным средством, благодаря которому кельтские художники, нанятые для их украшения, могли показать свое мастерство. Снаружи имелись большие ворота и домик привратника, который следил за посетителями и разными задирами. В сагах всегда подчеркивается роль привратника: ничего жизненно важного не могло случиться без того, чтобы этого не увидел привратник. Первостепенную важность имело запираение ворот на закате; так поступали даже в домах простых свободных людей, то есть ремесленников высшего разряда.

Так, когда король Конхобар, дядя Кухулина, отправился в дом кузнеца Кулана, чтобы воспользоваться его гостеприимством (на которое он имел полное право), Кухулин, который в то время был еще маленьким мальчиком, заявил, что предпочтет остаться дома, пока не закончит игру с другими мальчиками в Эмайн Махе, и уже потом придет в крепость Кулана: «По следам воинов, лошадей и колесниц отправлюсь я». Конхобар прибывает раньше, чем мальчик, в сопровождении множества своих дружинников, как и позволял ему закон по такому случаю: «Принял Кулан короля, и никто не был обойден почестями согласно его рангу, занятию, праву, деяниям и благородству. Свежие циновки из тростника постелили гостям, и принялись они пить да веселиться». Кулан, узнав, что никто другой больше не придет - поскольку король забыл о своем маленьком племяннике, - выпускает свою страшную сторожевую собаку, которая охраняла его жилище. Собака быстро бежит вокруг ограды: «Спустили пса с цепи и, быстро обежав окрестности, направился он к холму, где обычно лежал, сторожа дом, и улегся, положив морду на лапы». Приходит мальчик, собака нападает на него, и он убивает ее голыми руками. Это был один из величайших подвигов Кухулина, поскольку именно благодаря ему он получил свое имя, без которого герой не существует как личность. Это произошло так: король услышал лай собаки, вспомнил о мальчике и воскликнул:

«- О воины, лучше б и вовсе не быть нам на этом пиру!

- Отчего же? - воскликнули разом улады.

- Да ведь сгубил сейчас пес того мальчика, что решил идти следом за нами, сына моей сестры, Сетанту, сына Суалтайма.

Немедленно вскочили улады, и, хотя двери дома были отворены, все устремились в поле за ограду».

Кузнец, узнав о случившемся, был потрясен потерей собаки: «Лучше бы вовсе не звать мне вас в дом да не потчевать питьем и кушаньями, ибо отныне добро все равно что пустошь, а припасы уж не пополнятся. Верного слуги лишили вы меня, что стерег стада и отары моего скота». Мальчик добровольно вызывается играть роль сторожевой собаки для кузнеца, пока он не вырастит щенка - сына того самого пса - и он не станет достаточно взрослым, чтобы стеречь крепость. Услышав это, друид Катбад изрек: «Отчего бы теперь не носить тебе имя Кухулин?[44]». Мальчик соглашается и обретает свое подлинное, героическое имя - Кухулин.

Это лишь одно из многих реалистичных описаний жизни, обычаев и домашнего быта древних ирландцев, которое вполне согласуется с другими источниками информации. Таким образом, основной социальной единицей в Ирландии, как и в Британии, был преимущественно изолированный круглый двор крестьянина с оборонительными сооружениями и другими постройками, а отнюдь не деревня с прямоугольными домами, как мы видим во многих районах кельтской Европы. Британский и ирландский тип изолированного дома был почти неизвестен в Европе в гальштатский и латенский периоды.

Вернемся к обстановке кельтского дома. Знатные люди сидели каждый в своем отсеке: там они обедали в окружении своих слуг и избранных дружинников. Обедаящий мог видеть весь остальной зал и внимать общему веселью - музыке, чтению стихов и преданий, выступлениям акробатов и тому подобному; его защищали его собственные слуги и копейщики. Афиней, цитируя Посидония, судя по всему, описывает именно такую обстановку, говоря: «Кельты... принимают пищу за деревянными столами, под которые подкладываются охапки сена, так чтобы они лишь немного возвышались над землей... Когда обедают большой компанией, усаживаются в круг, а в середину, как предводитель хора, садится самый влиятельный, превосходящий всех или военным умением, или знатностью, или богатством. Рядом усаживается гость, а затем по обе стороны, согласно своему достоинству, занимают места остальные. Позади них становятся телохранители с длинными щитами, а напротив, усевшись в круг по примеру господ, пируют копьеносцы».

Поразительную параллель этому описанию мы находим в только что процитированном нами древнеирландском пассаже, где в доме Кулана, дабы принять короля и его спутников, постилают камыш и траву и люди рассаживаются, как и говорит Афиней, по своему первенству, в чем бы это первенство ни заключалось.

Конечно, должны были быть какие-то варианты в обстановке, особенно в тех случаях, когда речь шла о прямоугольном доме, в противоположность круглому. Мебель, видимо, была редкостью, и стульями в доримское время, во всяком случае во время еды, не пользовались. Античные авторы говорят о сундуках.

Есть данные и о том, что ирландские дома были двухэтажными. На уровне верхнего этажа была какая-то комната или закрытый балкон, выдававшийся наружу. Его называли *gríanan*, то есть буквально «солнечная комната», «светлица». В ней размещались женщины, и она, возможно, была расположена впереди, над общей жилой комнатой. Здесь женщины проводили время, шили, вышивали и сплетничали - вдали от своих драчливых и обидчивых мужчин. В загадочной саге «Пир Брикрена», которая может восходить к VIII веку, Брикрэн строит великолепный дом, в котором намерен принять Конхобара и ульстерских героев. Но Брикрэн - зловещий персонаж, который обожает ссорить других, - позаботился о том, чтобы не присутствовать на своем празднике. Он строит светлицу со «стеклянными» окнами, так что он может обозревать зал и наблюдать за тем, что там происходит. Один из забавных эпизодов в этой саге - самой длинной в уладском цикле после «Похищения быка из Куальнге» - касается женщин. Подвыпившие дамы вступают в соревнование за первое место среди уладских женщин в красоте, мудрости и красноречии. Три женщины произносят речь, восхваляя своих супругов; в пьяном возбуждении мужа вырывают столбы дома, чтобы позволить своим женам, которые вышли наружу, снова войти в дом. А Кухулин просто поднимает одну стену дома: теперь его жена и ее свита могут войти. Когда стена упала обратно на землю, вся крепость вздрогнула и светлица

рухнула на землю. Несмотря на весь юмор и комический характер этой ситуации, описание дома с его легкостью и того, как расположена светлица, судя по всему, отражает подлинные предания об описанных нами постройках железного века.[45]

Глава 4

Игры и охота, музыка и развлечения, еда и питье

Итак, вот каким был фон повседневной жизни кельтов, их внешний вид, их характерный стиль одежды и украшений, свойственный им способ вести войну и оружие, которым они пользовались; дороги и водные пути, которые были так важны для войны, переселений и завоеваний, для торговли и путешествий; крепости, в которых они защищались, дома, в которых они проводили мирные дни. Но как же кельтские аристократы проводили время, когда они не воевали? Опять-таки в «Похищении» мы читаем о короле Конхобаре: «Ибо вот как текли дни Конхобара с тех пор, как он стал королем. Лишь только поднявшись, решил он дела королевства и всякие споры, остаток же дня разделял на три части: сперва наблюдал он забавы и игры юнцов, затем принимался играть в брандуб и фидхелл, а уж под вечер, пока всех не охватывал сон, вкушал он напитки и яства под навевающую дремоту музыку».

Настольные и уличные игры

Хотя здесь речь идет о короле, возможно, перед нами - типичный день из жизни высокопоставленного аристократа железного века в то время, когда он не был занят войной. Игры были широко распространены среди языческих кельтов. Знатные люди постоянно играли в некую настольную игру под названием фидхелл («деревянная мудрость»); в валлийских преданиях она именуется «гуиддбулл», что означает то же самое. Судя по всему, в игре было два набора фишек, которые втыкали в доску на определенных позициях. Иногда в фидхелл играли просто для развлечения, но иногда ставки были высоки и имели жизненно важное значение, как в саге «Сватовство к Этайн».[46]

В этой мифологической саге богиня Этайн, супруга бога Мидира, проходит через цепь превращений, пока, наконец, не возрождается как Этайн - дочь знатного улада. К ней сватается Эохайд Айрем, король Ирландии, и она становится его женой. Этайн снова рождается на свет через тысячу двенадцать лет после своего первого рождения, когда она была дочерью бога Айлиля. Но Мидир все еще любит свою жену и является к ней под видом брата Эохайда - Айлиля, который заболел от любви к невестке. На третью ночь этих встреч Мидир рассказывает Этайн, кто он такой, кто такая она и каковы были их первоначальные отношения, которые он желает продолжить. Она отказывается идти с ним без согласия супруга.

Однажды Эохайд взбирается на крепостной вал Тары, своей резиденции, и видит, как к нему приближается прекрасный юноша. Это бог Мидир. «Мы не знаем тебя», - сказал король. «А я тебя знаю», - произносит в ответ незнакомец. Затем Мидир достает великолепную «доску из чистого серебра, а фигуры на ней из золота». Он приглашает короля сыграть с ним и проигрывает. Он дает королю за проигрыш 50 серых коней с эмалированными уздечками. На следующее утро на восходе Мидир снова приходит к королю, и они играют еще одну партию. Эохайд снова выигрывает, и Мидир отдает ему огромный приз. Так происходит три раза, и каждый раз король оказывается победителем. Однако в четвертый раз игра проходит при условии, что победитель назовет свою ставку, когда закончится игра. Мидир, разумеется, выигрывает и требует, чтобы ему разрешили обнять и поцело-

вать Этайн. Эохайд соглашается и просит Мидира прийти через месяц, считая с текущего дня. В условленный день король собирает всех своих воинов и запирает двери. Однако Мидир, лучась красотой, все равно оказывается в пиршественном зале. Он подходит к Этайн и обнимает ее.

«Тут взял он свое оружие в левую руку, а правой обнял Этайн и унес ее с собой через отверстие в крыше дворца. Устыдились тогда воины и окружили своего короля. Потом увидели они в небе над Тарой двух лебедей...»

В «Видении Ронабви», одном из сказаний «Мабиногиона», в игре снова появляются высокие ставки, и снова господствует сверхъестественный элемент. Артур предлагает Овейну: «Овейн, давай сыграем в гуиддбуйлл». - «Я согласен, господин», - говорит Овейн. И рыжеволосый слуга приносит Артуру и Овейну гуиддбуйлл.

Опять-таки речь идет о «золотых фигурках» и «серебряной доске». Артур и Овейн начинают играть, и происходят странные вещи: Овейн хочет перестать играть и пойти по своим делам, однако Артур, мрачный, забывший обо всем, что происходит вокруг, постоянно повторяет: «Играй в игру».

Играли и в другую настольную игру, которая называлась брандуб - «черный ворон». В недавно раскопанной белгской могиле в городе Уэлвин-Гарден были обнаружены игровые фигурки и кости.

Так что многие настольные игры были очень популярны и, несомненно, помогали коротать долгие вечера. Поощрялись и спортивные игры на поле: сыновей и воспитанников аристократов учили играть с ранних лет, точно так же, как детей в современных школах учат играть в регби. Герой Кухулин блистал в таких играх. Прелестное описание его спортивной экипировки дает нам «Похищение быка из Куальнге». Точно так же, как Кулук в «Мабиногионе» отправляется ко двору своего кузена Артура и добывает там себе место, в «Похищении» Кухулин против желания своей матери отправляется в Эмайн Маху и становится одним из домашних короля, ибо король Конхобар - брат его матери: «Вскоре пустился он в путь, собрав все, что нужно для игр. Взял он свою бронзовую палицу для бросков и серебряный шар, свой маленький дротик для метания и детское копьё с закаленным на огне острием и, чтобы скоротать путь, принялся играть с ними. Сперва ударом палицы далеко отбрасывал он серебряный шарик, а затем туда же бросал и саму палицу. Метал он свой дротик и копьё, играя, бросался за ними, поднимал палицу, шарик и дротик и успевал ухватить копьё за древко, прежде чем втыкалось оно в землю».

Вот так, беззаботно жонглируя, будущий герой идет ко двору своего дяди, чтобы найти там удачу и определить свою дальнейшую судьбу. Когда Кухулин приходит в Эмайн Маху, мальчишки-придворные играют в хоккей на траве. Он оскорбляет их, не соблюдая существовавшего там запрета: никто не может входить на игровое поле, не заручившись прежде заступничеством мальчиков[47]. Все они нападают на него, но Кухулин быстро с ними разбирается - а всего мальчиков было 150! Во время игры Фергус играл с королем в фидхелл. У игровой доски было свое имя - Кендхазм, «Прекрасная голова», точно так же, как свои имена были и у оружия великих героев и богов. Это заставляет предполагать, что и доска, подобно оружию, наделялась сверхъестественными возможностями и качествами.

В древних преданиях описывается очень популярная игра типа травяного хоккея, видимо во многом напоминавшая каман, в который играют в горных районах Шотландии, и родственная обычному хоккею. Кухулин отказывался пойти с дядей в крепость Кулана, пока не закончит играть игру: «Конхобар... подошел к площадке для игр и не мог надивиться на то, что увидел: трижды пятьдесят юношей было у одного ее края и лишь один у другого, но всех превосходил он в бросках и метании в цель, а когда принялись они метать шары в цель - как издавна играли на поле в Эмайн - и наступил их черед бросать мячи, а его - защищаться, все сто пятьдесят мячей ловил он, ни одного не пропускал к цели; если же сам он бросал, а они защищались, - не зная промаха, попадал он».

Такую командную игру называли барье; цель представляла собой ямку, вырытую в земле. Два романо-бриттских изображения, судя по всему, показывают людей, играющих или одетых для такой игры типа травяного или обычного хоккея. Одно, из Кеттеринга (теперь находится в Британском музее), нанесено на глиняную форму из римской гончарной печи. Обнаженный человек держит в руке клюшку типа хоккейной, мяч и, возможно, голову; он ударяет по второму мячу. Другая фигура (также из коллекции Британского музея) фигурирует на пластинке, которая была частью ритуальной короны или диадемы, обнаруженной в Хокволдкум-Уилтоне, Норфолк. Человек держит перед собой в правой руке клюшку, похожую на хоккейную, а в поднятой левой руке - мяч. Углы пластинки украшают четыре мяча. Фигура также обнажена.

Охота

Помимо «шахмат» - фидхелла, игры под названием брандуб и полевых спортивных игр для молодежи, была весьма популярна охота - и как развлечение, и в силу необходимости. Распространенным времяпрепровождением была охота на птиц, в которой использовали пращу. Есть много фантастических описаний охоты на птиц; некоторые из них, как в случае с охотой Конайре в саге «Разрушение дома Да Дерга», явно имеют мифологическое значение.

Конайре был сыном Этайн, дочери Этайн, дочери Этара и огромной таинственной птицы, которая по своей воле могла превращаться в человека. У этого создания была собственная дружина: все его спутники также могли превращаться в птиц или в людей, когда это было необходимо.

Однажды Конайре, играя со своими совоспитанниками, заскучал и стал искать других развлечений: «Потом оставил он братьев играть, повернул колесницу и пустился в дорогу. У Ат Клиат заметил он вдруг огромных птиц с белыми пятнами, невиданной красоты и цвета. Бросился за ними Конайре и скакал, покуда не истомились его кони. И все это время не подпускали его птицы на бросок камня, но и не улетали дальше. Сошел тогда Конайре на землю и достал из колесницы свою пращу. Двинулся он вперед и пошел к морю, где опустились птицы на воду. Уже занес он руку, но тут сбросили птицы оперение и предстали перед ним воинами с мечами и копьями».[48]

Популярность у кельтов охоты на птиц засвидетельствована и античными авторами. Страбон пишет: «Есть у них еще одно деревянное оружие, похожее на «гросф». Его бросают рукой, а не из петли, и оно летит даже дальше стрелы. Этим орудием они пользуются главным образом для охоты на птиц». Охотой на птиц развлекает себя единственный сын Кухулина по дороге на роковую встречу с отцом и со своей судьбой - он погибает от руки собственного отца - в трагической саге «Смерть единственного сына Айфе». Стоя на побережье Трахт Эйси, улады увидели, что к ним плывет бронзовая ладья. В ней сидел мальчик; он сбивал птиц своей пращой так, что они оставались в живых, а потом снова выпускал их.

Его собственный отец совершил подобный подвиг в тот день, когда он впервые взял оружие и доказал свою доблесть в сражении. Тогда Кухулин вернулся в Эмайн Маху, нагруженный головами, живыми оленями и добычей. Тут он увидел пролетающую мимо стаю белых лебедей.

«- Что там за птицы, о Ибар, - спросил тут Кухулин, - ручные они или вольные?»

- Это воистину вольные птицы, - сказал ему Ибар, - стая, что к нам прилетает со скал, островов и утесов огромного моря кормиться в поля и долины Ирландии.

- Что будет лучше, о Ибар, - спросил его мальчик, - живыми или мертвыми взять их нам в Эмайн?

- Уж верно живыми, - ответил возница, - ибо не каждый поймает свободную птицу.

Кинул тут мальчик в них маленький камень и сбил восемь птиц, метнул большой камень, и пало на землю шестнадцать... Тогда привязал Ибар птиц к оглоблям, веревкам, ремням, бечевам колесницы».

Однажды в «Похищении быка из Куальнге» любовь Кухулина к охоте на птиц чуть было не навлекла на него позор. Нат Крантайл, могущественный воин на службе королевы Коннахта Медб, собрался напасть на Кухулина. Он презрительно обращается к юноше и отказывается пользоваться каким-либо другим оружием, помимо 27 жердей из падуба, заточенных, обожженных и заостренных на огне[49]: «Прежде него успел Кухулин подойти к потоку, над неверными водами которого возвышались лишь девять жердей, с которых он все ж никогда не отступался. Метнул Нат Крантайл жердь в Кухулина, но тот наступил на ее острие. Вторую и третью жердь метнул Нат Крантайл в Кухулина, но с острия второй переступил Кухулин на острие третьей. Меж тем показалась над равниной стая птиц. Сам словно птица, устремился Кухулин за ними в погоню...»

В этом пассаже воплощено отношение кельтов к жизни и развлечениям - помпезные, фантастические, величественные подвиги, когда легендарные, полубожественные герои достигают невозможного; простодушная радость, которая чувствуется в описании всех этих приемов и попытках подражать им в реальной жизни.

Однако кельты охотились не только на птиц. Величайшей охотничьей добычей и самой изысканной пищей для пира считался кабан. Кельты охотились на диких свиней, ели их - и в то же время они почитали их и поклонялись им, считая свиней по сути своей неземными, волшебными животными.

Во множестве саг речь идет об охоте на кабана; эта тема красной нитью проходит через всю кельтскую традицию. Античные авторы подтверждают сведения о любви кельтов к свинине, как и фрагменты туш, найденные в погребениях. Страбон пишет о белгах: «Пища у них обильная, состоящая из молока и мяса разного сорта, но главным образом из свинины, как свежей, так и соленой. Свины у них живут на свободе и отличаются величиной, силой и быстротой; они опасны для подошедшего к ним незнакомого человека».

Охота на гигантского сверхъестественного кабана послужила темой множества преданий в древней ирландской и валлийской традициях. Охота на великого таинственного Турх Труйта в «Мабиногионе»[50], который на самом деле был превращенным в кабана вместе со всей своей свитой князем, стала главной темой в истории о Кулухе и Олвен; ирландской параллелью Турх Труйту служит Орк Треть. Юный Кулух, кузен Артура, просит руки Олвен, дочери Исбададена, «Повелителя Великанов». Прежде чем получить ее, Кулух должен выполнить множество заданий, превышающих человеческие возможности, одно из которых - поймать сверхъестественного кабана. Гигант говорит Кулуху: «В целом мире нет гребня и ножниц, что могли бы справиться с моими жесткими волосами, кроме тех, что спрятаны между глаз Турха Труйта, сына Тарета Вледига, Великого кабана. Он не отдаст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению»[51]. Кулух выполняет множество невероятных подвигов, которые он вынужден был свершить, и вот валлийские воины отправляются в путь по Ирландии, где и пребывает великий кабан: «Впереди себя он пустил собак, и они подняли Турх Труйта, и в этот день с ним сражались ирландцы, и он опустошил пятую часть Ирландии. На другой день с ним сражались воины Артура и не смогли его одолеть. На третий день с ним сражался сам Артур, и бился девять дней и девять ночей, и смог убить только самую маленькую свинью. Его люди спросили, что это за свинья, и Артур ответил: «Это король, которого Господь превратил в свинью за его грехи».

В Ирландии охотились как на волшебных кабанов, так и на самых обычных, настоящих свиней. Один кабан - легендарный кабан Формаэла - стал предметом широкомасштабной охоты; он красочно описан в одной легенде: «Одного описания этого гигантского кабана было достаточно, чтобы внушить смертельный ужас, ибо он был черно-синий с грубой щетиной... серый, жуткий, безухий, бесхвостый... Зубы у него выступали, длинные, страшные, впереди его огромной головы... и щетина была поднята у него на спине так высоко, что круглое дикое яблочко накололось бы на каждую из его грубых щетинок».

Таким образом, кабан был любимым животным для охоты, и местные традиции содержат множество упоминаний об охоте на свиней, как настоящих, так и сверхъестественных.

Охотились и на оленей. Кухулин снова показывает свою волшебную власть над животными в эпизоде «Похищения быка из Куальнге», который непосредственно предшествует тому, где он сбивает живых лебедей пращой и возвращается в крепость Эмайн Маха с птицами, которые бьют крыльями над его колесницей:

«Вдруг заметили они стадо диких оленей.

- Что там за звери, о Ибар, - спросил его мальчик, - ручные они или дикие?

- Воистину то дикие олени, - ответил Ибар, - стадо, что бродит в чащобах у Слиаб Фуайт.

- Подхлестни же кнутом лошадей, - молвил мальчик, - чтоб смог я поймать одного-двух оленей».

Колесничий ударяет лошадей кнутом. Жирные лошади короля не могут догнать оленей. Мальчик спускается с колесницы и ловит двух быстрых, сильных оленей. Он привязывает их к дышлу, веревкам и ремням колесницы.[52]

Охота была постоянным времяпрепровождением и в валлийских преданиях. В повести «Мат, сын Матонви»[53] в «Мабиногионе» рассказывается:

«Король Пуилл правил семью частями Дифеда. Однажды, находясь в своем дворце в Арберте, решил он выехать на охоту... А на рассвете приблизился к Глин-Кох, пустил собаку в чашу и протрубил в рог, объявляя начало охоты. Он устремился вслед за собаками, и его спутники отстали; тут он услышал вместе с лаем своей своры лай других собак, доносящийся со стороны.

И он выехал на лесную поляну и увидел там не своих собак, а чужих, преследовавших большого оленя. На середине поляны они настигли его и повалили наземь. Тогда Пуилл смог разглядеть этих собак, подобных которым он не видел никогда в жизни. Они были белы как снег, а их уши - красны; и белое и красное сверкало и переливалось. И он подъехал ближе, и отогнал собак от оленя, и увидел собственную свору».

Белые животные с красными ушами в кельтской традиции - сверхъестественные звери. И действительно, это оказались собаки Арауна, короля Аннуина - Иного Мира. Позднее, в той же самой легенде, когда Пуилл провел год в Аннуине под видом Арауна, мы читаем: «И год прошел в охоте, в песнях и празднествах». Это - краткое и емкое описание жизни кельтского аристократа в то время, когда он не сражался и не занимался военными упражнениями.

Инструментальная и вокальная музыка

Кельты очень любили музыку, как инструментальную, так и вокальную. На их праздничных собраниях звучала музыка арфистов и игроков на тимпане, а также песни бардов, которые исполняли свой репертуар перед аудиторией. Изображение лиры гальштатского времени мы видим на декорированной керамике из Шопрона, Венгрия (рис. 15).

Иной Мир был частью повседневной жизни кельтов точно так же, как любое иноземное государство, до которого можно было доехать, и этому миру была свойственна нежная и прекрасная музыка. Арфист Дагды - великого языческого бога ирландцев - мог играть такую волшебную музыку, что заставлял людей смеяться, плакать или погружаться в блаженный сон. Описания Иного Мира наполнены упоминаниями о музыке. Например, Бран, которого заманивает в Иной Мир богиня, слышит от нее: «Нет ни капли горечи, ни капли зла, все - сладкая музыка, нежащая слух». В ирландской саге «Приключения Кормака» Кормак сидит на валу Тары (так обычно и начинаются встречи со сверхъестественным) и видит воина, который подходит к нему, неся на плече ветвь с тремя золотыми яблоками. Когда он потрясает ветвью, она издает сладкую музыку, под которую раненые и больные могут мирно заснуть. В саге «Болезнь Кухулина» Иной Мир описан так:[54]

Пред другой дверью, со стороны востока,
Стоят три дерева, пурпурно-стеклянные,
Птицы на ветвях их сладким пением
Нежат слух детей дома королевского.
Посреди двора стоит дерево,
С ветвей его льется сладкая музыка.
Все из серебра оно, в солнечных лучах
Сияет оно, словно золото.

В другом описании Иного Мира Ане, дочь Эогабула, выходит из сида (волшебного холма) с бронзовой лирой, на которой она играет. В той же самой саге («Битва при Маг Муриме») два героя, Лугайд Мак Кон и Эоган, идут в гости к дяде Лугайда, Арту Мак Кону. По дороге они слышат музыку, доносящуюся из тисового дерева над водопадом. Они ловят музыканта. Оказывается, что это Фер Фи, сын Эогабула. Айлиль заставляет его играть[55]. Он сыграл печальную мелодию, так что все заплакали; затем завел веселую песню, так что аудиторию охватило почти истерическое веселье. Затем он стал играть колыбельную, и его аудитория заснула и не просыпалась целые сутки; к тому времени волшебный арфист, конечно, исчез.

Кельтские божества и обитатели Иного Мира, естественно, превосходили всех смертных в наиболее желанных и желательных умениях. Поскольку искусство рассказывать предания очень ценилось в кельтском мире, боги должны были быть несравненными рассказчиками. Точно так же музыка была (и остается) одной из главных страстей кельтов, и люди Иного Мира должны были быть способны петь и играть на музыкальных инструментах лучше, чем любой смертный.

Другой пример использования музыки для того, чтобы слушатели забыли обо всем на свете, встречается в саге под названием «Разрушение Динн Риг». Арфист Дагды Крайптине отправляется вместе с князем Лабрайдом на запад, где Лабрайд просит руки дочери короля Фир Морка. Арфист играет музыку сна, и мать девушки, которая постоянно смотрит за дочерью, погружается в гипнотический сон. Любовники получают возможность провести ночь вместе. На следующий день мать говорит мужу: «Поднимайся, о Скориат, ибо во зло тебе сон, запах женщины исходит от твоей дочери. Послушай, как вздыхает она после ухода возлюбленного».[56]

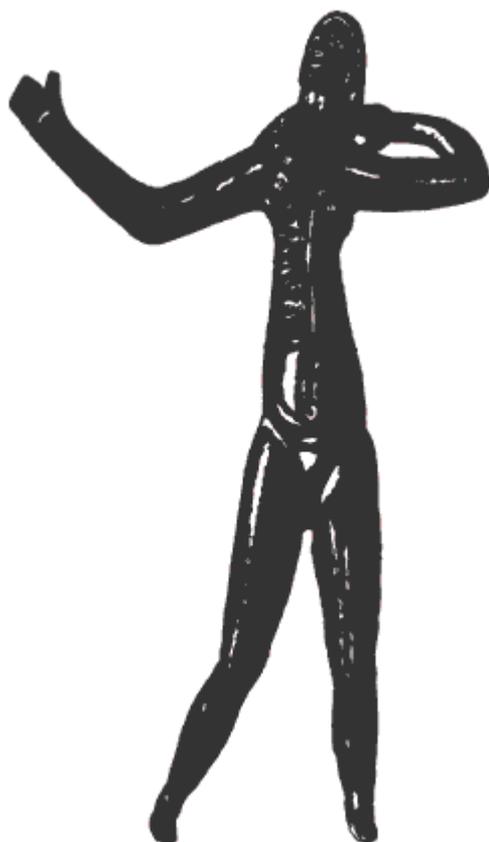

Рис. 31. Бронзовая фигурка танцующей девушки из Невиан-Суйя (департамент Луаре, Франция).

В «Похищении быка из Куальнге» встречается любопытное упоминание о сверхъестественных арфистах: «Тем временем пришли к ирландцам арфисты Кайнбиле из Эсс Руад, чтобы повеселить их, но подумали воины, что явились они от уладов следить за ними, и долго с жаром гнались за арфистами, пока те не ускользнули от них, обернувшись дикими оленями у камней Лиа Мор. Ведь хотя и звали их Арфистами Кайнбиле, были они сведущи в великом знании, предсказаниях и магии».

Античные писатели также упоминают о песнях и музыкальных инструментах, развлекавших слушателей. Афиней, цитируя Посидония, говорит: «Музыкой слух им ласкают так называемые барды - сочинители песенных славословий». Диодор Сицилийский также говорит о кельтах: «Есть среди них и поэты, слагатели песен, которых они называют «бардами». Исполняя песни в сопровождении инструмента, схожего с лирой, одних они воспевают, других порицают». В древних текстах упоминаются и другие инструменты, например свирели; по археологическим данным известны и трубы.

Инструментальная и вокальная музыка играла огромную роль на собраниях кельтов. На некоторых календарных праздниках (например, на празднике Карман в Уэксфорде, который проходил каждые три года 1 августа) устраивались состязания в музыке и пении.

Рис. 32. Бронзовая фигура танцующего мужчины из Невиан-Суйя (департамент Луаре, Франция).

На таких праздниках на открытом воздухе, которые зачастую длились по многу дней, также большой популярностью пользовались скачки. Праздники были посвящены какому-нибудь эпонимному божеству, обычно богине земли, тесно связанной с определенным географическим пунктом. Богиня Маха, например, дала свое имя королевской крепости, где она умерла, родив двух близнецов после состязания в беге с королевскими лошадьми, в котором она победила. Само название Эмайн Маха, возможно, означает «Близнецы Махи». Любое нарушение священного мира на таких больших календарных праздниках немедленно наказывалось смертью.

В древних текстах упоминаются также дураки и шуты; очевидно, что таких «эстрадных артистов» держали в знатных домах, чтобы веселить компанию, если требовались менее серьезные развлечения, не требовавшие никаких интеллектуальных усилий. Как ни странно, в древнеирландских текстах нет упоминаний о танцах, однако в других обществах они, безусловно, должны были быть. На континенте были обнаружены три небольших изображения, которые поддерживают эту точку зрения. Одно из них датируется еще гальштатской эпохой - это изображение танцующей женщины на декорированной керамике из Шопрона (рис. 15). Другие два - бронзовые фигурки из Невиан-Суйя (департамент Луаре), датирующиеся галло-римским периодом. Одно изображает обнаженную танцующую девушку (рис. 31), другое - также обнаженного танцующего мужчину (рис. 32). Еще одна бронзовая скульптура из Сен-Лоран-де-Буа изображает обнаженную женщину в позе, похожей на танцевальную.

Еда и питье

Античным авторам этот аспект жизни кельтов казался весьма занимательным, и они о нем много пишут. Особенно впечатляли средиземноморский мир кельтские обычаи, связанные с выпивкой. Способность кельтов поглощать крепкое спиртное проходит через всю их историю - и зачастую с печальными результатами (рис. 33). Например, Афиней, цитируя Посидония, рассказывает: «Тмин они кладут и в питье... На богатых пирах пьют неразбавленное привозное вино из Италии или Массалии и только изредка добавляют в него воды. На более скромных трапезах пьют пшеничную брагу, приправленную медом, а народ ее пьет и без приправ; называется она кормой. Отпивают они ее почасту, но понемногу, не более киафа из одной и той же чаши. Питье это разносит раб по кругу слева направо и обратно».

Гигантский пир был приготовлен в Галлии королем Ловернием. Это убедительное соответствие тому, что мы знаем о приготовлении пира из древних кельтских текстов:

«...Огородив прямоугольное пространство стороной в двенадцать стадий, он поставил там чаны, наполненные дорогим вином, снеди же заготовил такие горы, что по многу дней подряд мог угощать всех желающих, не испытывая ни в чем недостатка».

Подобные античные описания сложных приготовлений к пирам и того, как долго они продолжались, могут с не меньшим успехом относиться и к таким роковым ирландским пирам, как «Пир Брикрена». Здесь мы узнаем, что Брикрена приготовил пир для короля Конхобара, сына Несс и всех уладов. Он собирал еду весь год и построил дом в Дун Рудрайге, чтобы подать его там, - точно так же, как Ловерний построил свою ограду для пира. Затем Брикрена приготовил «кусок героя», который был у него наготове: откормленная молоком свинья, вол, который питался только молоком, травой и зерном, а также 100 пшеничных хлебов, испеченных на меду. Афиней также упоминает о традиции, связанной с «куском героя», который был столь неотъемлемой принадлежностью ирландских пиров: «В древности... за трапезой подавались цельные окорока и самому сильному воину вручалось бедро; если же кто-либо начинал спорить, то они вступали в поединок и бились насмерть». Диодор Сицилийский пишет: «Рядом с ними стоят жаровни с сильным огнем, на которых находятся котлы, а также вертела с целыми звериными тушами. Достойных мужей они чествуют, поднося им лучшие куски мяса».

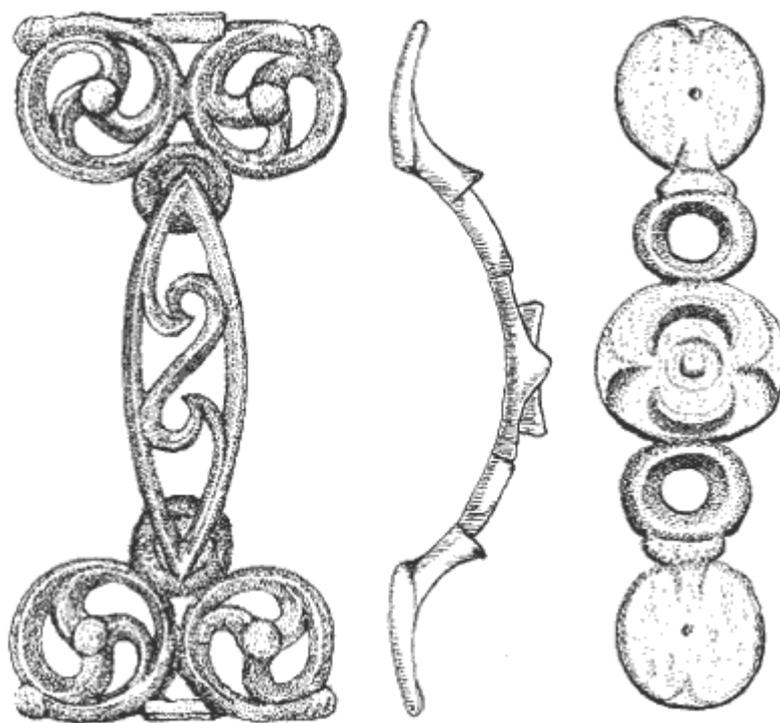

Рис. 33. Пивная кружка (и ее дно) из Шэпвик-Хит (графство Сомерсет); ручка пивной кружки из Траусвинида (графство Мерионет); ручка пивной кружки из Уаддон-Хилл, Стоук-Эббот (Дорсет).

Тщательно приготовленный пир подобного типа упоминается в сказании о Ллуде и Ллевелесе[57] в «Мабиногионе», и, хотя это и поздний источник, для нас он представляет интерес: «Третьей напастью было то, что в ту же ночь исчезали неведомо куда все запасы, хранящиеся в королевском дворце, пусть даже они были запасены на год». Человек, который уничтожает пир, оказывается сверхъестественным существом: король, стоя на страже, видит, как «во дворец вошел человек громадного роста, богато одетый и вооруженный, неся с собой корзину. И он положил в эту корзину все приготовленные яства и напитки и собрался уходить». Тот же самый человек, подобно своим ирландским собратьям (как мы уже видели), «посредством своего колдовства погружает всех в сон» с помощью «сладостного пения и музыки».

Диодор Сицилийский, как и другие средиземноморские авторы, обращает внимание на то, сколько же пили кельты на своих пирах и как это непременно порождало насилие. Женщины также принимали в этом участие; в «Пире Брикрена» есть еще один забавный эпизод - жены героев выходят из пиршественного зала со своими компаньонками «после обильных возлияний». Затем они начинают небывалую ссору из-за того, кто же из них в наибольшей степени обладает всеми добродетелями и очарованием; тут происходит «словесная битва женщин уладов».

На пирах островных кельтов часто пили вино, однако фактически наиболее популярным алкогольным напитком был эль (*cuirm*, галльское «*corna*»). Чаще всего для его приготовления использовали ячмень, однако употреблялись и рожь, и овес, и пшеница. Сначала зерно превращали в солод (*bras* или *braich*); затем его сушили в печи, пока он не затвердел. Молотый солод перемешивали с водой, сбразживали, варили и процеживали до завершения процесса. Эль часто делали дома и для домашнего употребления. Были и профессиональные пивовары - *cerbsire* (от латинского «*cerevisia*», «*cervisarius*», что само по себе было заимствованием из галльского). Пили и другие сорта эля, а также медовуху. Само имя богини Медб означает «опьяняющая» или «пьяная»; мед, возможно, был самым характерным из кельтских алкогольных напитков. Бог, чье имя упоминается на алтаре, обна-

руженном в Дербишире (теперь Хаддон-Холл), именовался Марс Бракиака, то есть «Марс Солода или Эля». Другие алкогольные напитки делались из ягод. Хотя виски и стало считаться типичным напитком гойделов, первое упоминание о виски в ирландских анналах относится к 1405 году н. э. Естественно, изготовление виски требовало перегонного куба, который был изобретен только в XII веке (рис. 34).

Еды и напитков кельтам, судя по всему, хватало, по крайней мере высшим классам. Легкий доступ к соли, естественно, позволял засаливать и хранить мясо скота, забитого осенью. Афиней говорит, что кельты едят небольшое количество хлеба вместе с большим количеством мяса: это подтверждают и ирландские тексты. Рыба также считалась ценной пищей: ирландцы любили запекать лосося с медом и травами, а Афиней, как мы уже видели, упоминает о рыбе, запеченной с солью, уксусом и тмином. В «Похищении быка из Куальнге» Кухулин упоминает об употреблении в пищу диких животных и трав. Он говорит Фергусу: «Ведь если случится над полем лететь стая птиц, будет твоим дикий гусь и половина другого в придачу. Рыбе ли в устье случится зайти, будет всегда тебе лосось да еще половина другого. Будет тебе и пригоршня водяного салата, да пригоршня морской травы, да пригоршня водяной травы».

Возможно, упомянутые здесь водоросли - этот тот самый съедобный карригин, который все еще едят в Ирландии и на островах Шотландии, где говорят по-гэльски, а также и в других местах: его варят с молоком и затем процеживают, так что получается нечто вроде бланманже. Можно вспомнить и о хлебе из красных водорослей, который едят в южном Уэльсе.

Рис. 34. Чаши из Кэшкарригана, графство Литрим (Ирландия), и Роуз-Эша, графство Девон. Такие чаши могли использоваться как для домашних, так и для ритуальных целей.

Важным подспорьем в питании, как и хлеб, была каша, а также молочные продукты - молоко, масло, сыр, творог. В «Похищении быка из Куальнге» говорится, что Флидас (богиня дикой природы, похожая на греческую Диану) «каждую седьмую ночь утоляла молоком жажду любого ирландца, будь то король, королева и люди их рода или поэты да мудрецы».

Любимой едой на пирах была говядина и свинина. Страбон упоминает об этих блюдах, когда говорит про белгов: «Пища у них обильная, состоящая из молока и мяса разного

сорта, но главным образом из свинины, как свежей, так и соленой». Диодор Сицилийский упоминает об огромных количествах вина, которое импортировалось в Галлию из Средиземноморья; фактически он упоминает о его перевозке «в повозках по равнинам». Это согласуется с изображением угощения Медб в «Похищении быка из Куальнге»: «Не каждому угостила Медб напитки, которыми потчуют Фер Баета, ибо всего пятьдесят повозок нагружены ими» - количество, думается, немалое.

Однако, несмотря на все то изобилие, в котором, как явствует из античных авторов и ирландских текстов, жили кельты, они ревностно заботились о своих фигурах. На толстопузых смотрели с презрением. Страбона такое отношение поразило; он замечает: «Они стараются не разжиреть и не стать толстобрюхими, и юноша, который превышает по размерам норму - меру пояса, подвергается наказанию». Интересно, кто же отвечал за выпивание таких штрафов?

Глава 5

Законы, «соответствия вещей», ученость и литература

Так естественно мы переходим к вопросу о том, как же контролировалось кельтское общество, и к законам. Ирландские законы - это хранилище древнейшей, подлинной традиции. Валлийские законы также важны, однако они не отражают столь архаического взгляда на мир, как ирландские. В Ирландии законодательные трактаты в письменной форме восходят к VII веку н. э., и за ними лежат века устной традиции, что подводит нас к рубежу христианской эры, а может быть, и далее, в железный век. Некоторые свидетельства античных авторов также помогают нам составить представление о том, как контролировалось кельтское общество на континенте, и о моральных кодексах, которые определяли его действия.

Кельтский «идеал» и кельтский образ жизни всегда не ладили друг с другом. В идеале кельты питали страсть к классификации, к тому, чтобы тщательно все обдумать и распределить. Если бы им удалось воплотить свои теории в практику повседневной жизни, то их последующая судьба и история, наверное, были бы совсем другими, а не такими, какими были в действительности. У них образовались бы сильные политические центры, развилось бы эффективное правительство - как местное, так и центральное, и той дезинтеграции, которая всегда проявлялась в кельтском обществе под давлением извне, наверное, не было бы. Кельтам удалось бы взять под контроль то ослабляющее воздействие, которое оказывали постоянные внутренние войны. Катастрофическое злоупотребление спиртными напитками, которое неминуемо сказывалось на всем обществе, также было бы введено в определенные рамки. Словом, кельтский закон и кельтский «идеал» поведения нужно считать чем-то желательным, но в то же время и чем-то, что не очень согласовывалось с повседневной жизнью.

Законы

Ирландские законы представляют собой трактаты, язык которых был намеренно темным и чрезвычайно техническим. До 1920 года практически не было переведено хоть с какой-то степенью точности ни одного трактата[58]. Эти законы именуются «законами брегонов», поскольку судья назывался *breitheamh*. Множество ученых в XIX веке проложили дорогу для тех впечатляющих исследований, которые проводятся сегодня, прежде всего профессором Бинчи, величайшим из ныне живущих специалистов по ирландским законодательным трактатам[59]. Его работы доносят до нас сведения о раннем кельтском общес-

тве (а точнее, идеале этого общества, поскольку мы не можем знать, насколько эти сложные и туманные законы применялись на практике). Эти исследования поразительно интересны и очень важны для того, чтобы составить себе представление о прошлом кельтов и представить себе его с человеческой, а не с чисто научной точки зрения.

Как пишет Бинчи, в соблюдении законов должны были быть различия, обусловленные местными обычаями, но тем не менее «ирландское право сохраняет в окаменевшем виде многие первобытные индоевропейские учреждения, лишь слабые следы которых существуют в других юридических системах, произошедших из того же источника».

В своей первоначальной письменной форме все законодательные трактаты, возможно, относятся к VII веку н. э., хотя некоторые, вероятно, могут быть и более ранними. Все то традиционное право передавалось, в соответствии с общекельтским обычаем, устно, по крайней мере до VI века. Традиционно филиды - «пророки, провидцы» - были хранителями юридической мудрости. Как показывает само их имя «провидцы», считалось, что филиды обладали сверхъестественными способностями и мудростью, которая ставит их на один уровень с самими друидами.

Вполне возможно, что значительная часть этого устно передававшегося наследия была облечена в форму стихов, что облегчало заучивание. Но даже в этом случае перед хранителями традиции стояла нелегкая задача, которая для наших сегодняшних умов, привыкших зависеть от книг, кажется почти невозможной. Мы знаем, что такие поэмы сочинялись силлабическим стихом еще в VII веке.

Право было тайной наукой, секреты которой тщательно и усердно хранили специалисты-законники. Даже авторы древнейших глосс считали язык правовых трактатов темным и непонятным. Как мы уже видели, традиционное ирландское право было по своему происхождению и структуре индоевропейским. Бинчи пишет: «Точно так же, как в древнеирландском литературном языке, благодаря постоянному общению между учеными людьми со всех концов страны, не наблюдалось диалектных различий, так же и близкие отношения, существовавшие между профессиональными юристами всех школ, помогли сохранить единство юридического языка». Показывая огромное значение ирландского права для сферы сравнительного правоведения, Бинчи говорит: «В этом, как и во многом другом, ирландское право обладает свойствами всех древних систем, составленных юристами. Помимо фиктивного единства и постоянства... мы также находим нереальный схематизм и страсть к классификации, которые можно встретить и в индусских книгах законов. Иными словами, юристы, хотя их работа, несомненно, основывалась на подлинных обычаях, старались выработать симметричную схему, и в интересах симметрии они иногда обобщали правила и учреждения, которые в реальной жизни имели гораздо более ограниченное применение».

Весьма полезно сравнить древнеирландское право с валлийским, поскольку даже различия между ними могут показать, до какой степени римские юридические концепции и термины повлияли на валлийское право. Однако валлийское право происходит из того же источника, что и ирландское, - это традиционное знание, которое было плодом труда позднейших профессиональных юристов. Языческий элемент в ирландском праве достаточно силен, и таким же сильным было нежелание изменять хоть что-либо в этих традиционных кодексах поведения. Бинчи пишет о них: «Единственное, что оказало существенное влияние извне на эту систему, - обращение Ирландии в христианство... однако по сравнению, например, с англосаксонскими законами ирландские трактаты в нескольких жизненно важных вопросах показывают упорное нежелание соотноситься с христианским учением».

В Ирландии существовала весьма примитивная юридическая система, при которой общество никак не могло вынудить никого к исполнению частных обязательств. Однако в Уэльсе король, как представитель государства, вмешивался в исполнение судебных приговоров. В Ирландии огромную роль в осуществлении права играло наложение ареста на имущество виновного с целью заставить его выполнить свои обязательства. В законода-

тельных трактатах со всеми подробностями описывается процедура, которую нужно было провести для того, чтобы арестовать собственность ответчика. Так человека можно было заставить предстать перед судом. Когда сторонам удавалось договориться об этом, дело слушалось в доме судьи, и у обеих сторон были адвокаты, которые действовали от их имени. Обе стороны обязаны были предоставить поручителей, которые должны были гарантировать, что они примут решение судьи и будут действовать соответственно.

Система кельтского права в целом слишком сложна и запутанна, чтобы мы могли здесь высказать по ее поводу нечто большее, чем несколько поверхностных замечаний. Одной весьма архаичной и интересной чертой в юридической процедуре было использование голодовок как средства выиграть дело[60]. В некоторых случаях истец начинал голодать перед домом ответчика; это вынуждало того согласиться предстать перед судом. Голодовка длилась от заката до рассвета, а ответчик также должен был поститься, и если хотел есть, то обязан был предложить еду и истцу. Затем он обязан был поклясться, что явится в суд или заплатит требуемую сумму. Если ответчик игнорировал голодающего и не хотел платить, он считался обесчещенным.

Другой интересной архаической чертой ирландского права был тот факт, что компенсация за ущерб рассчитывалась согласно социальному рангу пострадавшего и объему нанесенного ущерба. Эта плата называлась *lug-n-enech* - «цена чести». Валлийское соответствие этому понятию встречается в валлийской легенде о «Бранвен, дочери Лира» в «Мабиногионе». Брат Брана изуродовал и погубил лошадей ирландского правителя Матолуха. Должна быть выплачена компенсация. Бран говорит: «Встаньте, Манавидан, сын Ллира, и Хэфайдд Хир, и Иник Глеу Исгвидд, и идите к нему, и передайте, что он получит лучшую лошадь за каждую из испорченных. И, кроме того, в возмещение он получит слиток серебра размером с него и серебряную пластину шириной с его лицо. И скажите, что за человек это сделал, и что сделано это против моей воли, и что это сделал мой брат по матери, которого мне трудно казнить или изгнать. И пригласите его навестить меня, - сказал он, - и мы заключим мир на условиях, которые он предложит».

В законах речь идет о самых разнообразных вещах, например об отношениях между клиентом и патроном, основном и жизненно важном аспекте кельтской социальной организации, как мы уже видели: о пяти видах судебных процедур, которые называли «Пять путей суждения»; о поручительстве; об аресте имущества ответчика; о «плате за больного»[61] и тому подобном.

Законы о браке особенно интересны, поскольку в них проявляются исключительно архаические черты: они были не затронуты христианскими нормами. Развод был делом нетрудным; есть даже свидетельства об обычае заключать брак сроком на год. Если обе стороны желали положить конец своему союзу, они могли это сделать. Неформальное сожителство также считалось вполне законным. У мужчины могла быть главная и вторая жена. Если первая жена напала и избивала вторую, то она не обязана была за это отвечать, однако муж имел право требовать для себя компенсацию, если это сделает кто-либо другой. Как ни странно, хотя институт сожителства был вполне законным, вторую жену называли *adaltrach* - «прелюбодейка» («та, что совершает адюльтер»). В трактате о браке перечислено десять видов брачного союза, в том числе постоянный брак и временные отношения.

Согласно древнеирландским законам, и дочерям позволялось наследовать, если не было сыновей.

«Соответствия вещей»

У ирландцев были разные кодексы морали и разное отношение к поведению в обществе, и эти кодексы сами по себе были исключительно архаическими. Хотя общественная жизнь должна была быть варварской и грубой, при этом сохранялось сильное ощущение

того, каким должно быть достойное поведение, чувство «соответствия вещей». Мы уже видели, что ответчик должен был вести себя правильно и с честью, если против него начинали поститься.

Было и другое примитивное понятие, которое обычно называют «Деянием Истины». Оно было основано на вере в сверхъестественную силу правдивых слов. В ирландских текстах тому много примеров. В одной истории рассказывается о легендарном короле Ирландии Лугайде Мак Конне из Тары, который царствовал семь лет. Он взял Кормака, сына Арта, к себе в дом в качестве воспитанника. Однажды границу королевских владений перешла овца, которая поела вайду[62], принадлежавшую королеве. Лугайд сказал, что, поскольку овца перешла границу чужого участка, ее следует конфисковать. Хотя Кормак в то время был всего лишь маленьким мальчиком, он не согласился с таким решением и заявил, что подобающей компенсацией за выщипанную овцой траву будет не конфискация самой овцы, а состриженная с нее шерсть. Точно так же, как вайда вырастет на лугу снова, так же и шерсть снова вырастет на овце. «Это по справедливости, - сказали тут все, - и во истину решил так сын истинного короля»[63]. Немедленно стена того дома, где было вынесено несправедливое суждение, рухнула вниз по холму, и его стали называть «Кривым холмом Тары». После этого Лугайд еще год оставался королем Тары, и «все то время не росла трава на земле, листья на деревьях и зерно в поле». Затем Лугайд был низложен - «оттого, что он был неправым королем».

В саге «Приключения Кормака» к королю опять-таки подходит воин, который несет в руке волшебную ветвь. Он дает ее Кормаку в обмен на то, чтобы тот дал ему три вещи; этими вещами оказываются дочь Кормака, его сын и, наконец, его жена Этне. Кормак не может больше этого выносить и отправляется вместе со своими дружинниками, чтобы найти свою семью. Он теряет свою дружину в густом тумане и приходит к ограде, в которой стоит дом из серебра, покрытый наполовину птичьими перьями. Его встречают прекрасный воин и очаровательная девушка. Вечером хозяева забили свинью и стали ее жарить. Но свинья могла пожариться только в том случае, если над каждой из ее четырех частей произнести слово правды. Воин просит человека, который принес свинью, рассказать какую-нибудь историю. Он рассказывает, как он приобрел свою свинью, а также топор и посох. Он также рассказывает, что эту свинью можно убивать и есть снова и снова и на следующий день она обязательно оказывается живой и целой. Одна часть свиньи готова. Тогда сам воин рассказывает следующую правдивую историю - готова вторая часть свиньи. Затем правдивую историю рассказывает девушка - готова третья часть. Затем Кормак рассказывает о себе - о том, как у него забрали жену, сына и дочь. Теперь готова и четвертая часть свиньи. Снова перед нами появляется мотив истины: воину приносят золотую чашу, и Кормак дивится ее красоте. «В ней есть и нечто более чудесное, - говорит воин, - если над ней сказать три лжи, то она расколется на три части, а три истины снова сделают ее целой». Он говорит три лжи, и чаша разбивается, затем он говорит три правды: Этне, Альбе и Кайрпре сохранили свою невинность с тех пор, как пришли сюда из Тары, и чаша снова становится целой.

В ирландских текстах есть и множество других примеров веры в силу правды, особенно правды, произнесенной королем. В истории о рождении Кормака мы читаем: «Хорошо было жить в Ирландии при этом короле. Нельзя было и пить воду из рек из-за обилия рыбьей икры; с трудом можно было ходить по лесам из-за обилия плодов; нелегко было путешествовать по равнинам из-за обилия меда, и все это было даровано ему с неба ради истины его правления».

Можно привести пример и из стихотворных «Старин мест» («Диннхенхас»), где написано: «Зерно и молоко в каждом доме, мир и прекрасная погода ради них были дарованы языческим племенам греков, поскольку они сохраняли Истину».

Эта истина, которую называли «справедливостью правителя» (*firinne flatha*), находит свою параллель в концепции «правды мужей» (*fir fer*). Как мы уже видели, воин имел пра-

во, вызвав на поединок врага, ожидать того, что ему придется сражаться только с одним противником.

Истина считалась магической, жизненно важной силой, и точно так же высоко в глазах древних кельтов стояло понятие табу. Табу могло состоять или в необходимости делать какое-то определенное действие, или действовать определенным образом в определенных обстоятельствах; могло оно представлять собой и полный запрет делать какую-то одну или несколько вещей. Нарушение такого табу (гейса) могло привести к серьезным последствиям и даже смерти. Пример такого табу встречается в «Похищении быка из Куальнге». Кухулин, который получил свое имя потому, что убил собаку Кулана, из-за этого не должен был есть мяса собаки. Его ждет неизбежный рок: смерть приближается к нему, когда враждебные сверхъестественные силы вынуждают его есть собачатину и таким образом нарушить этот запрет. Нарушение личных табу человека также вело к утрате чести. Важность чести можно видеть, например, в относящейся к XI веку версии «Похищения». Перед Фер Диадом стоит нелегкий выбор: он должен либо нарушить узы братства и сражаться против Кухулина, либо стать мишенью сатиры друидов и бардов - сочинителей сатир. Если он не согласится немедленно, то умрет в течение девяти дней: «Последовал за ними Фер Диад, не желая поступиться честью, ибо смерть от копья боевого искусства, героизма и силы считал достойней, чем гибель от жала заклятия, упрека, позора».

В саге «Разрушение дома Да Дерга» мы читаем, что Конайре, который должен был стать Верховным королем Ирландии и отцом которого был сверхъестественный человек-птица, никогда не должен был охотиться на птиц. Однажды Конайре отправился на своей колеснице в Дублин и увидел стаю огромных птиц, которых он попытался сбить своей пращей. Они превратились в вооруженных людей, и его спас только воин, который сказал: «Я Немглан, король птиц твоего отца. Запрещено тебе убивать птиц, ибо нет перед тобой никого, кто не был бы близок тебе по отцу или матери». Волшебный человек-птица велит Конайре отправиться в Тару, поскольку именно он должен стать следующим королем. Весьма интересно то, как древние ирландцы якобы должны были определять, кто должен быть истинным королем, и здесь опять-таки содержится понятие о могуществе истины: «Собрались тогда ирландцы на праздник быка. По обычаю, на нем убивали быка, и один из мужей наедался досыта его мясом и пил отвар, а потом над его ложем произносили слово правды. Тот, кого случалось ему увидеть во сне, должен был стать королем. Помертвели бы губы его, лишь осмелся сказать он неправду».

Затем следует пример тех запрещений и обязательных для соблюдения правил, которые так нравились древним ирландцам. Человек-птица говорит Конайре, что он, когда станет королем, должен будет соблюдать некоторые запреты:

...Благородна власть птиц. Вот каковы те запреты.
Нельзя обходить тебе Брегу слева направо,
а Тару справа налево.
Нельзя убивать тебе диких зверей Керны.
Каждую девятую ночь не можешь ты покидать пределы Тары.
Нельзя тебе проводить ночь в таком доме, откуда наружу
виделся б огонь или свет был замечен оттуда.
Три Красных не должны пред тобой идти к дому Красного.
Не должен случиться грабеж при правлении твоём.
Да не войдут в твое жилище после захода солнца
одинокий мужчина или женщина.
Не должно тебе решать спор двух рабов.

Перед нами - поразительный лист правил и табу; реалии, упоминаемые во многих из них, неясны, и они, конечно, имеют мифологическое значение, как мы увидим дальше по

ходу саги. Враждебные силы неизбежно вызывают постоянное нарушение этих запретов - одного за другим, подготавливая таким образом падение и гибель короля.

Диармайд, романтический герой цикла Финна (один из циклов ирландских саг), жизнь которого была связана с жизнью огромного кабана, не мог по этой причине принимать участие в охоте на кабанов. Когда он поступает так и охотится на огромного мифического быка из Бен Гульбана, кабан нападает на него. Все оружие оказывается бесполезным, и Диармайд погибает. В той же самой саге находятся и другие примеры силы табу. Грайinne, супруга Финна Мак Кумала, легендарного предводителя отряда воинов - фениев (fiana), влюбилась в Диармайда, который был одним из спутников Финна. Он не хочет проявлять непопорочность по отношению к вождю, но девушка говорит: «Я наложу на тебя опасные и губительные гейсы, если ты не уведешь меня из этого дома нынче же вечером, пока Финн и король Ирландии не пробудились от сна». Диармайд спрашивает сына Финна, Ойсина, что ему делать, и Ойсин говорит, что соблюдать гейсы необходимо. «Жалок тот человек, который нарушает свои гейсы», - говорит Осгар.

Другой древний обычай, корни которого также лежат в языческой религии, - это обычай клясться силами природы. Кельты ничего не боялись, даже того, что земля расколется под ними и небо упадет на них. Они не боялись даже волн, хотя и считали их враждебными, и иногда бросались в море, сражались с волнами и погибали, предпочитая не отступать. Говорят, что Кухулин семь дней сражался с волнами; об этом обычае у галлов упоминают и античные авторы. Эта бесстрашная смелость стала легендой, и, конечно, отчасти причиной ее были сильная вера в то, что человек продолжает существовать после смерти, и в то, что Иной Мир является таким приятным местом.

Когда молодой человек достигал возраста, в котором ему можно брать в руки оружие, должна была состояться церемония инициации; он получал щит и копьё от своего господина, а также колесницу. Ритуал «взятия оружия» описан с интересными деталями в «Похищении быка из Куальнге». Кухулин, хотя он и слишком молод, чтобы быть посвященным в воины, случайно слышит слова друида Катбада, который говорит своим ученикам, что мальчик, который возьмет оружие в этот день, будет знаменит, но не проживет долго. Кухулин немедленно идет к своему дяде Конхобару и требует, чтобы ему дали оружие.

«- Чего ты желаешь, о мальчик? - спросил Конхобар.

- Желаю принять я оружие, - отвечал тот.

- Кто надоумил тебя, о мальчик? - снова спросил Конхобар.

- Друид Катбад, - молвил Кухулин.

- Дурного совета не даст он, - сказал Конхобар».

Затем следует увлекательный рассказ о том, как будущий воин отвергает все обычное оружие, предложенное ему, одно за другим:

«Конхобар... перепоясав Кухулина мечом, подал ему два копья да щит. Взмахнул Кухулин оружием и затряс им в воздухе, так что разлетелось оно на мелкие кусочки. Два других копья, щит и меч дал ему Конхобар, но снова воздел Кухулин оружие, замахал и затряс им, и, как прежде, разлетелось оно на мелкие кусочки. Было же у Конхобара в Эмайне четырнадцать пар боевого оружия, которым в положенный час наделял он юношей, не знавших поражения в битве, и все они вдребезги разлетелись в руках Кухулина.

- Вот уж воистину плохое оружие, о господин мой Конхобар, - сказал мальчик, - не по руке оно мне!

Вынес тогда Конхобар свой собственный меч, щит и копьё и подал Кухулину. Поднял оружие в воздух Кухулин, затряс, замахал им, так что острия меча и копий коснулись потолка, но на этот раз невредимым осталось оно.

- Вот славное оружие, - сказал мальчик, - и вправду под стать мне. Хвала королю, что носит его! Хвала и земле, откуда он родом!

Между тем вошел к ним друид Катбад и молвил:

- Уж не принять ли оружие задумал ты, о мальчик?

- Воистину так, - ответил Конхобар.

- Вот уж не желал бы я, чтобы сын твоей матери принял сегодня оружие, - молвил Катбад.

- Что ж так, - сказал Конхобар, - или не по твоему совету пришел он ко мне?

- Не бывало такого, - ответил Катбад».

После краткой перебранки все примиряются с ситуацией:

«- Что ж, юноша, тогда поднимись на колесницу, ибо и это добрый знак для тебя.

Поднялся мальчик на колесницу, но лишь начал трясти ее и раскачивать, как разлетелась она на мелкие кусочки, в щепки разнес он вторую и третью, да и все семнадцать колесниц, что держал Конхобар в Эмайне для утех юношей, и ни одна не устояла перед ним.

- Нехороши эти колесницы, о господин мой Конхобар, - сказал мальчик, - ни одна мне не впору.

Кликнул тогда Конхобар Ибара, сына Риангабара, и, лишь тот отозвался, велел ему запрячь королевских лошадей в его собственную колесницу. Возница привел лошадей и запряг в колесницу, а мальчик взошел на нее и принялся раскачивать, но невредимой осталась колесница.

- Вот добрая колесница, - молвил Кухулин, - воистину под стать мне!»

После этой чарующе-первобытной сцены принятия оружия будущим героем Кухулин уговаривает колесничего взять его в поход.

В саге о кабане Мак Дато один из главных героев Коннахта говорит: «У уладов есть обычай - когда юноша впервые берет в руки оружие, он отправляется в наши земли погулять там на рубеже», заставляя таким образом полагать, что это обычай чисто уладский.

Было очень важно, чтобы юноша получил свое оружие от того, от кого нужно, и то, что юноша не мог стать настоящим, посвященным воином, не пройдя этот ритуал, подчеркивается в валлийской саге о Мате, сыне Матонви, когда мать Ллеу, богиня Арианрод, накладывает на своего сына заклятие: «Я предскажу этому мальчику будущее: он не получит оружия, пока я сама не дам его ему». После этого мы читаем: «И они отправились в Динас Динллеф, и там он воспитывал Ллеу, пока тот не достиг совершенства в силе и ловкости. И Гвидион знал, что теперь Ллеу начнет просить у него коня и оружие». Затем они находят Арианрод и посредством магии и обмана вынуждают ее дать сыну оружие собственными руками, посвятив его таким образом в воины. «Госпожа, - сказал Гвидион, - помоги снарядиться этому юноше, а я снаряжусь сам. Скорее, ибо я слышу шум войска». - «Я займусь этим без промедления», - сказала Арианрод и полностью снарядила юношу для битвы».

Инаугурация королей

Другой, весьма древний ритуал был связан с избранием и коронацией ирландских королей. Мы уже знаем о церемонии «праздника быка», посредством которой спящий, погрузившись в транс, узнавал истинного короля.

В кельтском обществе король, как и в других местах, считался священным, полубожественным существом; его предком, в конечном счете, был эпонимный бог племени. Король имел огромное значение для морального и физического благополучия племени. Для того чтобы стать правителем племени или группы племен, будущий король должен был «вступить в брак» с Властью; это, очевидно, был обряд, связанный с плодородием. Его называли *banais rigi* - «королевский брак». Если сам король оказывался бесплодным, то такими становились и его народ, его стада и его земля. В истории «Приключения Арта, сына Конна» мы читаем: «Конн Ста Битв, сын Федлимида Рехтмара... однажды был в Таре Королей, в благородном, величественном жилище, в течение трех лет, и не было ничего, чего не хватало бы людям Ирландии во время правления этого короля, ибо, воистину, они обычно собирали урожай три раза в году».

Однако когда королева умерла и Конн взял в жены прелюбодейку из Иного Мира, принадлежавшую к Туа-та Де Дананн (Племенам Богини Дану), все пошло по-другому: «Конн и Бекума провели год вместе в Таре, и в это время в Ирландии не было ни зерна, ни молока».

Король должен был быть чист, без каких бы то ни было физических и моральных пороков. В саге о второй битве при Маг Туиред упоминается король Племен Богини Дану - Нуада (ему соответствует бог Нодонт, который почитался в Лидни на реке Северн). В битве ему отрубили руку, и бог медицины Диан Кехт сделал ему искусственную руку из серебра: она подвижна во всех суставах, но даже при этом король уже не совершенен и должен отказаться от власти. «И тогда начался раздор между Племенами Богини и их женщинами из-за того, кому править Ирландией, ибо не мог королем быть Нуада, с тех пор как лишился руки». Таким образом, если королю недоставало хотя бы одного из тех качеств, которыми он должен был обладать, он вынужден был отречься - вне зависимости от того, сколь хорошим правителем он был и как любил его народ. Если его народ принимал решение, которое не нравилось ему, он обязан был подчиняться ему в любом аспекте личной жизни, даже если оно противоречило его самым задушевным стремлениям. В истории Пуилла в «Мабиногионе» есть трогательный пассаж (хотя и поздний), который очень хорошо это показывает. Пуилл женился на Рианнон, богине по своему происхождению, и «...они благополучно правили страной год и другой. А на третий год мужи страны опечалились, видя человека, любимого ими, своего господина и кровного брата лишенным потомства. И они попросили встречи с ним и встретились в месте, что называется Пресселеу в Дифеде. «Господин, - сказали они, - мы видим, что ты уже старше многих мужей этой страны, и печалимся, что нет у тебя потомства от твоей жены. Возьми другую жену, от которой ты сможешь иметь детей. Может быть, ты желаешь того, что есть, но мы этого не потерпим».

Бракосочетание короля в ходе обряда венчания на царство было символом его глубокого влияния на плодородие, символом как его собственной мужественности, так и всего остального, о чем он должен был заботиться. В ирландских текстах есть много намеков, хотя и завуалированных, на то, что король соединялся с женщиной, которая потом оказывалась Властью Ирландии - богиней земли. Многие саги рассказывают о приключениях королевича и его братьев, которые встречаются с отвратительной старухой. Она просит каждого из них по очереди соединиться с ней. И каждый с ужасом отказывается, оскорбляя женщину. Каждый, кроме «истинного» короля, который соглашается. Как только он обнимает старуху, это мерзкое создание превращается в самую прекрасную девушку, которую только может представить себе мужчина. Затем она передает ему власть над Ирландией. На самом деле это - бессмертная супруга короля, который фактически сам в какой-то степени бессмертен. В саге «Baile in Scail» («Безумие призрака»), в которой «призрак» оказывается богом Лугом, Конна Ста Битв приглашают посетить владения бога. Здесь дом с матицей из белого золота; они входят туда. На хрустальном троне сидит девушка; на ней золотая корона. На троне сидит и «призрак», и его красота поражает всех, кто видел его. Призрак обращается к гостям и говорит: «Я не призрак и не тень, и я явился после смерти, чтобы ты почтил меня, и я из рода Адама. Зовут меня Луг, сын Этниу, сына Смреты... и я пришел, чтобы сказать тебе, сколько ты будешь править и сколько будет править каждый король, который воцарится после тебя в Таре вовеки».

Прекрасная девушка - это, конечно, Власть Ирландии: она дает Конну пищу и эль. Это одно из многих указаний на то, что боги, как считалось, глубоко озабочены выбором и инаугурацией ирландских королей. Есть весьма достоверные данные (хотя некоторые ученые это горячо отрицают), что во время обряда инаугурации король действительно соединялся с богиней земли, которую символизировала чисто-белая кобыла. В Индии, где такая практика также существовала, соединение было чисто символическим, в то время как в Ирландии на каком-то этапе оно, очевидно, было вполне реальным, а уже потом стало символическим. Этот обряд описывает Гиральд Камбрийский, утверждая, что он, видимо, еще существовал в его время в одном из северных королевств и это явно пережиток такой

практики. Считалось, что это мерзкая, позорная выдумка писателя-валлийца, задуманная с целью дискредитировать ирландцев. Однако ранние данные достаточно убедительны, чтобы считать наблюдение Гиральда правильным, хотя он, конечно, не мог понять древней ритуальной сути этого обряда. Он описывает его как «варварский и отвратительный обычай». Племя, о котором идет речь, обитало в Ульстере, и ритуал все еще практиковался в 1185 году, если, конечно, Гиральду дали правильные сведения. Перед всем племенем выводили белую кобылу, король шел к ней на четвереньках и соединялся с нею.

«Тот, кто должен быть помазан на царство - не как князь, но как скотина, не как король, но как преступник, - выходит перед народом на четвереньках, признавая себя зверем с не меньшим бесстыдством, нежели безрассудством. Кобылу немедленно убивают, разрезают на куски и варят, и для него готовится ванна в наваре. Сидя там, он поедает мясо, которое приносят ему, люди же стоят кругом и также едят его. Он также должен пить тот навар, в котором он помылся, и не набирая его в какой-либо сосуд или даже в руку, но хлебая его ртом. Исполнив должным образом все эти нечестивые дела, он подтверждает свое королевское достоинство и владение».

Этому обряду существует параллель в индийском жертвоприношении лошади по подобному же случаю; однако здесь с силами плодородия соединялся не сам король, а его супруга. Но наиболее обычной формой инаугурации короля было вручение ему белого жезла как знака королевской власти. Верховному королю его давал наиболее выдающийся король из числа его вассалов. Королю-вассалу жезл вручал сам Верховный король.

Символические и магические камни также были тесно связаны с церемониями королевской инаугурации. Согласно ученой традиции, хорошо известный Лиа Фаль («Камень Фаль»), например, кричал, когда на него вступал законный король Ирландии. Когда на него вступил Верховный король - Конн Ста Битв, - камень прокричал много раз. Друиды сочли, что это число наследников Конна, которые станут королями Ирландии. На таких инаугурациях использовались и многие другие священные камни, что свидетельствует о широко распространенной среди кельтов вере в сверхъестественную силу камней.

Все наши данные говорят о том, что у кельтов, как и во многих древних обществах, король или вождь считался наполовину священным существом, любимцем богов, если он был правильным образом избран, и неугодным богам - если был избран неправильно; и все это могло иметь соответственно положительное или отрицательное воздействие на всю страну, плодородие земли и благополучие племени в целом. Его жизнь была опутана табу. Инаугурация и последующая деятельность короля были основаны на ритуале, умиловании богов и интерпретации их требований и предпочтений. Ослабевшего, стареющего короля, возможно, ритуальным образом убивали до того, как потеря сил могла оказать свое влияние на плодородие его царства. В ранних текстах есть кое-какие намеки на это, но писцы-монахи, конечно, могли писать о таких откровенно языческих и враждебных христианству вещах лишь в завуалированной форме.

Ученость и литература

В ходе нашего обзора повседневной жизни кельтских народов мы уже не единожды упоминали эти аспекты кельтского образа жизни, поскольку они были, по сути, основой всей мысли и действия кельтов. В этом разделе мы бросим лишь краткий взгляд на эти факторы, считая их при этом отнюдь не случайными в повседневной жизни и поведении кельтов вообще.

Мы должны рассмотреть формальную природу учености и ее передачи, а также отношения между учителем и учеником и способы общения между ними. У нас для этого не так много возможностей, поскольку рамки нашего труда, по сути, не позволяют нам заглядывать в христианский период, как таковой, в то время как письмо на местных языках зародилось уже в христианское время. У нас нет записей литературы кельтов в континенталь-

ной Европе, сделанных самими этими кельтами, хотя по античным источникам мы можем предполагать, что устная литературная традиция была столь же богата, как и традиция островных кельтов.

Кельты как народ всегда от природы стремились к учению и интеллектуальным упражнениям. Чужестранцев, которые общались с ними, всегда поражал и заинтересовывал этот аспект их характера: нередко грубая и зачастую неряшливая домашняя обстановка и то, как утонченно и элегантно они пользовались речью, как ценили лингвистические тонкости. Даже в Новое время способность кельтов к обучению и то, как они уважают умственную деятельность, удивляли наблюдателей. Доктор Джонсон в своем знаменитом описании поездки в шотландские горы постоянно говорит об этом. Да и сегодня шотландский, ирландский или валлийский почтальон или фермер могут в разговоре о литературе и языках посрамить многих приезжих, пусть даже и с университетским образованием.

Конечно, кельтские аристократы проводили много времени в пьяном разгуле. Ученые люди тоже нередко были пьяны - но пьяны словами и обожали использовать их множеством утонченнейших способов и придавать своим высказываниям самые разнообразные значения. Они любили перемежать скупые, острые, немногословные утверждения с цветистыми пространными описаниями, изобилующими множеством прилагательных, что нередко оказывается утомительным. О галльской литературе никаких сведений у нас нет, однако есть все основания предполагать, что она была столь же богата, жизненна и разнообразна, как в случае Британских островов - письменный материал островных кельтов и сохранившаяся в кельтских областях устная традиция.

Обычай восхвалять вождей, столь свойственный ирландской и валлийской литературе, практиковался и в Галлии. Как мы уже видели, Афинея, цитируя Посидония, говорит: «Кельты даже на войне не расстаются со своими нахлебниками, которых они называют паразитами. Нахлебники воздают им хвалы и публично, когда те собираются вместе, и в частном порядке, каждому в отдельности. Музыкой слух им ласкают так называемые барды - сочинители песенных славословий».

Даже сегодня, в устной традиции обитателей гор и островов Шотландии, говорящих на гэльском языке, люди помнят и поют похвальные песни, сочиненные для вождей далекого прошлого, образ жизни которых немногим отличался от образа жизни вождей железного века, о которых мы здесь говорим. Афинея, цитируя Посидония, рассказывает историю о вожде Ловернии, который устроил большой праздник: «Когда же подошел назначенный им конец празднеству, вдруг явился к нему припозднившийся варварский поэт (бард) и принялся оплакивать свое опоздание и воспевать величие вождя; тому это так понравилось, что, приказав подать мешок с золотом, он бросил его бежавшему за колесницей поэту. А тот, подхватив подарок, стал петь, что даже следы, оставляемые на земле его колесницей, несут людям золото и благодеяния».

Диодор Сицилийский говорит о галлах: «В речах они немногословны и иносказательны, зачастую прибегают к преувеличениям, чтобы возвысить самих себя, а других - унижить, привыкли угрожать, бахвалиться и превозносить самих себя, однако умом остры и к обучению склонны».

Все это весьма соответствует тому, что мы знаем из письменных ирландских источников, - например, намеренно темный язык древних правовых трактатов, о котором мы уже говорили.

Полагали, что ирландские ученые знали какой-то тайный язык, который называли *berla na filed*[64], который понимали только те, кто был посвящен в его секреты. Интересно, что и герой Кухулин, и его супруга Эмер в совершенстве владели этим «языком». Кельтские герои и героини не были пустоголовыми красавцами и красавицами. Их умы были столь же утонченными и проницательными, сколь прекрасными и лишенными каких-либо недостатков - в соответствии с кельтской эстетикой - были их тела. Страбон говорит о галлах: «Если же их убедить, то они легко доступны соображениям пользы, так что способны воспринимать не только образование вообще, но также науку». О друидах Цезарь пишет:

«Говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи». Так что на основании таких случайных замечаний и островных текстов мы можем предполагать существование в кельтской Европе процветающей устной литературы, как поэтической, так и прозаической, а также культовых легенд.

Хотя в Ирландии бард, с его приверженностью к хвалебным стихам в честь королей и аристократов, был важным членом общества, еще важнее был филид. Это слово стало значить «поэт», но первоначальное его значение - «провидец»; может быть, в какой-то период к филидам перешли некоторые атрибуты друидов. Филиды могли прибегать к множествам различных способов гадания. Также они обладали сверхъестественной силой, с помощью которой могли наносить людям ущерб или даже убивать их своей сатирой. Так что первоначально в чисто языческом обществе филид должен был иметь как религиозные, так и светские функции. Для того чтобы научиться своему искусству, филиду требовалось до 12 лет. Мы не знаем, действительно ли эти высокоспециализированные поэты и мудрецы узурпировали некоторые функции друидов после прихода христианства, или же это случилось раньше. Филиды, как и барды, обучались в своих школах. Как указывает Джексон, это обучение было устным и основывалось на принципе вопросов и ответов. Учитель произносил вслух то, что следовало выучить, а потом ученики повторяли все это вместе. Об этом говорит уже тот факт, что древнеирландский глагол «учить» - *for-cain* - буквально означает «перепевать». Филиды учились сочинять стихи в различных поэтических размерах. Они должны были знать такие вещи, как генеалогии, ученые традиции и героические сказания, а также обладать собственными магическими приемами. Удивительно, что эти школы бардов продолжали успешно существовать в Ирландии вплоть до XVII века, когда старый гэльский мир разрушился под давлением извне. Ученики лежали на своих кроватях в темной комнате и сочиняли стихи; потом учитель исправлял их. Квалифицированный филид перевозил не только своего господина: он мог свободно путешествовать и восхвалять других аристократов. И имел право ожидать, что получит солидное вознаграждение за свои панегирики!

Поэт высшего класса именовался оллав; по закону у него был очень высокий ранг. Он имел право путешествовать со свитой из 24 человек и не без оснований надеялся, что все они будут любезно приняты там, где захотят погостить. По закону ранг оллава фактически равнялся рангу короля небольшого племени, что свидетельствовало о его власти. Поэты могли свободно путешествовать, их защищал закон; однако самой большой защитой фактически служила им сила сатиры, то, что люди верили в нее и боялись ее результатов. Мы уже видели, как в «Похищении быка из Куальнге», когда Медб пожелала, чтобы Фер Диад сражался в поединке против своего друга и воспитанника Кухулина, «отправила к нему королева друидов, заклинателей и певцов, чтобы пропели они три леденящие песни и трижды заклинали его, да возвели на лицо Фер Диада три порчи - позора, стыда, поношения, что, откажись он идти, сулили гибель немедля иль в девять дней срока».

Из того же «Похищения» мы узнаем, что ученым людям даровалась защита и свободный доступ на территорию различных племен. Кухулин спрашивает колесничего Ибара, почему этот брод называется Ат на Форайре.

«- Знаю, - сказал Ибар, - денно и ночью стоит там в дозоре один из славнейших уладов, дабы самому сразиться за весь Улад, если задумает недруг пойти на уладов войною. А случись кому из мудрецов и филидов оставить наш край без достойной награды, дело его - поднести им сокровищ и разных подарков во славу всей нашей страны. Тем же из них, кто идет ко двору Конхобара, будет в пути он защитой до самого ложа владыки, где прежде всех прочих по правую должны быть пропеты их песни и сказы».

Поэты и пророки были в чести, и аристократы прилагали все усилия, чтобы не обидеть их. Таким образом они зарабатывали себе репутацию щедрых и порядочных людей.

Друиды также преподавали в школах свою друидическую науку: учились интерпретировать предзнаменования и постигали другие аспекты своей профессии. В «Похищении

быка из Куальнге» мы читаем: «Друид, что зовется Катбадом, обучал друидической мудрости восьмерых учеников к северо-востоку от Эмайна. Спросил один из них, дурные или добрые знаки являлись Катбаду в тот день».

Есть свидетельства о том, что ученые и купцы в какой-то мере умели читать. Об этом говорят нам античные авторы. Цезарь утверждает: «Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом».

На юге Галлии были найдены надписи на галльском языке, но греческими буквами. Существуют также кельтские легенды на монетах, календарь из Колиньи (о нем речь пойдет ниже) и такие странные предметы, как железный меч из Швейцарии, который датируется I веком до н. э., на котором греческими буквами проштамповано имя «Коризий». Есть также указание на то, что некоторые кельты умели писать: об этом, по крайней мере, говорят граффити римскими буквами на керамике из Колчестера - белгского оппидума Камуллодун, - которые датируются периодом до римского завоевания. Друидов очень заботили календарные вычисления; об этом говорят многие античные писатели. Так, Плиний говорит там, что друиды измеряли месяцы и годы по лунному календарю: «Омелу же находят на дубе весьма редко, и если это случается, то ее собирают с должными религиозными обрядами и, если возможно, на шестой день лунного месяца (ибо именно по луне они измеряют свои месяцы и годы, и также свои века по тридцать лет)».

О владении календарными вычислениями говорит открытие сохранившегося лишь во фрагментах замечательного календаря из Колиньи: он дает нам жизненно важную информацию об этом аспекте интеллектуальных достижений кельтов. Календарь представляет собой остатки огромной бронзовой пластинки, на которой был выгравирован календарь из 62 следующих друг за другом лунных месяцев. Календарь был составлен на галльском языке; многие слова написаны в сокращенной форме, но числительные и сами буквы римские. Время тут, по истинно кельтскому обычаю, считается ночами; отмечены счастливые и несчастные дни. О таком счете времени говорит Цезарь: «По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сначала идет ночь, за ней день».

Определенные названия мест, которые встречаются на континенте, а также личные имена, слова на календаре из Колиньи (рис. 35), некоторые надписи на галльском языке говорят о некоторой грамотности, по крайней мере, в том, что касается родного языка. Хотя они мало что говорят о грамматической структуре этого языка, из них можно составить некоторое представление о его фонетической системе.

правило, упоминают эпонимного божественного предка. Известно около 300 огамических надписей.

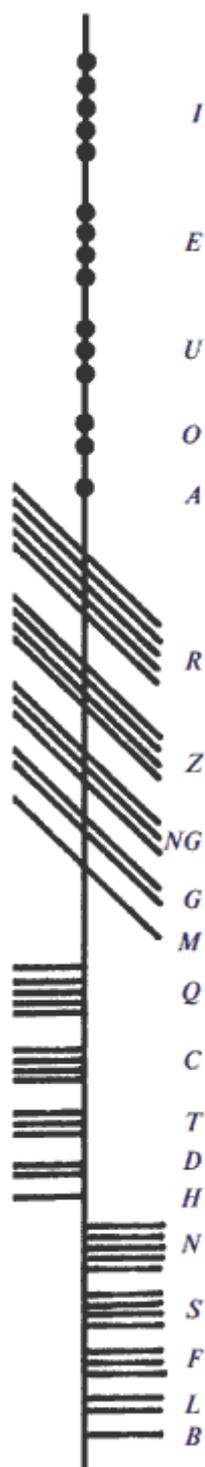

Рис. 36. Огамический алфавит.

Местная литература в Ирландии и Уэльсе принадлежит в своей письменной форме к полностью христианскому периоду. И хотя на данный момент несколько поэм в Ирландии могут восходить к VI веку н. э., а знаменитая валлийская (или шотландская) поэма «Гододдин» может в письменной форме датироваться концом VIII века, все это как литература - слишком позднее, чтобы мы стали здесь об этом говорить. Нас интересует только мир языческих кельтов, мир по сути своей неграмотный, если говорить о способе передачи

традиций и преданий, но в то же время мир, глубоко чувствующий и любящий литературу и интеллектуальные понятия. Но передача этих идей и местных традиций была в основном устной, и в Ирландии, возможно, больше, чем где бы то ни было. Однако значительная часть устного репертуара языческого кельтского мира, хотя и записанная только в христианскую эпоху и в полностью христианском окружении, содержит языческие по сути своей мотивы, мифологические легенды и описания материальной культуры, абсолютно варварской и нехристианской. Именно поэтому мы и используем такие ранние тексты, сравнивая их с другими источниками по языческим кельтам, и они дают нам дополнительную информацию о мире железного века. Однако как литература они находятся за рамками нашего исследования. Нас волнует скорее содержание этих текстов, нежели их форма и структура. В языческом кельтском мире не существовало литературы в том смысле, в котором мы ее себе представляем. Литература была только устной; ее богатство и сложность мы, живущие в мире книг, радио, телевидения и компьютеров, которые делают за нас все расчеты, едва ли в состоянии представить.

Таким образом, богатая литературная традиция Ирландии была во многом вдохновлена языческим миром и черпала из него значительную часть своего содержания; но по форме и передаче она относится к более поздней, христианской эпохе, а не к миру вождей латенского периода с их привилегированным кружком друидов и бардов, провидцев и арфистов, филидов и «людей искусства». Ученость и литература древних кельтов была основана на устной традиции: учитель пел то, что ученикам нужно было запомнить, класс повторял это, пока не выучивал наизусть; друиды искали знаний в предзнаменованиях, а не в книгах. И хотя литература передавалась изустно, есть некоторые данные и об импровизации. Даже на современном собрании людей, говорящих на гэльском языке, слушатели-энтузиасты, которые знакомы с рассказом так же хорошо, как и сам рассказчик, обращают внимание на изменение любого слова.

Древние кельты были неграмотны. Но именно эти громадные запасы устных знаний - сложно разработанные законодательные кодексы, умение составлять календари, проза и поэзия - сделали появление христианства в обществе, которое в этом смысле было уже столь высокоорганизованным, столь сравнительно легким и безболезненным.

Глава 6

Религия языческих кельтов природа и масштабы языческой религии кельтов

Если последние главы этой книги оказались самыми длинными по сравнению с остальными, то потому, что религия и искусство - наряду с ученостью - составляли львиную долю всего фона, на котором протекала жизнь кельтского аристократа. Мы сравнительно меньше знаем о низших социальных слоях и об их повседневной жизни, как духовной, так и материальной; о многом из этого мы можем только догадываться. Литература древнего кельтского мира, а также и упоминания античных авторов о варварах говорят только о мыслях и поступках ученых людей и землевладельцев в кельтском обществе. Осязаемые кельтские древности, которые открывает нам археология, также показывают те аспекты жизни, наиболее тесно связанные с процветанием общества: это погребения, оружие и личные украшения, лошадиная сбруя; дома и крепости богатых аристократов. У несвободных членов общества и низшего слоя свободных людей почти не было керамики и предметов из металла, которые могли бы сохраниться до наших дней; скромные домики почти не требовали постоянного фундамента, при котором остались бы ямы для столбов, которые также мог бы найти археолог. Положение очень напоминало шотландские горы в XVIII веке. Описывая свое путешествие с доктором Джонсоном, Босвелл замечает: «Когда мы уже достаточно продвинулись по этой стороне озера Лох-Несс, я заметил небольшую

хижину, в дверях которой стояла женщина, на вид пожилая. Я счел, что это зрелище может развлечь доктора Джонсона; поэтому сказал ему об этом. «Давайте зайдем», - предложил он. Мы спешили и вместе с нашими проводниками зашли в хижину. Это была крошечная, жалкая хижина, как мне показалось, построенная из одной лишь земли. Окно заменяло небольшое отверстие, его затыкали куском торфа, который иногда вынимали, чтобы впустить свет. В середине комнаты или, скорее, пространства, куда мы зашли, находился очаг, который топили торфом. Дым выходил через отверстие на крыше. На огне у этой женщины стоял горшок, в котором кипела козлятина».

Наверное, подобную сцену можно было наблюдать и в мире железного века: скромные временные жилища и убогое имущество - вот и все, что видели в своей жизни представители низших классов. Хотя сведения о других, не аристократических элементах кельтского общества по сути своей скудны, есть определенные факторы - прежде всего связанные с тем, что кельтская культура сохранилась на периферии западного мира, - которые заставляют нас предполагать, что более скромным членам общества, несмотря на всю убогость своего жилья и отсутствие имущества, тем не менее было, как и их современным собратьям, свойственно глубокое почтение к искусству, интеллекту и учености, а также к богам и тем, кто им служит. Они могли взывать (и, несомненно, зывали) к местным духам и силам природы, которые, как они считали, распоряжаются их собственной скромной судьбой, не обращаясь к великим божествам высших классов и священникам-аристократам, молящим этих богов от имени всего племени. Наверное, простые люди соблюдали и определенные ритуальные дни и исполняли священные обряды, которые были известны только им самим и равным им по общественному положению; при необходимости они могли приносить жертвы своим, особым способом и твердо верить в силу воды почитаемых местных колодцев, которая помогала больным и делала бесплодных плодовитыми. Однако все наши данные указывают на то, что они так же, как члены племени, принимали участие в великих племенных собраниях и присутствовали на жизненно важных жертвоприношениях, от которых зависело благо всего народа. Сам Цезарь пишет: «Если кто - будет ли это частный человек или же целый народ - не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность».

Все, что мы знаем о современных батраках и арендаторах в областях, все еще остающихся кельтскими, вынуждает нас предполагать, что их собратья в языческом кельтском мире точно так же почитали ум и одухотворенность и все их проявления в культуре и что на это совсем не влиял их более чем скромный образ жизни. Как работник, так и землевладелец не могли представлять себе великих богов и полубожественных героев без определенных интеллектуальных сторон, хотя эти представления и были весьма ограниченными. Ни на одном уровне кельтского общества не потерпели бы шута, красивого, но безмозглого героя, прелестную, но глупую богиню. Нередко считают, что бог Дагда был своего рода положительным шутком, однако реальных данных на этот счет нет: видимо, вся вина лежит на враждебных или юмористически настроенных ученых, которые превратили могущественного бога племени в какого-то добродушного фигляра.

Как богов, так и героев представляли себе высокоинтеллектуальными, постигшими все тайны учености, поэтами и пророками, рассказчиками и ремесленниками, магами, целителями, воинами. Короче говоря, у них имелись все те качества, которыми восхищались и которыми желали обладать сами кельтские народы. Это было божественное отражение всего, что в человеческом обществе считалось завидным и недоступным.

Таким образом, религия и суеверия играли определяющую и глубокую роль в повседневной жизни кельтов. Это фактически ключ для любой попытки понять их своеобразный характер. Цезарь пишет: «Все галлы чрезвычайно набожны». Все наши данные подтверж-

дают это утверждение, и нам не нужно искать здесь какой-то тайной политической подоплеки. Возможно, более, чем другие народы, кельты были пропитаны и постоянно заняты своей религией и ее внешним выражением, которые постоянно и непосредственно находились на переднем плане в их жизни. Божества и тот Иной Мир, в котором они, как считалось, жили (когда не вторгались в мир людей, что делали довольно часто), были не просто какими-то теоретическими представлениями, о которых можно вспоминать в удобное время - в праздники или тогда, когда нужно было отпраздновать победу, в моменты всенародных жертвоприношений или бед (общеплеменных или личных) или тогда, когда требовалось получить от них что-то определенное. Они были вездесущими, иногда угрожающими, всегда мстительными и безжалостными. В повседневной жизни кельтов сверхъестественное присутствовало наряду с естественным, божественное - с обыденным; для них Иной Мир был таким же реальным, как вещественный физический мир, и столь же вездесущим.

Следует с самого начала подчеркнуть, что узнать что-либо о языческой кельтской религии не так легко. Точно так же, как те элементы, на которых она, в конечном счете, основывалась, были разнообразными и неуловимыми, так и источники для такого исследования могут быть самыми разнообразными, неодинаковыми как по времени своего создания, так и по качеству, скудными и разбросанными. Повседневная жизнь древних кельтов в целом, характер их поведения в обществе, их племенная структура, их законы и их характерный стиль в искусстве следует изучать так, чтобы лучше понять те правила и запреты, которые руководили их религиозным поведением.

Древнее кельтское общество было по сути своей децентрализованным. Характерная для него племенная система обуславливала множество местных вариантов, однако эти варианты продолжали быть частью единого целого. Мы знаем, что в зените своей власти кельты занимали очень обширные области Европы. Как мы уже видели, их территория простиралась от Атлантического океана на западе до Черного моря на востоке, от Балтики на севере до Средиземноморья на юге. Но, несмотря на огромные различия и длительный период времени, который прошел между образованием общества, по праву называемого кельтским, и 500 годом н. э., несмотря на все племенные особенности, предпочтения и возможные вариации в лингвистических диалектах и экономической системе по всему этому региону, а также между континентом и Британскими островами, - словом, несмотря на все это, действительно можно говорить о кельтской религии, хотя и не о религиозной системе, о сходстве ритуалов и единстве типов культа, о том же самом смешении естественного и сверхъестественного. Все это говорит о глубоком и поистине замечательном религиозном единобразии.

Есть различные источники сведений о языческой кельтской религии, и их фрагментарная природа делает их использование весьма рискованным, поскольку возникает проблема: как связать их друг с другом и убедительно доказать эту связь? Тем не менее, объединив данные нескольких наук и сравнив несколько источников, мы можем получить самое общее представление о природе верований и ритуалов кельтов.

В первую очередь мы должны рассмотреть основные источники по языческой кельтской религии. Самого важного источника у нас нет - текстов, которые были бы написаны на их собственном либо латинском или греческом языке самими кельтами и которые дали бы нам собственно кельтский взгляд, изнутри общества. Таких источников просто нет. Кельты не заботились о том, чтобы записывать свои законы, генеалогии, историю, поэзию или религиозные предписания. Они считали их почти чем-то священным. Некоторые кельты, как мы уже видели, конечно, пользовались греческим в деловых целях. Но нельзя сомневаться в том, что кельты не хотели, чтобы их традиционные предания и ученость стали доступными для безбожных чужеземцев; эти секреты тщательно охранялись теми, кто отвечал за их увековечение. Более того, опора на устную память - это одна из самых заметных характерных черт их культуры, и она все еще сохраняется и высоко почитается в тех областях современного мира, где говорят на кельтских языках.

Таким образом, все эти традиционные дисциплины должны были передаваться устно от учителя к ученику и от поколения к поколению. Как мы знаем, будущему друиду требовалось около 20 лет, чтобы овладеть всеми секретами своей профессии и полностью их усвоить. Точно так же в Ирландии филид должен был учиться от 7 до 12 лет, чтобы устно проштудировать все те сложные предметы, которыми он занимался. Устная традиция и ее устойчивость - одна из наиболее характерных черт кельтской культуры. В Ирландии не было античных текстов, которые могли бы дополнить сведения археологии при изучении религии, однако существует местная литература, как и в Уэльсе, и хотя фактически записывали сказания и мифологические эпизоды довольно поздно - начиная с VII-VIII веков, - они, очевидно, касаются событий гораздо более архаичных, чем тот период, когда им была придана литературная форма.

Источники

Из-за отсутствия прямых письменных сведений со стороны самих кельтов мы вынуждены искать в других местах всю информацию, которую только можно собрать. Эта информация в основном тройкого рода, и ее следует рассматривать весьма осторожно. Если мы видим, что различные источники информации объединяются и подтверждают друг друга, то находимся на сравнительно твердой почве.

В каком-то смысле наиболее надежным из трех упомянутых источников является археология, однако она по сути своей ограничена, и в ней недостает деталей, которые дают нам письменные данные. Другой источник - данные античных авторов - дает нам увлекательные сведения о различных аспектах кельтской религиозной жизни. Но не всегда ясно, к какому периоду эти сведения относятся, основываются ли они только на слухах или же представляют собой запись того, что видел сам автор. Последний источник - местная литература - это наиболее яркое и детальное свидетельство о языческой кельтской религии, но она настолько насыщена интерполяциями со стороны христианских писцов, общими для всех народов сказочными сюжетами и фольклорными мотивами, что с ней следует обращаться весьма осторожно и удерживаться от искушения свободно ее интерпретировать.

В общем и целом у нас достаточно сведений о кельтской религии, чтобы составить полную и убедительную картину из многочисленных фрагментов информации, которой мы располагаем. До какой-то степени можно определить и то, что было в их религиозных обычаях универсальным и что было их собственным, только кельтским, а также те индивидуальные способы, которыми они выражали веру в сверхъестественное.

Кратко проанализировав характер источников и убедившись, что у кельтов действительно была религия, попытаемся узнать о ней подробнее. Что в ней было наиболее типичным, каковы ее основные черты и религиозные культы?

У кельтов имелись определенные места, где они обращались к божествам, а также существовали жрецы, которые молили богов от имени племени. Были священные дни, периоды праздников и культовые легенды, которые объясняли происхождение этих праздников. Поскольку все это - аспекты религиозной практики, от которой зависело все остальное, будет полезно сначала попытаться составить о них общее представление перед тем, как приступить к рассмотрению самих богов и богинь.

Храмы, святыни и святилища

В последние годы археологи обнаружили некоторые постройки, которые полностью изменили прежние представления о характере языческих кельтских храмов и мест культа. Раньше считалось, что с весьма незначительными исключениями (такими, как сложные храмы, построенные на средиземноморский лад в Рокепертюзе и Антремоне близ устья

Эти постройки представляют собой прямоугольные земляные сооружения, которые в Европе называют фирэкшанцен, то есть квадратные ограды. В общем и целом они, судя по всему, датируются I веком до н. э., а с культурной точки зрения восходят к квадратным оградам погребений железного века и находят свое продолжение в галло-римских храмах, которые обычно строились из камня и в плане были квадратными или круглыми. В некоторых фирэкшанцен, как, например, в Хольцхаузене, Бавария (рис. 37, 38), имелись ямы или шахты для приношений. Здесь под двумя земляными валами, стоявшими очень близко друг к другу, оказались бревенчатые палисады. Внутри ограды находились глубокие шахты, в которых были найдены следы приношений, в том числе мяса и крови, вероятно жертвенных. В одной из таких оград были найдены остатки храма, сооруженного из бревен.

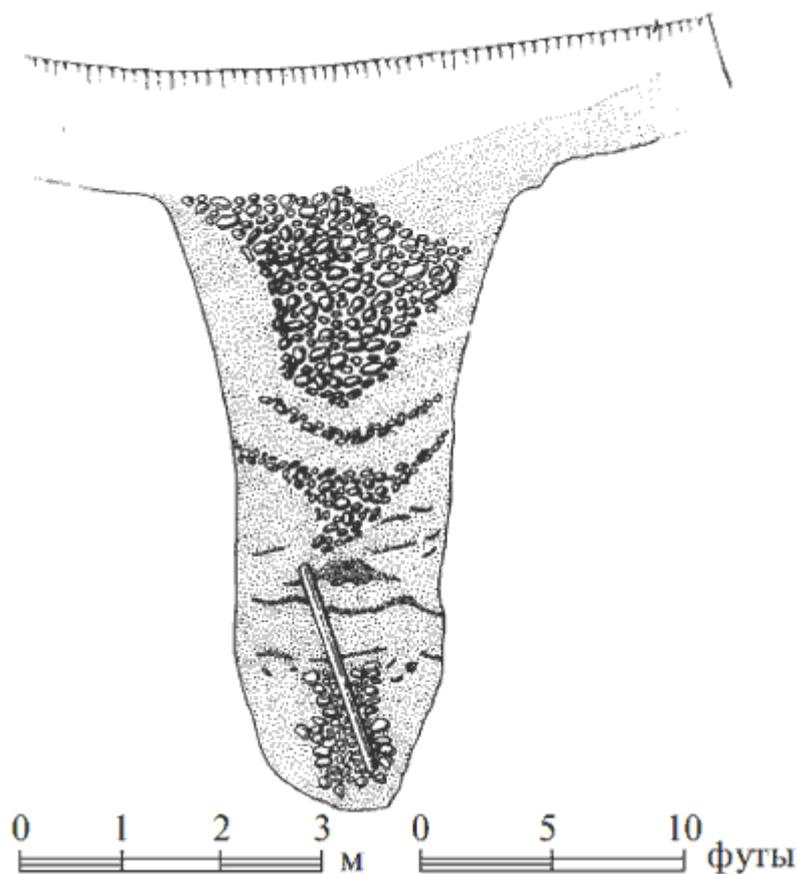

Рис. 38. Ритуальная шахта. Хольцхаузен, Бавария.

Многие глубокие шахты, в основном круглые в сечении, были найдены в Британии. Некоторые из них обнаружили во время земляных работ при строительстве железных дорог в XIX веке. Ненаучные раскопки и записи нанесли большой ущерб и привели к утрате материалов; на следы связанных с шахтами построек или земляных валов зачастую не обращали внимания или описывали их настолько неточно, что в большинстве случаев эта информация оказалась практически бесполезной. Шахта, раскопанная в Уилсфорде (графство Уилтшир), была с помощью радиоуглеродной датировки отнесена к XIV веку до н. э., и это говорит о том, что религиозные постройки и центры ритуальной деятельности этого типа существовали задолго до кельтов. Все это заставляет по-новому воспринимать происхождение кельтских жрецов - друидов, которые, безусловно, пользовались такими святилищами в кельтские времена.

Одно туманное свидетельство Афинейя, которого мы уже касались в другом контексте, заставляет думать именно о таких прямоугольных ритуальных оградах.

«В рассказе о Ловернии, отце того Битуита, что был убит римлянами, Посидоний пишет, что, добываясь народной любви, он разъезжал по полям на колеснице, разбрасывая золото и серебро десяткам тысяч сопровождавших его кельтов; огородив прямоугольное пространство стороной в двенадцать стадий, он поставил там чаны, наполненные дорогим вином, снеди же заготовил такие горы, что по многу дней подряд мог угощать всех желающих, не испытывая ни в чем недостатка».

Из ирландских источников мы знаем, что ритуальные собрания кельтов сопровождались пышными пирами и обильными возлияниями и что игры, скачки и торговля играли существенную роль в торжественных религиозных праздниках. Одним из самых интересных и впечатляющих открытий недавнего времени были раскопки в 1956 году поразительного кельтского святилища в Либенице, неподалеку от Колина в Чехии. В длинной ограде, окруженной валом и рвом, были обнаружены свидетельства жертвоприношений детей и животных, человеческий череп, который мог служить для ритуальных возлияний, платформа для жертвоприношений, ямы с костями и огромное количество посуды, разбитой также в ритуальных целях. Два перекрученных бронзовых торквеса, видимо, первоначально облекали шеи двух огромных деревянных идолов: остались лишь ямы от столбов - сами идолы не сохранились. Было обнаружено погребение пожилой женщины, возможно жрицы этого святилища; оно содержало броши, керамику и другие предметы, которые позволяют датировать святилище III веком до н. э.

Гораздо более ранняя, но очень похожая постройка обнаружена в Онэ-о-Планш (департамент Марна); она принадлежит к эпохе культуры полей погребений и датируется XI веком до н. э. Возможно также, что длинная ограда в Таре, которую обычно называют «Пиршественным залом», одно из наиболее важных священных мест древней Ирландии, - это еще один пример подобной постройки. Наследниками этих разнообразных построек стали, с одной стороны, каменные романо-кельтские храмы, а с другой - огороженные римские кладбища Галлии и Британии.

Таким образом, наши данные показывают, что кельты были далеки от того, чтобы почитать своих богов только в рощах и других местах на природе: на самом деле у них существовали самые разнообразные постройки, в которых они исполняли свои обряды. Нельзя сомневаться, что будущие археологические изыскания на континенте и на Британских островах позволят выявить еще многие из них. Есть также ряд свидетельств о деревянных храмах внутри этих участков, огороженных земляными валами.

По-кельтски святилище называлось *nemeton*; нет никаких причин предполагать, что этим словом не назывались и подобные ограды, хотя оно могло относиться и к вырубкам в рощах, которые также служили священными местами. В древнеирландском языке это слово звучит как «*nemed*»; есть и слово «*fidnemed*» - «священная роща». Названия мест свидетельствуют о том, что слово широко использовалось в кельтском мире. Так, в VI веке н. э. Фортунат упоминает о месте под названием Вернемет(он) - «Великое святилище»; было место с таким названием и в Британии, где-то между Линкольном и Лестером. Город Нантерр первоначально назывался Неметодуром, а в Испании встречается место под названием Неметобрига. Известен Друнеметон - «Дубовое святилище», который был и святилищем, и местом собраний галатов, а также многие другие. В Британии есть свидетельства о месте, именовавшемся Медионеметон («Центральное святилище») где-то в Шотландии[65], а в Бакстоне в Дербишире был священный источник под названием «Аквы Арнеметии», то есть «воды богини Арнеметии», хозяйки источника и священной рощи.

Таким образом, кельты не только почитали свои божества и исполняли искупительные обряды на священных прогалинах в запретных рощах. Они сооружали различные земляные ограды, в которых либо находились деревянные храмы, либо какое-то ключевое место для жертвоприношений и умилоствления богов, такое как огромный ритуальный столб или колонна, шахта или яма для того, чтобы бросать туда останки жертв - как животных, так и людей, и хранилище для вотивных приношений другого рода. Несомненно, в большинстве случаев должна была быть и грубая хижина - плетеная или сделанная из

дерева, - которой мог пользоваться жрец, чтобы хранить там знаки своего жреческого достоинства и ритуальные предметы.

Друиды

В таких местах кельты почитали своих богов. Теперь мы должны попытаться узнать, кто был посредником между богами и верующими. По крайней мере, некоторых кельтских жрецов называли друидами, и мы уже говорили о них в связи с их местом в обществе и их ролью как хранителей древней традиции. Теперь мы должны рассмотреть их в свете религии, как жрецов. Большинство читателей знакомы со словом «друид» и представляют себе романтических кельтских жрецов, которые исполняли свои священные обряды, столь красочно описанные Плинием: «Они зовут омелу именем, которое означает «всеисцеляющая». Приготовив жертвоприношение и пир под деревьями, они приводят туда двух белых быков, чьи рога затем связывают в первый раз. Жрец, одетый в белое платье, восходит на дерево и обрезает омелу золотым серпом, и другие ловят ее в белый плащ. Затем они убивают жертв, моля о том, чтобы бог принял этот умиловительный дар от тех, кому он даровал его. Они полагают, что омела, принятая в питье, дает плодovitость бесплодным животным и что это противоядие от всех ядов. Таковы религиозные чувства, которые многие народы испытывают по совершенным пустякам».

Можно задаться вопросом, не говорят ли загадочные шарика на рогах быков в кельтской религиозной иконографии о том, что рога связывали в ходе приготовления к жертвоприношению, показывая, что эти животные принадлежат богам или являются самим богом в виде животного. Интересно также заметить, что слово, обозначающее омелу в современном ирландском и шотландском гэльском языке, - «uile-oc» буквально обозначает «всеисцеляющая»[66]. Рассказ Плиния об этом ритуале, сопровождавшем принесение в жертву быков, оказал огромное влияние на последующее отношение к вопросу о кельтском жречестве: отсутствовало осознание того, насколько ограничены наши реальные сведения о друидах, и в очень большой степени фантазия начинала расцветивать факты.

На самом деле, за исключением некоторых весьма скудных упоминаний такого сословия языческих жрецов у античных авторов и весьма туманных упоминаний в местной традиции, о друидах нам известно очень мало. Мы не знаем, были ли они обычны для всего кельтского мира, единственные ли они высокопоставленные жрецы и в какой период времени действовали. Все, что мы знаем, - это то, что в определенный период истории у некоторых кельтских народов были могущественные жрецы, которые назывались именно так; они помогали защищаться от сил Иного Мира, зачастую враждебных, и при помощи только им известных ритуалов направляли эти силы во благо человечества в целом и данного племени в частности. Наиболее глубокий анализ природы друидизма содержится в книге С. Пиггота «Друиды».

То, что в наше время друидам уделяют столько внимания, целиком и полностью обусловлено деятельностью писателей-антикваров, начиная с XVI века. Весь «культ» друидов был связан с концепцией «благородного дикаря», и на очень скудной фактической основе была построена целая фантастическая теория, которая привела к возникновению современного «друидического культа», который практикуется в Стонхендже. Нет ни малейших свидетельств о том, что языческие жрецы древних кельтских племен были хоть как-то связаны с этим памятником неолита и бронзового века (хотя, возможно, какое-то отношение к нему имели их предшественники). Современные мероприятия, такие как Айстеддфод - ежегодный праздник музыки и валлийской культуры в Уэльсе - и другие подобные праздники по всему еще остающемуся кельтским миру, способствовали закреплению образа идеализированного друида, однако образ этот по сути своей фальшивый, основанный не столько на сохранившихся, сколько на восстановленных традициях.

Влияние антиквариев-философов было настолько велико, что нет практически ни одного хенджа эпохи неолита или бронзового века, которому не приписывали бы «друидического» происхождения или связи с друидами. По всем Британским островам, и прежде всего в кельтских областях, мы находим круги друидов, троны, курганы, камни друидов. Доктор Джонсон весьма проницательно заметил по поводу первого такого увиденного им памятника: «Примерно через три мили за Инвернессом мы увидели прямо у дороги весьма полный образец того, что именуется храмом друидов. Это был двойной круг, один из очень больших, другой из более мелких камней. Доктор Джонсон справедливо заметил, что «ехать смотреть очередной друидический храм - это значит только увидеть, что тут и нет ничего, поскольку в нем нет ни искусства, ни мощи, и увидеть один вполне достаточно».

Сами кельты в дохристианское время не оставили никаких свидетельств о своем жречестве. Единственные упоминания о друидах в Ирландии, таким образом, относятся ко временам уже после язычества. Неясно, точно ли в них изображен характер друида, или то, что говорят о друидах, лишь результат негативного отношения к ним со стороны враждебного им нового священства. В некоторых случаях друиды, о которых упоминается постоянно, выглядят как люди достойные и могущественные; порой им даже отдается предпочтение перед самим королем. Так, в «Похищении быка из Куальнге» друид Катбад назван отцом самого короля - Конхобара, сына Несс. Там говорится, что у Катбада была группа учеников, которых он наставлял в друидической науке. Согласно ирландской традиции, он изображен в роли учителя, который обучает молодежь религиозным традициям племени и предзнаменованиям, посредством которых можно обратить эти традиции себе на пользу. Это согласуется с картиной кельтских жрецов, нарисованной Цезарем в I веке до н. э.: «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом».

В одной из древнейших древнеирландских саг - «Изгнание сыновей Уснеха» - драматическое событие, крик нерожденной «роковой женщины» Дейрдре в утробе матери, должно быть объяснено с помощью пророческих способностей друида Катбада. После того как произошло это зловещее событие, которое напугало всех присутствующих, будущая мать бросается к друиду и умоляет его объяснить случившееся:

Вы послушайте лучше Катбада
Благородного[67] и прекрасного,
Осененного тайным знанием.
А сама я словами ясными...
Не могу сказать.[68]

Затем Катбад «положил... ладонь на живот женщины и ощутил трепет под своей ладонью.

- Поистине, это девочка, - сказал он. - Будет имя ее - Дейрдре. И много зла случится из-за нее».

После этого действительно рождается девочка, и жизнь ее действительно следует по пути, предсказанному друидом.

Согласно ирландской традиции, друидам свойственно достоинство и могущество. Другие упоминания придают им иные, почти шаманские, черты. Речь идет о знаменитом друиде Мог Руте: по крайней мере, один специалист по кельтской мифологии считал, что первоначально он был богом солнца[69]. Хотя утверждать так - значит идти гораздо дальше, чем позволяют нам имеющиеся данные, он, тем не менее, считался могущественным колдуном и обладал якобы способностью вызывать бурю и творить облака одним своим ды-

ханием. В саге «Осада Друм Дамгайре» он носит *enchennach* - «птичью одежду», которая описана следующим образом: «Принесли к нему принадлежавшую Мог Руту кожу безрогого бурого быка и его пеструю птичью одежду с развевающимися крыльями и, кроме того, его одеяние друида. И поднялся он вместе с огнем в воздух и на небо».

Другой рассказ о друидах из местных, ирландских источников изображает их в юмористическом свете и рисует не такими уж достойными, как этого хотели бы поклонники-антиквары. Однако, возможно, причиной этому смешение слова «друид» с *druith* - «дурак». В саге «Опьянение уладов», которая полна мифологических мотивов и ситуаций, королеву Медб, по происхождению - ирландскую богиню, охраняют два друида, Кром Дероль и Кром Дараль. Они стоят на стене и спорят. Одному кажется, что к ним приближается огромная армия, а другой утверждает, что все это просто естественные участки пейзажа. Но на самом деле это действительно войско, которое атакует их.

«Недолго стояли они там, два друида и два наблюдателя, как показался перед ними первый отряд, и было белоярким, безумным, шумным его приближение, гремящее над долиной. Так яростно мчались они вперед, что не осталось в домах Темры Луахра ни меча на крюке, ни щита на полке, ни копья на стене, которые бы с грохотом, шумом и звоном не упали на землю. На всех домах в Темре Луахре, где была на крышах черепица, попадала та черепица с крыш на землю. Казалось, бурное море подступило к стенам города и к его ограде. А в самом городе побелели у людей лица, и был там скрежет зубовой. Упали тогда два друида в обморок, и в беспмятство, и в бессознание, один из них, Кром Дараль, упал со стены наружу, а другой, Кром Дероль, - внутрь. Но вскоре Кром Дероль вскочил на ноги и устремил свой взгляд на отряд, который приближался к нему».[70]

Сословию друидов могла принадлежать какая-то власть и в христианскую эпоху, по крайней мере в гой-дельском мире, и у нас нет повода полагать, что с приходом христианства языческие культы и все связанные с ним атрибуты и люди мгновенно исчезли. Говорят, что в Шотландии святой Колумба встретился с друидом по имени Бройхан близ Инвернесса в VII веке н. э. Друиды, возможно, существовали некоторое время и при христианстве, хотя у них уже не было прежней религиозной власти и политического влияния; возможно, они превратились лишь в магов и колдунов.

Однако в древности их могущество, по крайней мере в некоторых областях Древнего мира, было бесспорным. Цезарь, видимо, был в основном прав, когда писал: «А именно, они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершенно ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах - решают те же друиды... Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения».

Кроме того, Плиний упоминает о том почитании, которым пользовался друидизм на Британских островах. Он замечает: «И до сего дня Британия зачарована магией и исполняет ее обряды с такими церемониями, что кажется, будто именно она передала этот культ персам».

Цезарь, рассказывая о Британии, не упоминает друидов. Такие эпизоды, как восстание Боудикки и религиозные обряды и практики, связанные с ними, создают впечатление, что в I веке н. э. существовало нечто очень похожее на друидизм, по крайней мере в некоторых частях Британии. На деле у античных авторов есть только одно упоминание о друидах в Британии. Описывая атаку римского наместника Паулина на крепость друидов на Англси в 61 году н. э., Тацит говорит: «На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины, похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого испуганного, наполовину женского войска, они устрем-

ляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суеверных обрядов: ведь у них считалось благочестивым орошать кровью пленных жертвенники логов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям».

Мы уже знаем, что крепость друидов на Англси могла быть связана как с экономическими, так и с религиозными аспектами, чем и объясняется фанатическое сопротивление нашествию римлян. Дальнейшие археологические раскопки наряду с классификацией некоторых культовых фигур на Англси, которые еще не изучались в этом контексте, могут пролить больше света на природу друидизма на этом острове, а возможно, и в Британии в целом.

Свидетельства античных авторов заставляют полагать, что друиды-женщины, или друидессы, если их можно так назвать, также играли роль в языческой кельтской религии, и эти свидетельства согласуются с данными островных текстов. Вописк (хотя это и достаточно сомнительный источник) рассказывает интересную историю: «Дед мой рассказал мне то, что он слышал от самого Диоклетиана. Когда Диоклетиан, сказал он, находился в харчевне в Тунграх в Галлии, имел еще небольшой военный чин и подводил вместе с какой-то женщиной-друидессой итог своим ежедневным расходам, она сказала ему: «Ты слишком скуп, Диоклетиан, слишком расчетлив». На это, говорят, Диоклетиан не серьезно, а в шутку ответил: «Буду щедрым тогда, когда стану императором». После этих слов друидесса, говорят, сказала: «Не шути, Диоклетиан, ведь ты будешь императором, когда убьешь кабана».[71]

Говоря о пророческих способностях друидов и опять упоминая женщин, Вописк рассказывает: «Он[72] утверждал, что Аврелиан обратился как-то к галльским друидессам с вопросом, останутся ли у власти его потомки. Те, по его словам, ответили, что в государстве не будет более славного имени, чем имя потомков Клавдия[73]. И уже есть император Констанций, человек той же крови, а его потомки, думается, достигнут той славы, которая была предсказана друидессами».

Мы уже видели, какая пророческая сила приписывается провидице Федельм в «Похищении быка из Куальнге»; есть все основания полагать, что в сословии друидов женщины, по крайней мере в некоторых областях и в некоторые периоды, пользовались определенным влиянием.

Идолы, изображения и вотивные приношения

Мы уже кое-что знаем о храмах и святилищах кельтов и о друидах, которые были жрецами по крайней мере у некоторых кельтов. Теперь встает следующий вопрос: изготовлялись ли в доримское время культовые изображения? Почитали ли кельты своих богов в осязаемой форме или просто представляли себе абстрактные концепции божественности?

Рис. 39. Пять из 190 предметов (все из сердцевины дуба), обнаруженных в святилище Секваны при устье реки Сены (департамент Кот-д'Ор, Франция).

Все наши данные заставляют предполагать, что у них было множество самых разнообразных изображений и идолов. Поразительное свидетельство тому - огромный клад из примерно 190 деревянных предметов из того места, где был расположен храм Секваны у истоков реки Сены. Все они сделаны из сердцевины дуба, как и многие другие культовые деревянные предметы из Дании (где кельтское влияние было достаточно сильным), Франции и с Британских островов. Такое большое количество сохранившихся изображений фактически свидетельствует о том, что в свое время они существовали в огромном количестве. Таким образом, любимым материалом для изготовления идолов служило дерево, и, поскольку кельты почитали дуб больше, чем какие-либо другие деревья, выбор дуба для изготовления идолов был вполне естественным. Некоторые филологи считают, что само слово «друид» связано с кельтским обозначением дуба, которое само по себе связано и с греческим названием дуба - *δῦς*. Второй слог этого слова, возможно, связан с индоевропейским корнем «wid», что означает «знать»; то есть в целом «друид» означает нечто вроде «мудрец, почитающий дуб». Максим Тирский говорит, что кельты представляли Зевса (имея в виду кельтский эквивалент античного бога) как огромное дубовое дерево. Цезарь говорит, что в Галлии существует больше всего изображений Меркурия (опять-таки имея в виду местных богов, которые в римское время слились с Меркурием). Все это говорит о том, что кельтская религия отнюдь не была лишена изображений, как это иногда утверждают, - совсем наоборот.

Очевидно, однако, что каменные изображения были менее популярны, и, хотя небольшое их количество известно по крайней мере с VI века до н. э., каменные скульптуры ста-

ли по-настоящему почитаемы только начиная с I века до н. э. под эгидой римского мира. Однако есть и много данных о том, что сами камни, украшенные на кельтский манер, как камни из Туро или Каслстрэнджа (Ирландия), или столб из Санкт-Гоара (Германия), или просто каменные блоки или стоящие камни почитались сами по себе: считалось, что они обладают удивительной силой. Камни, как мы уже видели, часто отмечали границы между племенами. Лиа Фаль - великий инаугурационный камень древней Ирландии - кричал, когда на него вставал подлинный правитель Ирландии. В древнеирландской традиции есть бесчисленное множество историй о силе священных камней. Сегодня в современных кельтских народных поверьях некоторые камни все еще считаются обладающими сверхъестественной силой, и в отдаленных районах существующего кельтского мира все еще помнят об использовании камней в черной магии и тому подобных ритуалах. В ирландской «Старине мест» (историях, объясняющих происхождение названий некоторых мест) есть упоминания о каменном идоле Кенн Кройх, или Кромм Круах (в современной народной легенде - Кром Дуб), и одиннадцати его собратьях. Хотя эту легенду, конечно, не следует воспринимать буквально, в ней есть отдельные моменты, которые убедительным образом согласуются с общей картиной верований кельтов, насколько мы ее себе представляем. Более того, тот факт, что идол якобы стоял на Маг Слехт, «Долине поклонения» в северо-западном уголке графства Каван, где в языческие времена, видимо, находилась большая культовая область первостепенной важности, подчеркивает правдивую основу этой истории. Легенда гласит: «Здесь стоял высокий идол, который видел много битв, и звался он Кромм Круах; он вынуждал все племена жить без мира... Он был их богом, древний Кромм, скрытый во множестве туманов; пока люди верили в него, не могли они обрести вечное Царство превыше всех пристанищ... Ряды стояли каменные идолы, четыре ряда по трое; и о горе, чтобы обманывать войска, изображение Кромма сделано было из золота. С царствования Эремона, щедрого вождя, почитали здесь камни вплоть до прихода благородного Патрика в Ард Маху. Он разбил Кромма молотом от макушки до пят; своей великой отвагой изгнал бессильное чудовище, что стояло здесь».

Этот красочный рассказ о свержении языческих идолов христианской церковью, возможно, объясняет немногочисленность каменных скульптур в доримском кельтском мире.

Кромм, или Кенн Круах, остался в ирландской фольклорной традиции как Кром Дуб. Мойра Макнейлл наряду с другими учеными анализирует легенды об этой культовой фигуре в связи с великим календарным праздником Лугнасад. Другой каменный идол описывается в ирландском «Календаре Энгуса»: «Клохар, то есть золотой камень, то есть камень, оправленный в золото, который почитали язычники, и демон по имени Керманд Кестах имел обыкновение говорить из этого камня, и это был главный идол Севера».

Другой идол, на этот раз якобы британский, именовался Этарун. В этом имени может содержаться тот же корень, что и в имени великого галльского бога с колесом - Тараниса, следы культа которого действительно наблюдаются в Британии. Считалось, что не только боги или демоны обитают в камнях и говорят из них; оружие также считалось жилищем духов. В народе думали, что священное оружие богов и полубожественных героев может действовать и говорить независимо от хозяина посредством действий сверхъестественных сил, которые его контролируют. В «Похищении быка из Куальнге» мы читаем, как Суалтайм, земной отец Кухулина, погибает от своего собственного щита: он нарушил обычай, согласно которому никто не должен был говорить прежде, чем заговорит друид:

«Тогда в гневе и ярости ушел от них Суалтайм, ибо не услышал желанного ответа. И случилось так, что поднялся на дыбы Серый из Махи и поскакал прочь от Эмайна, а щит Суалтайма выскользнул из его рук и краем своим отрубил ему голову. Тогда повернула лошадь обратно к Эмайну, и на спине ее лежал щит с головой Суалтайма. Вновь молвила голова:

- Мужей убивают, женщин уводят, скот похищают, о улады!»

Количество небольших посвячительных моделей оружия, такого как копья, мечи и щиты, обнаруженных в ритуальных контекстах в Британии и на континенте, также заставляет

думать, что оружие считалось обиталищем сверхъестественных сил. Некоторые из этих миниатюрных предметов были намеренно разбиты, несомненно, в соответствии с существовавшими тогда ритуалами и поверьями. Кинжалы с ручками в виде людей (рис. 40) изображали того самого духа или божество, которое якобы обитало в них или отвечало за их происхождение. Это еще один источник данных о почитании этих предметов в древнем кельтском мире.

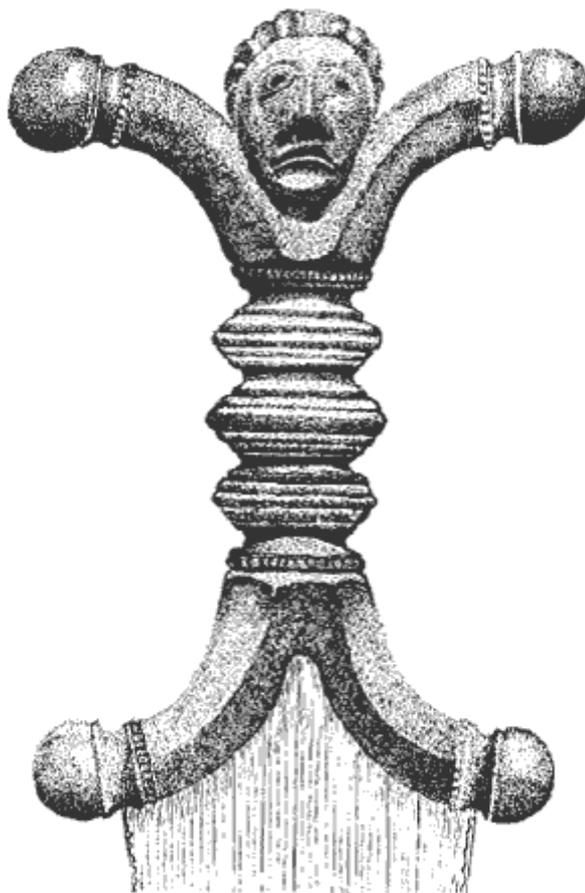

Рис. 40. Ручка короткого меча в виде человека из Норт-Гримстона, Йоркшир, Восточный Райдинг.

Искусство латена, как мы увидим в следующей главе, оказалось еще одним кладом культовых символов. Все они были изящным образом вплетены в текучие узоры спиралей, стилизованной листвы и растений; сам торквес (нашейное украшение) служил магическим знаком отличия, который носили боги и герои. На многих декорированных предметах лошадиной сбруи и украшениях шлемов мы видим символы магической силы и обереги от зла.

Кельты отнюдь не пребывали в неведении относительно всего того, что касается почитания идолов и антропоморфных изображений, - можно считать доказанным, что всего этого у них было вдоволь. Но поскольку они имели обыкновение выражать свои верования и идеи косвенным образом, это не всегда очевидно, и только исследование кельтской культуры и повседневной жизни в целом может выявить тонкое влияние религии и суеверия во многом таком, что с первого взгляда кажется земным и обычным.

Праздники и ритуальные собрания

Мы рассмотрели святилища и священные места кельтов и узнали, что их было немало, хотя многие из них обнаружили лишь в последние годы, а некоторые все еще ждут открытия. Мы познакомились с теми, кто должен был обращаться к богам от имени человечества, и обнаружили, что у кельтов определенно были жрецы, которых называли друидами, и есть данные о существовании других жрецов, хотя мы и не знаем о том, какую роль они играли и как были связаны с сословием друидов. Мы убедились в том, что у кельтов в изобилии имелись идолы и культовые изображения, и в будущем многие из них, несомненно, будут обнаружены или найдены в литературных контекстах.

И наконец, попробуем разобраться, в каких случаях все эти предметы использовались? Какие ритуалы исполняли жрецы в святилищах, где находились многие из идолов и других принадлежностей религиозного культа?

Кельты отмечали основные календарные праздники. Мы уже знаем, что кельты считали время ночами. Кельтский год в Ирландии делился на четыре основные части, и вполне возможно, так поступали в других частях кельтского мира. Каждая часть года начиналась с великого религиозного праздника, на котором вспоминалась какая-либо культовая легенда. Праздник сопровождался пирами и весельем, ярмарками и базарами, играми и состязаниями, а также торжественными религиозными обрядами, а в Галлии, по крайней мере, жертвоприношениями как людей, так и животных. Этот обычай вызывал омерзение у римлян, которые к тому времени, когда они вошли в близкий контакт с языческим кельтским миром, уже давно отказались от практики человеческих жертвоприношений.

Первым ритуальным этапом календарного года было 1 февраля. Этот праздник, очевидно, посвящался богине Бригите, место которой позднее заняла ее христианская наследница - святая Бригита. Эта могущественная богиня была также известна как Бригантия, богиня-покровительница северной Британии. Посвящения и названия мест на континенте также говорят о ее культе. Она, скорее всего, была одной из наиболее почитаемых богинь всего языческого кельтского мира. Что представлял собой праздник в ее честь, который именовался Имболк (или Оймелг), - не совсем ясно, однако, судя по всему, он был связан с началом доения овец и, таким образом, был преимущественно праздником пастухов. В позднейшей христианской традиции обращает на себя внимание связь Бригиты с овцами и пастушеской жизнью, а также с плодородием вообще; судя по всему, это отголоски той роли, которую играла ее языческая предшественница.

Второй праздник - Белтане - отмечался 1 мая. Возможно, он был связан с почитанием древнего кельтского бога Белена, который известен примерно по 31 надписи, обнаруженной на севере Италии, юго-восточной Галлии и в Норике. Есть также эпиграфические следы его культа на Британских островах, и некоторые данные литературной традиции заставляют предполагать, что следы знаний об этом божестве сохранялись в кельтском мире и позднее. Бели Маур, который фигурирует в «Мабиногионе» как могущественный король Британии, судя по всему, считался божеством-предком аристократии раннего Уэльса и по своему происхождению может быть отождествлен с самим Беленом. Сила и влияние этого раннего пастушеского божества может объяснить популярность и долговечность его праздника, который все еще сохраняется, по крайней мере, в некоторых районах шотландских гор. Если верить Кормаку, автору древнеирландского словаря IX века, слово «Белтане» происходит от «Beltene» - «прекрасный огонь». Это был праздник, связанный с поощрением плодородия, и в нем большое место занимали магические обряды, призванные обеспечить размножение скота и рост урожая. Зажигали большие костры и скот прогоняли между огнями ради очищения. Опять-таки согласно Кормаку, друиды зажигали два огня и между ними прогоняли животных. Несомненно, на этих праздниках приносили жертвы. Белтане также называли «Кетсамайн».

Третий сезонный фестиваль также был широко распространен по всему кельтскому миру, и следы его все еще живы в современных кельтских народных обычаях. Отмечаемый 1 августа Лугнасад был прежде всего сельскохозяйственным праздником, связанным скорее с жатвой хлебов, нежели с пастушеской экономикой. Он был тесно связан с богом Лугом в

Галлии (Луг в Ирландии, Ллеу в Уэльсе) - могущественным, широко почитавшимся божеством, культ которого, возможно, ввели в Ирландии более поздние кельтские поселенцы. В римской Галлии в Лионе (Лугдуне) в этот день отмечался праздник в честь императора Августа, и кажется вполне очевидным, что он заменил старый праздник, посвященный кельтскому богу, по имени которого город и назывался «крепостью Луга». Лугнасад был очень важным праздником в Ирландии, что подтверждает дошедший до нас фольклор. Праздник этот иногда назывался Брон Трогань (Bron Trogain) - «Скорбь Трогана», и, возможно, это старое имя Лугнасада. В Ирландии на Лугнасад традиционно проходили два больших собрания, оба связанные с могущественными богинями. Одним из этих праздников был праздник Тайльтиу, другим - праздник Карман. Праздник Тайльтиу проходил в Телтоуне, графство Мит. Есть два предания, объясняющие происхождение этого праздника. В одном говорится, что он был установлен богом Лугом в честь его приемной матери Тайльтиу, которая умерла здесь 1 августа. Мы уже поняли, как важна была воспитательная система для кельтского общества и что (в идеале) к приемным родителям относились с почтением и любовью. Видимо, так же дело обстояло и среди богов.

Праздник Лугнасад традиционно длился целый месяц - 15 дней до 1 августа и 15 дней после. Другие традиции говорят, что Луг основал праздник Тайльтиу в честь двух своих жен - Нас и Буи. В Ульстере Лугнасад праздновался в Эмайн Махе, в Лейнстере - Карман. Считалось, что Карман была матерью троих сыновей: вместе с сыновьями она опустошила всю Ирландию, она - чисто по-женски используя магию и колдовство, они - прибегая к своей силе и оружию. Наконец сыновья были побеждены и их вынудили покинуть Ирландию, а Карман осталась здесь в качестве заложницы «вместе с семью вещами, которые они почитали». Она умерла от горя, и в ее честь, в соответствии с ее желаниями, стали проводить праздник.

Четвертым праздником - на самом деле первым в кельтском году, так как знаменовал его начало, - был праздник Самайн, возможно, самый главный из четырех. В этот день Иной Мир становился виден людям и все сверхъестественные силы свободно бродили в мире людей. Это было время страшной опасности и духовной ранимости. Его праздновали в ночь на 1 ноября и весь этот день. В древнеирландских сагах это очень значительный праздник, и большинство событий, которые имеют мифологическое и ритуальное значение, приурочены именно к этой дате. Это был конец пастушеского года и начало следующего; несомненно, в этот день совершались жертвоприношения, которые должны были умиротворить силы Иного Мира и отпугнуть враждебные существа.

На Самайн Дагда, племенное божество ирландцев, вступил в священный брак с Морриган, богиней войны в облике ворона; на поле битвы она действовала не с помощью оружия, а магически вмешиваясь в сражение. Во всей ранней традиции подчеркивается присущий ей дар пророчества. Она могла быть и хорошим другом, и безжалостным врагом. В другой раз Дагда соединился с богиней реки, покровительницей реки Бойн.

В отдаленных районах праздник Самайн у кельтских народов все еще празднуется, и вплоть до недавнего времени в этот день соблюдался весьма сложный ритуал. Это была ночь гаданий и магии: следовало выполнять правильные ритуалы, с тем чтобы умиротворить сверхъестественные силы, которые, как считалось, в это время рассеивались по всему миру людей.

В древнем кельтском мире существовали, конечно, и другие праздники. Был праздник Теи, божественной покровительницы Собрания Тары, одной из величайших святынь Ирландии; ее также держали в плену, как Карман и Тайльтиу. Другая покровительница праздника - Тлахтга - якобы родила сразу трех близнецов (типично кельтский мифологический мотив), и у всех были разные отцы. Как и богиня Маха, она умерла при родах. Эти древние богини, очевидно, играли свою роль в ритуальных праздниках древнего кельтского календаря.

Отрубленные головы

Теперь от святилищ и храмов, жрецов и идолов, периодических праздников и ритуальных собраний мы переходим к рассмотрению природы тех самых божеств, на которых была рассчитана вся эта система религиозных обрядов. Однако перед тем как говорить о характере некоторых отдельных божеств и их культов, мы, пожалуй, перекинем мостик к этой теме, рассмотрев символ, в котором в какой-то мере фокусировалась вся языческая кельтская религия и столь же характерный для нее, как крест для христианской культуры.

Этот символ - отрубленная человеческая голова. Во всех разнообразных видах ее изображений в иконографии и словесном искусстве можно отыскать ядро кельтской религии. Это действительно, как говорится, «часть вместо целого», своего рода обобщающий символ всей религиозной философии языческих кельтов.

Случилось так, что это еще и наиболее документированный из всех культов, который полностью засвидетельствован не только всеми теми тремя источниками, которые мы используем здесь, но и настолько долговечный, что следы его сохранились до сего дня в суевериях и фольклоре существующих кельтских народов.

Кельты, как и многие другие первобытные племена, охотились за головами. Мы знаем это по черепам, обнаруженным в кельтских хиллфортах. В некоторых случаях сохранились даже гвозди, которыми они были прибиты к воротам или столбам вокруг крепостных стен. Отрубленные головы представляли собой трофеи, свидетельствовавшие о военной мощи владельцев, и, в то же время, силы, которые, как считалось, свойственны человеческой голове, служили защитой и отвращали зло от крепости или дома, принося добро, удачу и успех. Диодор Сицилийский говорит об обычае галлов обезглавливать своих врагов и рассказывает о том, как они прибывали головы к своим домам или бальзамировали их в масле и считали бесценными сокровищами. Его свидетельство о важности головы в кельтской повседневной и духовной жизни подтверждается наблюдением Ливия.

Ливий также описывает, как в 216 году племя бойев поместило в храм голову высокопоставленного вражеского вождя. Человеческие черепа выставлялись в специальных нишах в больших храмах в Рокепертюзе и Антремоне, подтверждая справедливые наблюдения античных авторов. Далее Ливий говорит о кельтском обычае украшать человеческие головы золотом и использовать их в качестве чаш для питья; возможно, именно такова была функция человеческого черепа, обнаруженного в святилище Либенице. В литературе кельтских народов есть множество примеров того, что человеческие головы использовали именно таким способом. Откровенная охота за головами постоянно встречается в уладском цикле ирландских сказаний, а также в других преданиях. В «Похищении быка из Куальнге» вслед за первым сражением после того, как взял оружие, Кухулин возвращается в Эмайн Маху со стаей лебедей, дикими оленями и тремя отрубленными головами. Позднее в «Похищении» говорится, что «девять голов держал Кухулин в одной руке да десять в другой и потрясал ими в знак своего бесстрашия и доблести» перед войском. Вряд ли войска задавали ему на этот счет какие-то вопросы...

Говорят, что многие персонажи, боги или герои, никогда не садились пировать, не поставив перед собой на стол отрубленную голову; кельты считали, что человеческая голова - вместительница души, суть бытия. Она символизировала само божество и обладала всеми желаемыми качествами. Она могла быть живой после смерти тела; она могла отвращать зло и пророчествовать; она могла двигаться, действовать, говорить, петь; она могла рассказывать истории и развлекать; она председательствовала на пиру Иного Мира. В одних случаях ее использовали как символ какого-то отдельного божества или культа; в других она символически выражала религиозные чувства вообще.

Самый впечатляющий пример из литературы относительно веры в могущество отрубленной головы встречается в истории Бранвен в «Мабиногионе». В этом сказании, где повествуется о злосчастной сестре Брана Благословенного, «Благословенного Ворона» (возможно, изначально это был могущественный кельтский бог), магическая отрубленная го-

лова эвгемеризованного божества играет важную роль. Там говорится, что Бран обладал таким огромным ростом, что нельзя было построить столь высокий дом, чтобы он там поместился, - явное указание на его сверхъестественную природу. После катастрофической экспедиции в Ирландию он был ранен, и по его просьбе оставшиеся в живых соратники отрубили ему голову. Перед этим он изрек им пророчества о будущих событиях и сказал, что следует делать и как себя вести, дабы избежать бед и разочарований. Отрубленная голова Брана продолжала жить после обезглавливания тела. Его люди забирали голову с собой в Иной Мир, где долго пировали и веселились в каком-то магическом времени, не имея никакого понятия о том, где находятся и ничего не помня о перенесенных ими страданиях. Голова развлекает их и волшебным образом оказывает им гостеприимство и составляет компанию: «И они оставались там четыре по двадцать лет, но так, что не замечали времени и не делались старше, чем были, когда пришли туда, и не было для них времени более приятного и веселого. И голова была с ними, будто живой Бендигейд Вран. И потому их пребывание там названо Гостеприимством Достопочтенной Головы».

Наконец, один из друзей Брана, не обращая внимания на его предупреждения, открывает запретную дверь. Чары рассеиваются, и они снова вспоминают о том, что произошло. Снова действуя по приказу Брана, они забирают голову в Лондон и хоронят ее там. Она становится талисманом, отражая зло и чуму от страны, покуда ее не выкапывают. После этого ее сила прекращается. В ирландской традиции есть несколько подобных историй, где отрубленная голова председательствует на праздниках или развлекает собравшихся.

Археология полностью подтверждает этот наиболее важный для языческих кельтских народов культ. Из камня изготавливались сотни голов; столько же или еще больше делалось из дерева, однако до нас, конечно, дошло гораздо меньше деревянных голов, чем каменных. В латенском искусстве человеческая голова или маска встречается как постоянный мотив, и здесь, как и в позднейших каменных изображениях, можно отличить разнообразные атрибуты культа, в том числе рога, короны из листьев или группы из нескольких голов. Эти головы, несомненно, наделялись магическими силами, отражающими зло; некоторые из них изображали отдельных богов или богинь.

Рис. 41. Голова Януса из базальтовой лавы, Ляйхлинген (рейнская область, Германия).

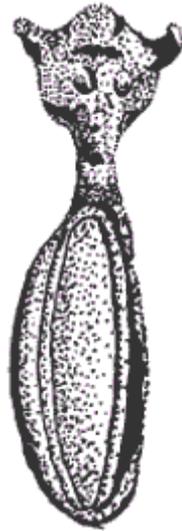

Рис. 42. Рогатая голова из Штаркенбурга, Германия.

Кельты твердо верили в магическую силу числа три. Согласно культовым легендам, их божества зачастую рождались как тройняшки, вместе с двумя своими тезками. Некоторые мифологические персонажи считались трехговыми. Трехликие головы изображались в скульптуре в кельтских странах в римское время, несомненно также свидетельствуя о священной силе числа три. Многие такие головы были найдены в Британии. Другие головы имеют форму двуликого Януса (рис. 41), что, возможно, отражает какое-то понятие о боге, который смотрит вперед, в Иной Мир, и назад - в мир человеческий. Иногда головы увенчаны рогами; видимо, это связано с культом рогатых божеств в целом (рис. 42). Порою у голов нет ушей, иногда уши преувеличены или на скульптурах имеются прорези для того, чтобы вставлять в них уши животных. Глаза обычно подчеркнуты; иногда один из них больше другого, иногда в одном или во многих - несколько зрачков. Лица обычно похожи на маски и лишены всякого выражения и не имеют ничего общего с портретными головами античного мира. Этот огромный корпус голов и данные о том, что в древности их, как деревянных и каменных, так и металлических, было много больше, дают нам прекрасный дополнительный источник сведений о фундаментальной, жизненно важной роли человеческой головы в языческой кельтской религии во все времена и на территории каждого племени. С полным правом можно сказать, что кельты почитали бога-голову - символ всей их религиозной веры.

Божества и культы

Теперь мы должны взглянуть на типы божеств, которых почитали кельты; ибо, хотя наблюдается очевидное основное единство религиозных верований и ритуальной практики, есть и отчетливая тенденция рассматривать богов и богинь как божественные типы внутри их особой культовой сферы. В таком случае, несмотря на то что из эпиграфики и литературной традиции нам известны буквально сотни имен божеств (некоторые из них встречаются часто и по всему кельтскому миру, другие появляются только один или два раза), имеется лишь весьма ограниченное количество божественных типов. Очевидно, что на обширной территории почитался один и тот же тип божества, пусть даже он или она носили разные имена и их культовые легенды слегка отличались от племени к племени и в зависимости от личных предпочтений.

Перед тем как перейти к рассмотрению наиболее выдающихся из этих культов, необходимо сказать кое-что о кельтских божествах как классе. Судя по всему, у кельтов не было

определенного пантеона, четкого деления богов и богинь по особым функциям и разрядам. Есть божества, чье частое отражение в эпиграфике и литературе предполагает, возможно, более глубокое их влияние, чем тех, кто был отмечен только один или два раза, и это, возможно, оправдывает предположение о существовании некоей иерархии божеств. Однако даже в этом случае речь идет как о богах и богинях «на все руки», так и о тех, кто занимался какой-то определенной сферой общественной жизни.

Кельтские божества в общем и целом, судя по всему, представлялись личностями весьма многосторонними. Бог племени (вне зависимости от того, как он именовался в различных областях) был основным типом кельтского божества. В каждом племени существовал собственный божественный отец. Он представлялся предком народа, отцом короля или вождя, в котором, как считалось, обитала божественная сила. Точно так же, как этот бог, за общее благополучие племени, плодovitость скота и самих людей, за хорошую жатву и отсутствие чумы и бедствий, за правильно подобранные законы и справедливые судебные решения отвечал и король. Король «с пороком» или тот, кто оказался испорченным морально, мог только повредить племени; хорошее царствование обеспечивало хорошую погоду и урожай - словом, все, что было во благо для людей. Как и король, бог-отец заведовал справедливостью и законами во времена мира. Но он мог взять в руки оружие и повести своих людей в бой во время войны. Цезарь пишет: «Галлы все считают себя потомками Отца Дита и говорят, что таково учение друидов». Этот кельтский эквивалент Отца Дита, священный бог-предок, - несомненно, тот самый всеобщий племенной бог, которым в ирландской традиции является Дагда - «Добрый бог». Это огромный, могущественный воин с дубинкой и котлом, супруг могучей Морриган, богини войны в образе ворона, а также Боанд - эпонимной богини реки Бойн. Среди других его эквивалентом в Галлии, судя по всему, была такая фигура, как Сукелл - «Добрый боец», который со своим молотком и чашей весьма напоминает словесные описания Дагды.

Бог племени становился супругом богини земли, каково бы ни было ее имя в разных местах и согласно разным традициям. Как мы уже видели, одной из супруг Дагды была могущественная богиня войны, которая по собственной воле могла принимать вид вороны или ворона и которая влияла на исход битвы с помощью своих волшебных сил и пророчаний. Еще одна связь между двумя отцами племени - галльским Сукеллом и ирландским Дагдой - заключается в том, что спутницей галльского бога была Нантосвелта - «Дева извилистого потока», чьим атрибутом был как раз ворон.

Таким образом, мы можем считать, что «основной ячейкой» кельтского божественного сообщества был главный племенной бог, заведовавший всеми сторонами жизни, божественное соответствие короля или вождя, и его супруга - мать-земля, заботившаяся о плодородии в стране, об урожае и скотине и принимавшая активное участие в сражении против врагов племени, используя при этом для победы не столько оружие, сколько заклинания и магические чары. Помимо упоминания этой основной божественной пары есть данные и о богах, обладавших более ограниченными сферами влияния, которые можно найти и в человеческом обществе: бог-кузнец, божественный целитель, бог, занимавшийся словесными искусствами, божество-покровитель какого-нибудь священного колодца или реки. Однако бог «на все руки» мог при необходимости заняться и каким-нибудь из этих искусств, если это было необходимо, и сферы влияния богов, наверное, довольно часто пересекались.

Таким образом, представляется, что, с точки зрения кельтов, божественный социальный порядок отвечал порядку в племенной иерархии. Есть также некоторые данные о существовании группы божеств более «высокопоставленных», чем племенные боги, то есть своего рода боги самих богов. Некоторые богини, судя по всему, на какой-то стадии занимали положение «матери богов». Это такие неясные, но могущественные фигуры, как Ану, или Дану, Бригита, или Бригантia, или валлийская Дон, которая, судя по всему, исполняла ту же роль. Ану - это «та, что вскармливает богов», возможно, так же как Дану, ей соответствует и валлийская Дон. Бригита - это языческая богиня, в некоторых легендах - мать

богов Бриана, Иухара и Иухарбы. Согласно другим традициям, матерью этих троих была Дану; их называли «люди трех богов». Однако самое выдающееся место Бригита заняла не как тройная дочь племенного бога Дагды (поскольку было три сестры-богини по имени Бригита), но как раннехристианская святая-просветительница, Бригита из Килдэра. Вокруг священного вечного огня святой Бригиты постоянно находились девять дев. Ее британским эквивалентом была, конечно, Бригантия, «Высокая», которая дала свое имя территории римской Британии, равной современным шести северным графствам Англии и могущественной конфедерации племени бригантов, которые обитали в этой области.

Все эти могущественные женские божества вне зависимости от того, представляют ли они собой в конечном счете одну и ту же богиню или одно и то же основное представление о божественной матери, наводят на мысль, что над племенным богом и его супругой - землей-матерью племени - действительно была группа более высоких божеств, тех, кто воспитал самих богов и чьи сыновья даже превосходили племенных богов.

Другие неясные, смутно определяемые, но, видимо, очень интересные богини нашли свое отражение в литературных свидетельствах о женщинах-героинях, которые научили Кухулина его неодолимым приемам в поединке и сослужили ему такую хорошую службу в минуты бед. Скатах, которая, как говорят, исполнила (по принуждению) три желания Кухулина, героя уладского цикла, была великой королевой-воительницей, наподобие древней ирландской божественной королевы Медб - «Опьяняющей». Скатах дарит герою свою дочь, первоклассное обучение военной стратегии и открывает ему его будущее. Затем Кухулин побеждает ее врага, еще одну могущественную женщину - Айфе, которая сама ездит в колеснице и игнорирует мир мужчин. Уладский герой побеждает его, обладая превосходством в стратегии, и она также выполняет три его желания, в том числе не только помириться со Скатах, но и переспать с Кухулином и подарить ему сына. Так оно и происходит, но позднее Кухулин не узнает сына, которого она родила ему, и убивает его в поединке до того, как понимает, кем ему приходится юный боец.

Можно полагать, что все эти могущественные воительницы-богини-королевы как-то связаны друг с другом и все они фактически воплощают концепцию богини, которая находится выше племени, - великой богини самих богов.

Помня об этой основе организации языческого кельтского Иного Мира с его разделением богов на племенного бога и богиню-мать и затем всех богов и богинь с различными, более специфическими функциями, мы теперь должны рассмотреть некоторые отдельные культы, с которыми были связаны эти божества, вне зависимости от того, под какими именами их призывали. Мы уже видели, что культ отрубленной человеческой головы был жизненно важен для кельтской религии и мог выражать все аспекты религиозного поведения кельтов. Имея в виду то, что этот символ один мог представлять многочисленные отдельные культы, из которых состояла их мифология, мы можем приступить к общему обзору более типичных культов и типов божеств, которые были с ними связаны.

Кельты, как мы увидим, очень почитали животных. Поэтому неудивительно, что одним из наиболее хорошо засвидетельствованных типов богов по всему языческому кельтскому миру был рогатый бог. Существует два основных типа рогатого бога. Первый - это бог с оленьими рогами, который, как известно из одной надписи, носил имя (К)ернунн - «Рогатый». Есть ранние данные о его культе по всему кельтскому миру, и он появляется достаточно регулярно. Кернунн обладает оленьими рогами; бога часто сопровождает олень - его культовое животное *rag excellence*. Он часто носит на шее торквес - священное шейное украшение, а иногда держит его в руках. Его постоянно сопровождает таинственная змея с бараньей головой или с рогами. Это существо также изображалось рядом с местным богом, заменявшим Марса. Бог-олень нередко предстает перед нами сидящим на земле, что, видимо, напоминает об обычаях галлов, которые не использовали кресел и сидели на полу.

Очевидно, что культ этого бога был широко распространен по всему кельтскому миру, и он мог быть божеством, особо почитаемым друидами. Есть веские свидетельства об

этом божестве в литературных традициях как Уэльса, так Ирландии, и тот факт, что в христианских рукописях эта фигура стала символом дьявола и антихристианских сил, говорит о его существенной важности для кельтской религии. Его часто изображали как повелителя животных. Например, на котле из Гундеструпа он сидит, держа за шею змею с головой барана; по бокам его стоят волк и медведь. На заднем плане показано множество других зверей. В отличие от рогатого бога второго типа бог с оленьими рогами всегда изображается мирным и весь его культ - культ плодородия и сельскохозяйственного и коммерческого процветания. Достоинство и утонченность этого культа говорит о его большой древности и значительности.

Второй тип рогатого бога, который мы также встречаем по всему кельтскому миру, - это бог с рогами быка или барана. Он бесконечно грубее своего собрата с оленьими рогами, однако у них есть и нечто общее. Порой два этих культа, кажется, сливались в один. Например, оба бога связывались с римским Меркурием. Связь Меркурия с экономическим процветанием, должно быть, и послужила поводом для отождествления кельтского божества с оленьими рогами именно с этим античным богом. Более того, в своей более древней роли - защитника стад - Меркурий, естественно, во многом напоминал божество с оленьими рогами (как повелителя животных) и бога с рогами быка или барана, который также явно был связан с пастушеством. Имя бога с бычьими рогами неизвестно. Возможно, он был одним из тех божеств, которых почитали в отдельных районах Галлии или римской Британии, где данные о его культе особенно впечатляют. Во многом он - бог войны. Иногда в местной иконографии он фигурирует в виде рогатой головы самого типичного местного вида. Чаще всего его изображали в виде обнаженного воина с четко прорисованным фаллосом, с копьем и щитом в руках. Иногда его сравнивают с Марсом, а иногда с Меркурием. Кроме того, его, как грубое лесное божество, могли отождествлять и с Сильваном - богом также фаллическим, но при этом безоружным. Как бог постоянно воевавших пастушеских племен, он ярко отражал их отношение к жизни и заветные чаяния - могучий воин, защитник стад, который дарил мужество и плодородие людям и животным.

Мы уже видели, что племенной бог по сути своей был могущественным воином, и, вне зависимости от того, каковы были сферы его влияния и деятельность в мирное время, когда племя подвергалось опасности вторжения или готово было отправиться в поход, на завоевание новых земель, бог-отец становился его вождем в битве, божественным идеалом человеческого мужества и выносливости. Кельты, беспокойный, подвижный народ, предпочитали постоянным домам, сложным и долговечным религиозным постройкам красивые украшения, а потому должны были иметь какие-либо амулеты или идолов, которые легко было носить с собой и которые служили бы символом божественного воина или были бы посвящены ему. Нередко это, видимо, была голова, сделанная из камня или дерева, или маленький деревянный идол, а может быть, даже и просто камень или священное оружие, в котором говорил бог, вдохновляя воинов.

Вполне естественно, что римлянам, когда они впервые познакомились с кельтами, кельтские божества должны были казаться чудовищно агрессивными, и поэтому племенной бог кельтов, как правило, отождествлялся с Марсом, римским богом войны. Когда конфликт и напряженность пошли на спад и жизнь под римским владычеством стала более мирной и спокойной, племенного бога все-таки продолжали изображать как Марса. Однако мы знаем, что во многих случаях, в основном принимая во внимание другие атрибуты и посвящения этому богу, которые мы находим в иконографии, бог-воин был связан скорее с такими явлениями, как целительные воды и сельскохозяйственное плодородие, или фигурировал в роли местного бога-защитника, хранителя местной культурной традиции.

В северных областях Британии, где римское завоевание никогда не теряло своего военного аспекта, бог-воин - чаще всего с рогами быка или барана - изображался как Марс, причем только в его ипостаси бога войны. Только одно северное божество, а именно Марс Кондатис - «Марс у стечения вод», который почитался в Честер-ле-Стрит и Пирсбридже в графстве Дарем, наводит на мысли о силах священного источника или реки, что напоми-

нает о роли Марса во многих районах Галлии и юго-западной части Англии. Боги, которых отождествляли с Марсом в юго-восточных областях Британии, в основном были связаны с исцелением. Интересно, что целительством занимались и ирландские божества. Луг, сын Этленн из Племен Богини Дану в древней ирландской традиции, необыкновенно умелый воин, владевший, кроме того, множеством различных ремесел, якобы был божественным отцом великого героя Кухулина. Когда Кухулин был почти смертельно ранен («Похищение быка из Куальнге»), Луг приходит к нему в облике воина; при этом, однако, его не видит никто, кроме самого героя. Он поет над своим сыном волшебные заклинания, чтобы навеять на него сон, а затем прикладывает к его ужасным ранам священные травы и растения и песнопениями исцеляет раненого героя: Кухулин снова цел, невредим и готов сражаться.

Для такого воинственного народа, как кельты, бог в его воинской ипостаси должен был занимать ведущее место в мифологии и позднейшей иконографии. Не следует забывать и о культе оружия. Как мы уже видели, во многих древнеирландских сагах рассказывается о том, что некоторые особо почитаемые мечи, щиты или копья были сделаны самими богами или приобретены богами и привезены ими в Ирландию.

В общем и целом кельтские богини были могущественными женскими божествами. В основном они ведали землей, плодородием как растений, так и животных, сексуальными наслаждениями, а также войной в ее магическом аспекте. Понятие троицы женских божеств, судя по всему, играло основополагающую роль в языческих кельтских верованиях. В иконографии племенная богиня-мать изображалась в основном как группа из трех богинь-матерей, известных как в галло-римском, так и в романо-бриттском мире. Материнский аспект племенной богини имел первостепенное значение; поэтому неудивительно, что в скульптуре она изображалась как богиня-мать, которая кормит своего ребенка, держит его на коленях или играет с ним. Материнский и сексуальный аспекты кельтских богинь достаточно хорошо засвидетельствованы. Однако помимо этой основной функции племенной богини-матери можно определить и другие, более узкие сферы влияния женских божеств. Например, воинственная тройная богиня-ворон, а точнее, три богини по имени Морриган занимались скорее битвой, как таковой, пророчествовали и меняли свой облик, хотя их сексуальный аспект также очень четко выражен. Другие богини, например Флидас, судя по всему, как Кернунн и другие божества, была повелительницей лесных зверей - кельтский эквивалент Дианы. Они охотились, мчались на своих колесницах через дикие чащи, а также защищали стада и способствовали их приумножению. Флидас была возлюбленной великого героя Фергуса, сына Роах («Великой лошади»). Только она могла полностью сексуально удовлетворить его.

Среди других богинь, которые известны нам из древнеирландской традиции, можно назвать саму Медб с ее бесконечным рядом мужей и возлюбленных; великих богинь целительных источников и колодцев; неясных женских божеств, таких как британская богиня Ратис - «богиня крепости», Латис - «богиня пруда» (или пива) и так далее. Еще одно божество, о котором мы знаем не так много, - это Ковентина, богиня-нимфа северной Британии. Сохранилось множество посвящений ей, у нее был собственный культовый центр в Карробурге (Броколития) на Адриановом валу в Нортумберленде. Богатство и сложность votивных приношений в священных колодцах Ковентины говорят о том почитании, которым она была окружена. Следы ее имени на континенте заставляют предполагать, что область ее культа была более широкой, чем кажется на первый взгляд.

В Бате, графство Сомерсет (в древности - Акве Сулис), римляне приспособили к своим нуждам культ другой великой местной богини источников. Богиня горячих источников Бата - Сулис - была отождествлена с античной Минервой. Иконография римских богинь показывает образ одновременно античный и туземный; иногда кажется, что античные изображения появились прежде всего для того, чтобы придать осязаемый образ местным верованиям, благодаря которым в первую очередь источник и был посвящен Сулис. Кро-

ме того, в Акве Арнемедие (Бакстон) в графстве Дербишир в римское время у священных источников также почиталась римская богиня.

Следовательно, главные кельтские богини по всему языческому кельтскому миру были богинями-матерями и выполняли соответствующие материнские и сексуальные функции. Были и богини войны, которые иногда владели оружием, а иногда пользовались силой магии, чтобы даровать успех той стороне, которую они поддерживали. Герой Кухулин, отвергнув сексуальные заигрывания великой Морриган, немедленно испытывает на себе ее обиду и гнев. В мрачном, мстительном настроении она приходит к Кухулину именно в тот момент, когда в поединке ему приходится нелегко: «Предстала им Морриган в облике белой красноухой телки, что вела еще пятьдесят телок, скованных попарно цепочками из светлой бронзы. Наложили тут женщины на Кухулина запреты и гейсы, дабы не дал он уйти Морриган, не изведя и не погубив ее. С первого же броска поразил Кухулин глаз Морриган. Тогда поплыла она вниз по течению и обвилась вокруг ног Кухулина. Пока силится он освободиться, нанес ему Лох рану поперек горла. Явилась тогда Морриган в облике косматой рыжей волчицы, и вновь ранил Кухулина Лох, пока тот отгонял ее. Переполнился гневом Кухулин и ударом га булга поразил врагу сердце в груди».

Таким образом, кельтские богини господствовали над землей и временами года; они были полны сексуальной энергии и излучали материнскую доброту. Многие из них явно перешли в народную традицию, как, например, ирландская Старуха из Барры, шотландская Старуха из Бенн Брик или странная, связанная с морем Мулидартах; они совершают чудеса, и сферы их влияния близко соответствуют тем, что просматриваются в иконографии и текстуальных традициях более древнего, языческого мира.

Птицы

Птицы играли жизненно важную, основополагающую роль в системе образов языческой кельтской религии. Человеческие эмоции по отношению к птицам, очевидно, следует считать очень древними, и можно со всей очевидностью определить, как люди относились к отдельным видам (рис. 43). Замечательно, что к некоторым птицам во все века относились с почитанием, и эти представления перешли в современную устную традицию. Другие пережили короткий период популярности, однако птицы - как все вообще, так и отдельные виды - всегда находили отклик в кельтском характере.

Птицы играли различные роли. Говорили, что друиды изрекали предсказания на основании полета и крика птиц. В текстах есть множество очаровательных примеров значений, которые придавались крикам птиц. Еще в период культуры погребальных урн, в прото-кельтскую эпоху, некоторые птицы постоянно появляются в контекстах, которые, очевидно, были культовыми. Различные водяные птицы ассоциировались с культом солнца, особенно в его целительной ипостаси. Идолы изображали сидящими в колесницах, которые везут птицы. Само солнце нес баклан (рис. 44), утка или гусь; этих птиц продолжали изображать и в более поздней художественной традиции. Можно выделить несколько разновидностей уток, и точность орнитологических наблюдений в иконографии языческой Европы просто поражает. Один из наиболее изящных примеров использования птиц для украшения бытового предмета (который, однако, мог предназначаться лишь для ритуальных целей) - это вилка для мяса (или стрекало для лошадей) из Данаверни, Ирландия. На этом предмете контурно изображены вороны и лебеди с лебедятами, и тот факт, что все они подвижны, заставляет предполагать их связь с наукой птицегаданий, и этот предмет мог принадлежать королю или жрецу.

Рис. 43. Сова. С разбитой броши, обнаруженной в Вайскирхене (Лотарингия, Франция).

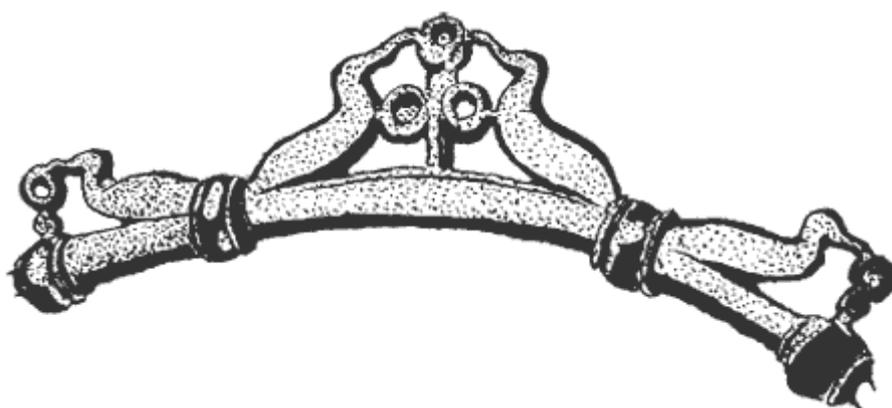

Рис. 44. Бакланы. Изображение на торквесе из Бревери (Марна, Франция).

Некоторые более крупные и заметные птицы играли определенную роль во всей кельтской традиции. Среди них - лебедь, журавль или аист, ворон, различные виды уток и орел, который, впрочем, встречается гораздо реже, чем можно было бы ожидать. Атрибутом кельтского Юпитера был, скорее, не орел, а колесо. Лебедь всегда считался воплощением чистоты, красоты и возможной удачи; очевидна и его связь с сексуальными аспектами. Зачастую любовники обоих полов, отправляясь в романтические путешествия, принимали вид лебедей.

Журавль считался весьма зловещей птицей; в древнем кельтском мире есть его мясо было запрещено. При необходимости вид журавля принимали враждебные богини или злобные и сексуально распущенные женщины. Эту птицу никогда не любили, отвращение к ней проникло и в современную шотландскую традицию.

Ворон был лжив и опасен, за ним нужен был глаз да глаз, и его следовало умиротворять с помощью определенных ритуалов (рис. 45). Именно в воронов превращались ирландские богини войны, представая не в человеческом облике; ворон был слугой и посланником некоторых богов.

Птицы Иного Мира в языческой кельтской традиции пели нежными голосами; их пение заглушало боль и дарило наслаждение. Судя по тому, как их изображали в иконографии и представляли в текстах, они принадлежали какой-то сияющей богине, одаренной сексуальным могуществом; как боги, так и герои сватались к ней и завоевывали ее.

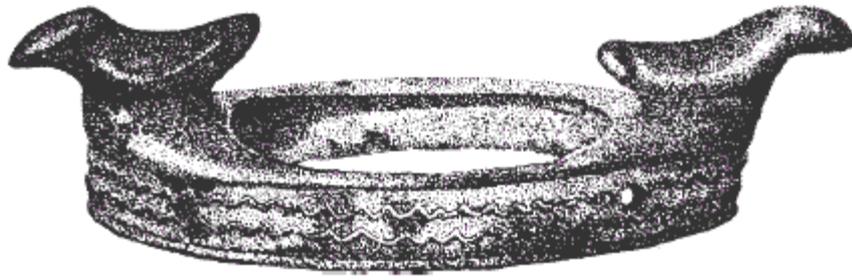

Рис. 45. Ручка (?), украшенная воронами, из Лиснакрогера (графство Антрим, Ирландия).

Предания и суеверия относительно птиц все еще продолжают жить в фольклоре современного кельтского мира. Они говорят о том, что символика птиц в религиозных традициях языческого мира имела основополагающий характер.

Животные в кельтской мифологии

Наконец, мы должны кратко рассмотреть роль животных в языческой кельтской мифологии. Животные играли весьма яркую и отчетливую роль в кельтских традициях, уступая в этом только птицам.

Кабан в древнем кельтском обществе, судя по всему, был животным *par excellence*. Начиная с латенского времени есть многочисленные свидетельства его почитания. Данные из галынтатских погребений, где встречаются кости свиней, говорят о том, что и в более древние времена они имели какое-то ритуальное значение. Иконография романо-кельтских областей дает множество примеров изображений свиньи или кабана (рис. 46); островные тексты также содержат многочисленные упоминания об этом животном - и как о сверхъестественном создании, и как о любимом блюде людей и богов. Это была излюбленная добыча охотников, пища героев. Сексуальные возможности, физическая сила, героическая оборона загнанного в угол кабана и его страсть к плодам священного дерева - дуба - обеспечили свиньям и кабанам почетное место в кельтской мифологии. Существовал даже галльский бог, которого звали Мокк, то есть «Свинья»; другой носил на своем теле огромного кабана (рис. 47). Простые алтари таинственного бога северной Британии Ветерия, или Витирия, как он еще называется в надписях, также украшали изображения кабана и змеи.

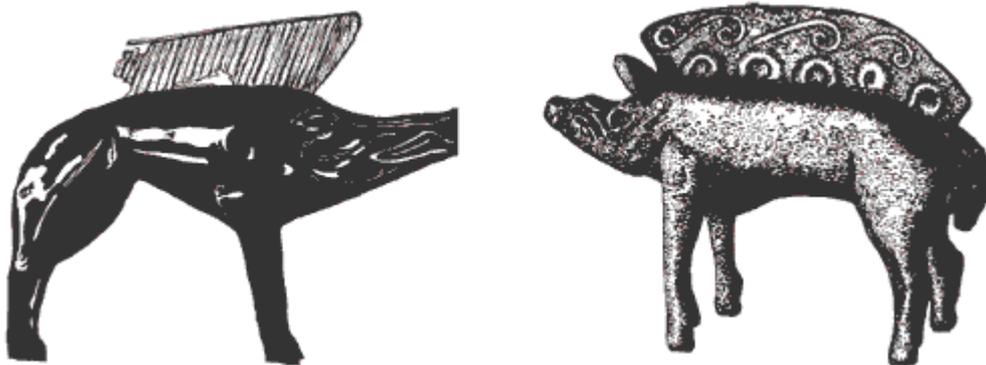

Рис. 46. Бронзовый кабан из Невиан-Суйя (департамент Луаре, Франция); бронзовый кабан из Баты (Толна, Венгрия).

Рис. 47. Каменная фигура из Эффинье (департамент Верхняя Марна, Франция).

Мы уже говорили об олене как об атрибуте Кернунна (рис. 48). Лошадь также высоко почиталась начиная еще с эпохи полей погребальных урн. Бык (рис. 49), судя по всему, играл несколько подчиненную роль, тем не менее он все-таки был очень важен для местных культов. В религиозной иконографии белгов часто встречается трехрогий бык; некоторые такие изображения из бронзы дошли до Британии. «Похищение быка из Куальнге» вращается вокруг титанического сверхъестественного быка - Бурого из Куальнге, который первоначально был антропоморфным божеством, а потом принимал множество животных обликов, пока не стал могучим быком. Но представляется, что в мифологиях языческих кельтов до некоторой степени преобладали кабан и олень. Баран (рис. 50), как в облике таинственной змеи с бараньей головой, так и в своем естественном виде, также фигурирует в культовых контекстах, в то время как бог с бараньими рогами хорошо засвидетельствован в ранней иконографии.

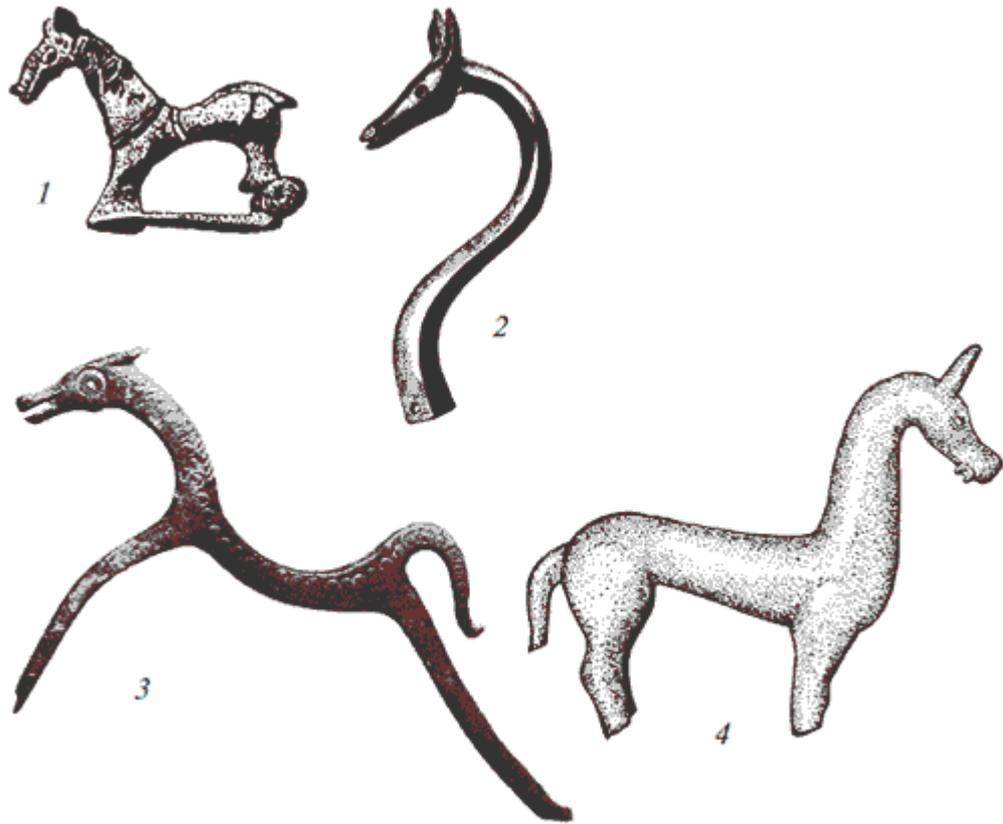

Рис. 48. 1 - фибула с изображением лошади (Швибердинген, Людвиксбург, Германия); 2 - лань (Таунус, Германия); 3 - лошадь (Силчестер, графство Гэмпшир); 4 - лошадь (Фризен, Саарланд, Германия).

Некоторые водные существа также играли свою роль в создании сверхъестественных легенд. Самым важным из них был лосось; его считали хранителем мудрости Иного Мира; его облик принимали некоторые божества, он был духом и символом священных рек и озер. Согласно ирландской традиции, лосось поедает орехи священного орехового дерева, падавшие вниз, в пруд, и поэтому его мудрость и сверхъестественные силы постоянно обновлялись. На рельефе из Галлии показана человеческая голова между двумя огромными лососями; возможно, это следует объяснять как передачу магической мудрости волшебной голове. Точно так же некоторые галльские боги и скандинавский Один получали свое знание о мире и о событиях в нем от двух воронов, которые сидели у них на плечах и вещали им в прямо в уши.

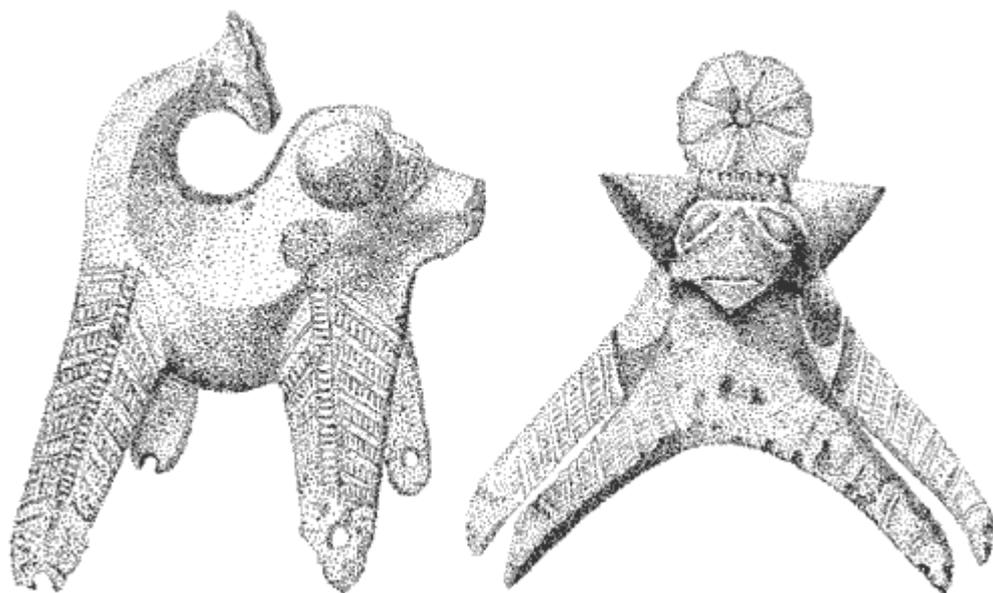

Рис. 49. Изображение быка на бронзовой детали колесницы из Булбери, Дорсет.

Собака (рис. 51) также играла свою важную роль в мифологии кельтских народов. Как мы уже знаем, герою Кухулину было запрещено есть собачье мясо. Нодонт, бог, которого почитали в Лидни, также во многом ассоциировался с собаками. В одном случае его имя сопровождается изображением собаки, и это заставляет предполагать, что, как и кельтские божества вообще, Нодонт мог быть оборотнем и по собственной воле принимать облик своего культового животного.

Рис. 50. Баран на серебряном торквесе из Манербио-суль-Мелья (Брешия, Италия); баран на золотом торквесе из клада, обнаруженного в Фран-ле-Бюиссеналь (Эно, Бельгия).

Рис. 51. Бронзовая собака (место находки неизвестно).

Иной мир

Кельты страстно и радостно верили в Иной Мир, дом богов, источник всех наслаждений и счастья. Они верили в продолжение материального существования. Их погребения были снабжены предметами, которые считались необходимыми для путешествия в Иной Мир и пира. Умный и бесстрашный герой мог силой пробиться в Иной Мир в своем смертном обличье, используя предательство и хитрость. Богиня могла влюбиться в героя и взять его с собой в собственное волшебное царство. Нигде мы не видим, чтобы Иной Мир служил наградой за хорошее поведение. Понятия добра и зла просто отсутствовали в представлениях кельтов о жизни после смерти, за могилой или даже пребывании в Ином Мире при жизни - с каким-нибудь божественным созданием. Иной Мир естественным образом принадлежал каждому человеку: он был таким же определенным и почти столь же осязаемым местом, как и мир людей.

Магия господствовала над всей кельтской религией; на религию влияло также правильное или неправильное исполнение ритуала. Боги кельтов были столь же ловкими и непредсказуемыми, как и их соплеменники; если найти к ним подход и умиротворить их согласно их личным склонностям жертвоприношениями и чтением заклинаний и песнопений, они могли стать добрыми и благодетельными. Если ими пренебрегали, оскорбляли их, то они становились жестокими и беспокойными. Боги часто посещали мир людей и шутили с теми, кто попадался им на пути. Они не были ни непобедимыми, ни бессмертными. Считалось, что они могут умереть, как и сами люди.

Заключение

В этом вынужденно кратком очерке на большую и сложную тему мы сказали достаточно, чтобы можно было рассмотреть, хотя бы в самых общих чертах, основные особенности языческой кельтской религии. Цезарь говорил:

«Все галлы чрезвычайно набожны», и все имеющиеся у нас данные подтверждают это наблюдение. Жизнь языческих кельтов - и, до некоторой степени, их потомков-христиан - окутана и пропитана суевериями и мелкими религиозными приметами, искупительными обрядами, заклинаниями и действиями, которые должны были отвратить зло. Ни одна птица не могла пролететь над головой кельта или опуститься на землю без того, чтобы ее движениям не придали какое-нибудь значение; мясо некоторых животных нельзя было есть из-за религиозных табу; здания не сооружали без определенных жертвоприношений, животных или человеческих (останки жертв хоронили под фундаментом), и тому подобного. В каждой сфере повседневной жизни кельты считали необходимым защищаться от

богов и сил Иного Мира так, как учили их друиды в глубокой древности; это учение повторяло каждое новое поколение жрецов и провидцев. Плохим человеком был тот, кто не исполнял все искупительные обряды, навлекая тем самым гнев богов: он считался просто глупцом, невоспитанным и лишенным разума.

Хотя религия языческих кельтов и была варварской и достаточно неясной, без четкой системы, без догматики, она впечатляет своей откровенностью и тем, насколько огромную роль играла в жизни народа. Более того, она была достаточно однородной на большой территории и на протяжении длительных периодов времени, чтобы обладать собственным индивидуальным характером, который делал ее преимущественно отражением духовной жизни народа. Таким образом, она заслуживает определенного места среди религий Древнего мира.

Глава 7

Кельтское искусство

Под кельтским искусством в данном контексте мы подразумеваем стиль искусства, который зародился в кельтском обществе в латенский период. Именно этот в высшей степени оригинальный и сложный набор декоративных мотивов стал реальным и характерным вкладом кельтов в основы европейской культуры. Вполне очевидно, что он ведет свое начало от мотивов, заимствованных из самых разных источников, но кельтские художники, особо даровитые в этой области, превратили их в сложное и необыкновенно утонченное целое. Часть таких произведений должны были выполняться в камне, и гораздо больше узоров, наверное, украшали кожу, кость и дерево. Однако именно в работе по металлу мастерство кельтских художников достигло полного расцвета. В основном стиле имелись большие региональные различия, и искусство Британии и Ирландии значительно отличалось от континентального. Многим критикам оно кажется сдержанным и с эстетической точки зрения, пожалуй, превосходит почти безумную сложность более поздних континентальных образцов. Хотя в основном это искусство декоративно, его нельзя отделить от религии и магии: именно они служат основой многих наиболее типичных мотивов.

Рис. 52. Колесничная чека из Грабенштаттена (Урах, Германия).

Рис. 53. Образцы кельтских изображений голов.

В 600 году до н. э. в Массилии (Марсель) в устье реки Роны была основана греческая торговая фактория. Вся кельтская округа оказалась подвержена различным средиземноморским влияниям. Помимо всего прочего, кельты стали импортировать вино из Ионии и Этрурии, вино это поставлялось в больших сосудах, называвшихся ойнохоями. Они были украшены античными орнаментами, происхождение которых было самым разным; в них преобладали растения, листья и другие природные мотивы. Кельты с удовольствием потребляли содержимое сосудов, а их орнамент, очевидно, оказал влияние на кельтских художников. Сочетая эти классические мотивы, а также старые местные художественные и религиозные европейские мотивы бронзового века (священные водяные птицы, символы Солнца и т. д.) с галлытатскими геометрическими формами и великолепным «звериным» стилем персов, скифов и других, еще более восточных народов, кельты развили собственный, оригинальный и увлекательный стиль искусства. Все эти заимствованные элементы смешались столь незаметно, что происхождение каждого из них покрылось мраком; натурализм уступил фантазии, простой мотив превратился в бурный поток, в сложный узор. Необыкновенная интенсивность и небывалое разнообразие кельтского искусства завораживает. Можно часами, буквально не разгибая спины изучать какой-нибудь узор, но так и не понять всю его сложность. Редко случается, чтобы два отрезка одного и того же узора

оказались совершенно одинаковыми, и в то же время целое отнюдь не выглядит негармоничным. Асимметричные узоры кажутся симметричными, хотя в то же время во многих случаях практически невозможно найти два идентичных фрагмента повторяющегося узора. Рисунок течет, разливается, у него нет ни начала, ни конца. Он просто есть. Кельтский стиль искусства подводит нас к самой сути кельтского характера. Он воспроизводит извилистую и сложную структуру мышления кельтов, сложность их языка, показывает запутанную, постоянно меняющуюся и таинственную природу их религии. Короче говоря, кельтское искусство - это впечатляющее обобщение всего существенного и своеобразного в духовной жизни кельтов. Итак, новый стиль искусства использовался для декорирования оружия и личных украшений аристократов, от покровительства которых зависели художники. Так украшали котлы и металлические фляжки для вина, конскую сбрую (рис. 52), и, несомненно, в том же стиле были выполнены деревянные орнаменты в домах. Этот стиль проявляется в предметах религиозного характера, хотя религиозные мотивы постоянно встречаются и на вполне утилитарных изделиях. Священные символы - такие, как человеческая голова (рис. 53), головы птиц и зверей, которым поклонялись кельты, волшебные птицы, священные деревья и другие подобные элементы, - сливаются в бесконечный текущий узор и в то же время резко из него выступают.

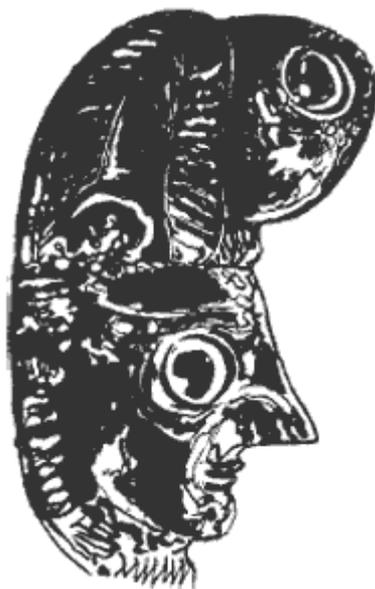

Рис. 54. Женская головка, увенчанная головой совы (Райнхайм, Саарланд, Германия).

Пауль Якобсталь был первым великим специалистом по древнему кельтскому искусству, выявившим три основных источника, из которых кельты черпали свое вдохновение. Сегодня археологические исследования показывают, что, хотя Якобсталь был в основном прав, речь идет о более сложном и разнообразном воздействии со стороны на кельтское искусство, чем можно было подумать в то время. Маловероятно, что древнекельтские мастера взяли прямо с Востока наиболее экзотические элементы. Все они существовали в Средиземноморье, и, очень возможно, кельты заимствовали их непосредственно из Италии вместе с другими, более знакомыми античными мотивами.

Говоря о раннем кельтском искусстве вообще, Якобсталь писал: «Репертуар кельтского искусства был весьма узок. Изображение человека ограничивалось огромными каменными статуями типа менгиров, в бронзе - несколькими бюстами или миниатюрными, похожими на кукол, человечками и множеством голов. Животных, которые выглядели бы естественно, очень мало; большинство из них фантастичны и чрезвычайно стилизованны». И далее, подчеркивая существенное различие между классическим и кельтским искус-

ством, Якобсталь пишет: «Для греков спираль - это спираль, а лицо - лицо. Всегда ясно, где кончается одно и начинается другое. А кельты могли «читать» лица в спиральных и завитках. Двойственность - неотъемлемая черта кельтского искусства».

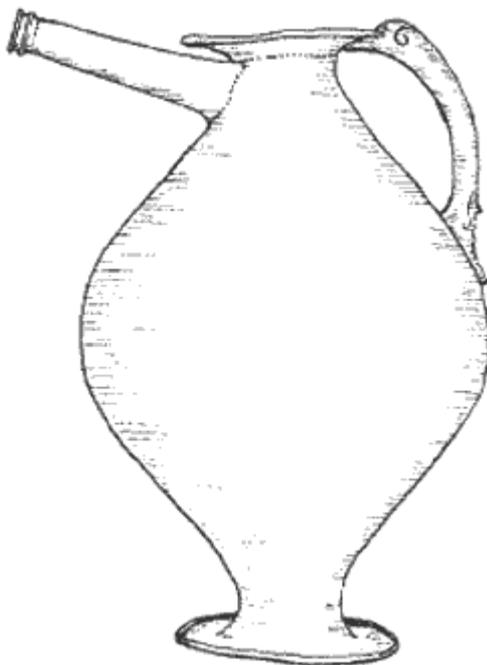

Рис. 55. Общий вид фляжки из погребения с колесницей в Вальдальгесхайме (Хунсрюк, Германия).

Раннее кельтское искусство делится на стили, которые соответствуют ранней, средней и поздней фазам латенской культуры; это деление относится только к Европе. Что касается Британских островов, то кельтское искусство там было настолько своеобразным, что его надо рассматривать в отдельности от континентального. К тому времени, когда в Ла-Тене на озере Невшатель около 100 года до н. э. были в огромном количестве захоронены жертвенные приношения, кельтское искусство на континенте практически выдохлось. Продолжать традицию суждено было Британии и Ирландии, которые внесли в нее весьма заметный вклад.

Стили искусства

Ранний стиль

На континенте кельтское искусство возникает в середине V века до н. э. Специалисты выделяют основные черты этого раннего периода, первой фазы, которую назвали ранним стилем. На этой начальной стадии кельтское искусство неизбежно было экспериментальным и незрелым, однако даже тогда оно уже имело яркий, индивидуальный характер и заимствованные элементы превратились в кельтские, по сути своей, мотивы. Одна из самых впечатляющих гробниц, в которой была похоронена могущественная королева или княгиня, найдена в Райнхайме близ Саарбрюкена в 1954 году. Датируется она IV веком до н. э. Покойница была погребена в великолепной могиле, снабженной богатым погребальным инвентарем, что, как и погребение в Виксе, говорит о силе и могуществе, которым обладали женщины в кельтском обществе. Сама погребальная камера построена из дуба; никакой повозки в ней, судя по всему, не было. Предметы, обнаруженные в гробнице, поража-

ют богатством и красотой. Одна из наиболее утонченных вещей - это витой золотой торквес. На его концах - сложные украшения в виде женских голов, поверх которых мы видим головы сов (рис. 54). Тела растворяются в декоративной листве. Возможно, эта богиня, атрибутом которой была сова, кельтская предшественница классического типа Минервы. Браслет-полумесяц, найденный в этой гробнице, украшен подобным же образом. Кроме того, был найден закрытый браслет, ажурные золотые кольца и другие золотые вещи. Одна из наиболее прекрасных вещей в погребении - это знаменитая бронзовая фляжка с носиком, которая очень похожа на фляжку из кельтской могилы в Вальдальгесхайме (рис. 55).

Более ранняя могила, датируемая примерно VI веком до н. э., где также была похоронена могущественная королева или княгиня, была обнаружена в Виксе (Шатийон-сюр-Сен). Близость погребения к крупному хиллфорту на Мон-Лассуа и присутствие рядом другого значительного погребения заставляют предполагать, что это один из кельтских центров власти и влияния. В кургане находилась погребальная камера из досок, где найдена колесница с бронзовыми украшениями. Одним из прекраснейших предметов в гробнице оказалась диадема или, скорее, золотое ожерелье, украшенное крылатыми лошадками. Это импортный предмет южного происхождения. Среди погребального инвентаря присутствовали также броши, бронзовые сосуды, бронзовый флакон и большой бронзовый кратер из Греции.

Вальдальгесхаймский стиль

От этого раннего, экспериментального стиля мы переходим ко второй фазе кельтского искусства - так называемому вальдальгесхаймскому стилю (около 325-250 годов до н. э.). Она показывает, что внутри старого стиля развились новые тенденции. Симметрия была отброшена, и узоры стали свободными и текучими. Художественные мотивы теперь еще дальше отходят от своих средиземноморских и восточных прототипов.

Рис. 56. Животное, похожее на лошадь, первоначально находившееся на крышке кувшина из Вальдальгесхайма.

Вальдальгесхаймский стиль получил название по княжескому погребению, обнаруженному в Вальдальгесхайме, округ Кройцнах. Речь идет о двойном погребении мужчины и женщины; в могиле также обнаружена колесница с полной сбруей. Это одна из последних по времени могил среди роскошных кельтских погребений на Рейне. Среди богатого погребального инвентаря находился уже упомянутый кувшин, принадлежавший к более раннему стилю. Тулово кувшина украшено легкими гравированными узорами. На верхней

части ручки помещена голова барана; нижний ее конец украшен мужским лицом с бородой и усами; его лоб украшает отчетливая корона из листьев - Якобсталь полагал, что это признак божества. На реконструированной крышке находилось животное, напоминающее лошадь (рис. 56). На других металлических предметах в этом погребении мы наблюдаем новый стиль, который постепенно развивается из раннего.

Среди золотых предметов находился торквес с прекрасным сложным орнаментом из рельефных спиралей и петель на концах и прилегающих к ним частях кольца. Был и витой закрытый браслет, украшенный «бусами» между завитками, а также два великолепных браслета-полукольца с богатым орнаментом на концах и задних частях петель. В спиральный узор вплетены человеческие головы (рис. 57), а спирали, выходящие из лба и продолжающиеся по бокам головы, выглядят так, будто они изображают рога. Мы уже видели, что баран часто фигурирует в латенском искусстве. Кельты очень почитали рогатого бога - будь то с рогами оленя, быка или барана.

Рис. 57. Лица, вплетенные в узор на браслете-полукольце.

В этом погребении были обнаружены также два орнаментированных наконечника для ярма колесницы, правда украшенных весьма скромно. Кроме того, была найдена пара великолепных бронзовых пластинок. Каждая из них украшена головой с типичными выпуклыми глазами, выразительно очерченными бровями, заходящими на боковую сторону лица, в своеобразной короне из листьев. Тонкие руки подняты в религиозном жесте - так называемая поза оранта (молящегося), которую друиды использовали во время молитв; на шее надет торквес.

Вальдальгесхаймский стиль широко распространился по всему кельтскому миру. Фактически он фигурирует на одном или двух ножках в большом ритуальном захоронении предметов в самом Ла-Тене.

Пластический стиль

Эта фаза латенского искусства датируется примерно 275 годом до н. э. Она возникла одновременно с так называемым стилем мечей. Пластический стиль широко использовался для предметов из бронзы, предназначенных в качестве украшений, а также для деталей колесницы. Большой вотивный котел из Бро в Ютландии - прекрасный образец этого более мощного и жесткого стиля. Как писал Сандерс, в нем уравновешены природа и пространственная геометрия. Сам котел показывает, что один стиль не прекращался внезапно, уступая место другому. Котел - ритуальный сосуд вместимостью около 28 галлонов - был намеренно разбит. На нем можно видеть множество прекрасных образцов вальдальгесхаймского стиля, и в то же время в целом он представляет новый, пластический стиль. Диаметр его горлышка около 3 футов. Тулово изготовлено из тонкой листовой бронзы, и на железный обод наложен литой бронзовый край. Как единая деталь с соединениями, поддерживающими три ручки, отлиты совиные головы; каждая ручка обрамлена парой бычьих голов из литой бронзы. Котел изготовлен в III веке до н. э., возможно, в Богемии или Моравии.

В том же стиле выполнен бронзовый предмет из Франции, на котором представлен вариант священного кельтского мотива тройной головы. В узор из переплетающихся спиралей вплетены три человеческие (или, точнее, сверхчеловеческие) головы. У них странные, искаженные черты: на одной стороне головы - огромный глаз, на другой - маленький; только на одной стороне головы мы видим зачесанные назад пряди и только на одной стороне лица - бороду; есть здесь и родинка или бородавка. Все это, как говорит Сандерс, напоминает о герое, подобном Кухулину, в тот момент, когда он переживает одно из своих «искажений»: «Между тем обратилось лицо его в красную вмятину. Внутри втянул он один глаз, да так, что и дикому журавлю не изловчиться бы вытащить его из черепа на щеку. Выпал наружу другой глаз Кухулина, а рот дико искривился».

Рис. 58. Человеческие маски почти негроидного типа из Марсона (департамент Марна, Франция).

Пластический стиль применялся прежде всего в бронзовых предметах, предназначенных для личного пользования. Это грубоватый стиль, с менее текучими движениями, чем предыдущие. Особенно впечатляют золотые торквесы этого периода. Три утонченных образца найдены вместе с тремя другими в Фенуйе (департамент Верхняя Гаронна). Некоторые человеческие маски, которые использовались в пластическом стиле, выглядят почти как негроиды (рис. 58). Значительный центр ремесленного производства в пластическом стиле, судя по всему, существовал на территории бойев (Богемия), и одним из лучших изделий этого центра как раз является котел из Бро.

Наконец, в этом кратком обзоре фаз кельтского искусства на континенте мы переходим к последней фазе - стилю мечей, который на деле существовал одновременно с пластическим стилем.

Стиль мечей

Этот стиль, который датируется примерно 275 годом до н. э., намного более оригинален, чем пластический. Для него характерны легко гравированные линейные узоры на металлических изделиях, например бронзовых и железных ножнах, некоторые из которых были обнаружены в Венгрии и Швейцарии. Этот стиль многим был обязан образцам стиля вальдальгесхаймского; в нем преобладали асимметрические мотивы.

Таковы были те многие стили, на которые удобно подразделять континентальное кельтское искусство.

Британские острова

Британия

В ходе контактов с Британией искусство континентальных народов, от которых оно пришло, постепенно изменилось, как и очень многое в кельтской культуре.

Точно так же, как естественно ожидать различий в устройстве общества, в размере домов, в степени сложности домашнего быта и тому подобного, так же естественно ожидать изменений и модификаций в стилях искусства.

В Британии есть несколько импортных образцов раннего стиля, однако датировка местных изделий проблематична. Кельтские художники и умелые ремесленники зависели от покровительства князя, который давал им работу. Прежде всего, кельтские аристократы с континента должны были привезти с собой своих художников. Но даже в этом случае разница в стиле заметна с самого начала. Предпочтение, которое в британской работе отдается насечкам, возможно, объясняется тем, что их любили и островные ювелиры, работавшие по золоту для аристократии бронзового века. Фокс, в своем прекрасном исследовании островного кельтского искусства, анализирует 16 предметов, которые, по его мнению, являются импортными и которые положили начало моде, развили вкус к кельтскому искусству до того, как появился подлинный островной стиль. Например, подвесной котел из Керриг-и-Друидион в Денбишире (рис. 59) украшен насеченным орнаментом из пальметок и завитков. Он связан с поздней стадией континентального раннего стиля, и в том, что касается орнамента, его непосредственные прототипы, судя по всему, находились в северо-восточной Галлии. Поскольку орнамент на основании котла и выступающем ободке можно было видеть только снизу, полагают, что котел вешали на четырех цепях, причем достаточно высоко, чтобы орнамент был полностью виден.

Второй из тех предметов, о которых говорит Фокс, - это великолепная накладная на ножнах из Уизбеча, Кембриджшир (рис. 60). Орнамент очень похож на орнамент котла из Керриг-и-Друидион, однако менее сложен. Как указывает Фокс, этот орнамент опять-таки следовало рассматривать под особым углом, ведь человек смотрел на меч, который висел у него на бедре. Художник должен был планировать свой рисунок из пальметок и завитков именно для рассмотрения в такой перспективе. Другой пример орнамента, предназначенного для рассмотрения под определенным углом, - это великолепная голова, вырезанная из сердцевины дуба, которая недавно была обнаружена в графстве Типперери (Ирландия) и которую сейчас изучают специалисты по кельтскому искусству. Тот сложный и запутанный орнамент, которым она украшена, виден лучше всего, когда голова находится значительно выше стоящего, на постаменте. Треугольники, насеченные на краях ножен из Уизбеча, являются составными частями орнамента, который хорошо известен в континентальном искусстве. Фокс датирует эти ножны серединой III века до н. э.

Рис. 59. Нижняя часть ободка (реставрация) подвесного котла из Керриг-и-Друидион, Денбишир.

Рис. 60. Бронзовая накладка на ножнах для короткого меча из Уизбеча, Кембриджшир.

Еще один пример европейской вещи, импортированной на Британские острова, - это замечательный бронзовый наконечник для рога, найденный в Темзе у Brentford (Миддлсекс). В отличие от двух уже упомянутых предметов он выполнен в вальдальгесхаймском стиле, тем не менее, возможно, является более поздним. В британских предметах мы редко находим настоящую работу в этом стиле. Выдвигались предположения, что данная вещь вовсе не импортная, а островная, однако это спорный вопрос. Как мы уже знаем, два наконечника для рога были обнаружены в вальдальгесхаймской могиле. Фокс сравнивает завитушки на наконечнике из Brentford с утиными головами - и действительно, в кельтском искусстве часто встречаются птицы, как и человеческие головы и животные, приобретающие фантастические, неестественные формы.

Имеются некоторые данные, что для украшения этой вещи использована красная эмаль. Эмаль, видимо, заполняла фон, и контраст между ее ярким цветом и сияющей бронзой должен был бросаться в глаза. Эмаль использовали на континенте уже довольно давно, и этот наконечник для рога, видимо, датируется примерно началом III века до н. э.

Пальметки часто фигурируют на вещах, относящихся к группе раннего импорта. Вдобавок к уже упомянутым предметам, существует ряд кинжалов с орнаментированными ножнами, которые, судя по всему, также были завезены в Британию с континента. На тех из них, что снабжены орнаментом, можно видеть сложные рисунки, зачастую в форме геометрического узора. Фокс указывает на интересное распределение этих предметов. Одиннадцать были найдены в Темзе выше Лондона, между Челси и Ричмондом, и Фокс предполагает, что речь может идти о наличии в этом районе центра торговли или что в этой области находилась столица вторгшихся с континента кельтов, которая пока еще не найдена. Вся эта группа предметов датируется примерно III веком до н. э.

Рассмотрев эту группу предметов, судя по всему импортированных в Британию еще до того, как поселения носителей латенской культуры достигли здесь своего полного расцвета, мы перейдем к кельтскому искусству, которое развилось в самой Британии. Истинные корни этого островного искусства восходят к поселениям носителей марнской культуры в Йоркшире, пришедшим из области Марны во Франции примерно в середине III века до н. э.

Рис. 61. Обратная сторона бронзового зеркала (Бирдлип, Глостершир). На ручке есть эмалевые вставки.

Одним из элементов в этом переселении определенно было племя паризиев, хотя в нем могли участвовать и другие племена. Эта ранняя фаза стилей островного искусства представляет собой творческую переработку вальдальгесхаймского стиля, пластического стиля и стиля мечей художниками, работавшими в нашей стране.

Эволюция кельтского искусства на Британских островах заняла около 300 лет. Примерно с 75-го по 25 год до н. э. настоящий латенский стиль стал преобразовываться под влиянием белгов. Тем не менее некоторые прекрасные образцы кельтского искусства, в частности замечательные орнаментированные бронзовые зеркала, создавались в самом конце островной традиции (рис. 61).

Для изготовления этих орнаментированных вещей использовались как железо, так и бронза. Некоторые островные бронзовые вещи были орнаментированы в линейном стиле, который предполагает существование особой ремесленной школы. Это подразумевало использование техники подвижного лекала и «корзиночных» насечек, которые достигли своего полного расцвета в украшении бронзовых зеркал. Одним из наиболее ранних примеров этого стиля является фрагмент накладки на щит, обнаруженный в Тал-и-Ллин в Мерионете. Его также можно видеть на умбоне щита из Ллин-Керриг-Бах на Англси (рис. 62). Четыре завитка на нем, расположенные по четырем сторонам центрального ребра, содержат мотив «трискеле»[74]. Этот предмет, как и большинство находок из Ллин-Керриг-Бах, следует считать импортированным откуда-то еще.

Рис. 62. Круг на умбоне щита, Лин-Керриг-Бах, Англси.

В Британии отдавали предпочтение асимметричным узорам, и неклассические орнаменты засвидетельствованы гораздо чаще, чем на континенте. В Британии мы видим очень интересную концентрацию зооморфных и орнитоморфных изображений. Например, великолепный щит из Баттерси (первоначально позолоченный и с вставками из красного стекла) орнаментирован с так называемой «складной» симметрией. Хотя он, возможно, датируется I веком н. э., этот щит непосредственно связан с древнейшими образцами островного кельтского искусства. В этой вещи практически нет ничего такого, что не встречалось бы уже в репертуаре кельтского искусства. «Глаза» звероподобных лиц инкрустированы красным стеклом. Орнамент центрального круга напоминает головы сов с огромными выпученными глазами, опять-таки со стеклянными вставками. Точно так же и на детали конского плюмажа, обнаруженной в Торрсе (графство Керкубри), обращают на себя внимание птичий и животный элемент в орнаменте. Здесь мы видим намек на птичьи головы и стилизованные человеческие маски - типичный мотив кельтского искусства. Это уникальное изделие датируется второй половиной III века до н. э. и служит еще одним примером «складной» симметрии, причем гораздо более ранней, чем та, что мы видим на щите из Баттерси. Здесь также хорошо разработана тема завитков.

Многие ранние мотивы, которые мы здесь видели, позднее, в ходе эволюции островного кельтского искусства, исчезли. В этом случае Фокс опять-таки показывает, что художник предназначал предмет для того, чтобы его рассматривали во время использования, и узор на плюмаже лучше всего должен был выглядеть с точки зрения воина, стоявшего на колеснице и смотревшего на лошадь сверху. Ракурс орнамента с этой точки зрения должен был придавать ему нужную перспективу. И здесь очевидно влияние вальдальгесхаймского стиля.

Пара накладок на питьевые рога также была обнаружена в болоте Торрс, и весьма вероятно, что они были созданы в той же самой «художественной школе», что и плюмаж. Накладки из тонкой бронзы заканчиваются головами уток - как мы уже видели, это популярный мотив в островном кельтском искусстве. Глаза инкрустированы кораллом или красным стеклом; орнамент-насечка весьма сложен. Фокс предполагает, что эти предметы были изготовлены в северо-восточной Англии.

Несомненно, этот плюмаж предназначался для парадных целей, как и многие другие вещи, обнаруженные в болотах, озерах и реках, - к примеру, тонкие бронзовые щиты, видимо, были сделаны в первую очередь для этого, поскольку они слишком хрупки для использования в бою.

Таким образом, в кельтском искусстве Британии можно выделить две основные школы. В одной преобладал линейный стиль, а в другой - тот, что можно назвать щитовым стилем. Ни в Британии, ни на континенте пока не было обнаружено остатков настоящих кель-

тских мастерских, однако мы знаем, что такие ателье должны были существовать. Художники пользовались циркулями, но прибегали также и к свободным узорам, которые, однако, были основаны на циркульной технике.

В Британии кельтский стиль искусства расцвел мгновенно - по контрасту с его медленным развитием на континенте. Как удачно выразился Сандерс, «в любом случае наблюдателя поражает именно общее постоянство и гармония островной традиции».

Есть и еще одно различие в том, как создавалось кельтское искусство в Британии и на континенте: орнамент на ножнах континентальных кельтов делал обычный кузнец, в то время как в Британии этим занимался ремесленник, работавший по бронзе. Некоторые из наиболее утонченных образцов островного кельтского искусства украшают именно ножны мечей. Большинство из них было обнаружено в северной Ирландии; единственная подобная вещь в Британии была найдена в Багторпе, в Восточном Райдинге (Йоркшир). Здесь использован узор в виде штрихованных насечек. В результате получился один из самых очаровательных образцов островного кельтского искусства. Это - великолепный пример северной школы, прежде всего оковка ножен. Эти ножны близко связаны с подобными им вещами того же времени, обнаруженными в северной Ирландии, которые датируются I веком до н. э.

Как указывает Фокс, бронзовые ожерелья, судя по всему, заменили золотые торквесы к I веку до н. э. Некоторые из них очень величественны и сложны, как, например, ожерелье из Стикхилла у берегов Твида в Роксброшире с его шарнирно-укрепленной задней частью, а также впечатляющее ожерелье, обнаруженное в Лохар-Мосс в Дамфрисшире (около I века н. э.); видимо, это было место для votивных приношений. Верхняя часть ожерелья образована из бусин, а передняя часть украшена узором из завитков. К изделию с помощью заклепок была прикреплена ажурная полоса.

Таким образом, в Северной Британии существовала процветающая художественная школа, которая достигла своего расцвета в эпоху непосредственно после и до Рождества Христова.

Все эти данные о кельтском искусстве, религии и поселении в графстве Дамфрисшир в Шотландии представляют собой замечательное явление и свидетельствуют о том, что по какой-то причине здесь образовалась процветающая и жизнеспособная кельтская община.

Ирландия

Ирландия представляет исключительный интерес с точки зрения кельтологии вообще, поскольку это не только единственная кельтская страна, которая избежала прямого влияния Рима: традиция и архаический язык Ирландии много говорят нам о ее обществе и его индивидуальных особенностях. В Ирландии была обнаружена небольшая, но очень впечатляющая подборка предметов латенского искусства. Фактически этот стиль искусства имеет свою непрерывную традицию (в отличие от тех регионов, которые подпали под власть римлян), и он продолжал существовать, конечно с некоторыми очевидными изменениями, уже в эпоху Средневековья - в виде великолепного искусства ирландского христианства. Камни, металлические изделия, рукописи буквально стонут под тяжестью роскошных и величественных орнаментов, сотворенных художниками-христианами. Они столь же вдохновенно трудились, дабы прославить своим искусством Бога, как и их языческие предшественники, которые пытались выразить чувства языческого общества по отношению к божествам древнего кельтского мира. Магия и потаенный смысл остаются - однако теперь в основном они выражают христианские понятия. Иногда присутствует и языческий элемент, чтобы показать антихристианские силы. Порой кажется, что художник иногда позволяет себе изобразить скрыто языческий символ для своих собственных целей, что, видимо, показывает его вполне понятное нежелание полностью посвящать се-

бя новой религии и тем самым навеки отказаться от тех сил, которые управляли жизнью предков самого художника и его народа.

Внезапный расцвет латенского искусства в северной Ирландии можно объяснить приходом в эту страну отрядов кельтских захватчиков, возможно, во II веке до н. э. Они, вероятно, попали в Ирландию через Британию. Более ранняя волна иммигрантов достигла запада страны в III или во II веке до н. э., попав сюда прямо с континента. Эта иммиграция объясняет присутствие в Ирландии двух групп латенских племен и, как мы уже видели, объясняет тот факт, что древнейшее ирландское эпическое сказание «Похищение быка из Куальнге» связано с традиционным соперничеством между обитателями Коннахта на западе и области уладов на северо-востоке.

Самые изящные латенские ножны с Британских островов фактически происходят из северной Ирландии. Прекрасные ножны из Лиснакрогера свидетельствуют о тонком искусстве художников. Вообще археологические находки из Лиснакрогера очень интересны. Он расположен в графстве Антрим и представляет собой низкий холм, первоначально, возможно, кранног[75], в болоте, где был обнаружен клад из различных предметов. Предполагают, что это было место для votivных приношений; такие приношения находят по всей Европе в болотах, трясинах, прудах, озерах, источниках или реках. В 1882 году Лиснакрогер был разрушен безответственными людьми, а предполагаемый кранног разграблен собирателем древностей. Это стало настоящей трагедией для ирландской археологии. Было не только утрачено множество бесценных вещей, но и полностью потеряно для потомства само место, которое многое могло рассказать о языческих кельтских обычаях в Ирландии.

Здесь были обнаружены трое бронзовых ножен. Еще один интересный предмет из того же места - это головка эфеса меча (рис. 45), как ее называют, украшенная парой маленьких, изображенных контурно воронов и полоской красной эмали, через которую проходят извивающиеся бронзовые линии. Присутствие этого объекта, чей культовый аспект подтверждает наличие воронов, усиливает предположение, что это действительно было место votivных приношений. Сохранившиеся ножны, очевидно, родственны несколько более поздним ножнам из Багторпа, о которых мы уже говорили. Хотя у британских ножен много общего с латенскими изделиями северной Ирландии II-I веков до н. э., как указывает Фокс, в ножнах из Лиснакрогера сохранились некоторые мотивы марнского искусства, которые в британской вещи уже отсутствуют. Другие очень похожие ножны происходят из реки Банн (близ Тума) и из Колрэйна. Эти находки заставляют предполагать, что данный стиль зародился в Ирландии около 175 года до н. э. Диллон полагает, что эти предметы могли быть изделиями одной мастерской. Ничего похожего не найдено ни в какой другой местности Ирландии, и эти предметы показывают четкую связь с континентальным искусством.

В Ирландии найдены и другие великолепные вещи латенского стиля. Среди них - два прекрасных ожерелья, одно из Клонмакнойса в графстве Оффали, а другое из Бройтера, графство Дерри. Ожерелье из Клонмакнойса, судя по всему, было сделано в Ирландии, однако во многом близко и к континентальным образцам. При этом у ожерелья из Бройтера много общего с британским искусством, и его можно сравнить с изделием из Снеттисхэма. Другие предметы говорят о существовании в Ирландии процветающей, индивидуальной школы кельтского искусства, которая заложила основы всего позднейшего процветания творческого гения средневековой Ирландии.

В первые века христианской эры многие предметы импортировались из областей, оккупированных римлянами. Мода на вещи, которые по дизайну первоначально были римскими, но делались с добавлением кельтского орнамента, сохранилась и в VI-VII веках. Многие бронзовые булавки и кольцевидные броши импортировались из Британии. Эти кольцевидные броши происходили от римских образцов. Примерно с начала христианской эры их стали украшать эмалью. Искусство эмали было известно в Ирландии, и здесь местные мастера добились большой сноровки. О головке эфеса меча из Лиснакрогера мы уже говорили. Другой прекрасный предмет был обнаружен в Голуэе в 1959 году. Он датируется

примерно началом I века н. э. и имеет форму диска; вероятно, он украшал деревянный или кожаный предмет, возможно пояс. Орнамент как ажурный, так и рельефный (рис. 63). Когда-то он был заполнен красным стеклом, которое можно было видеть через ажурный узор. Декоративную технику можно сравнить, например, с орнаментом на щите из Баттерси, с умбоном щита из Ход-Хилл и другими изделиями из Британии и с континента. Техника, использованная для изготовления диска из Голуэя, была, как указывает Анри, применена много лет спустя для создания знаменитого потира из Арды, однако это уже находится за пределами нашей темы.

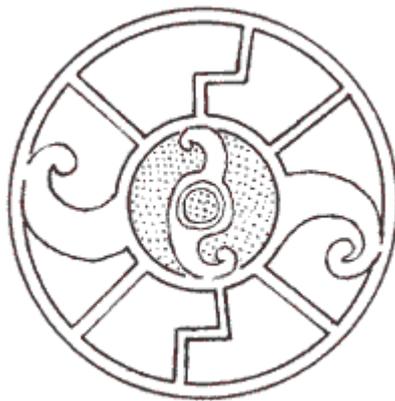

Рис. 63. Диск из бронзы и эмали. Баллинасло (Голуэй, Ирландия).

Таким образом, в Ирландии использовались броши, пряжки и подвесные котлы, изготовленные по римским образцам, и любовь как к технике миллефьори[76], так и к необходимым для нее палочкам из цветного стекла проистекала из этого косвенного контакта с античным миром. Кольцеобразные броши приобрели большую популярность в Ирландии, и к концу Римской империи стали изготавливаться кольцеобразные броши, украшенные эмалью и орнаментом из кривых линий, а также дисками из красной эмали и стекла миллефьори; так что отнюдь не все предметы римского стиля в Ирландии были импортными. В Ирландии продолжали пользоваться циркулями, в то время как в Британии они постепенно исчезли из-за античного влияния. Образцы узоров наносились на костяные пластинки. Как указывает Анри, именно в этот период были заложены все основы для великого искусства позднейшего, христианского периода: «Замечательный континуитет - это один из наиболее поразительных аспектов ирландского искусства», и еще: «Только если мы увидим, что основные элементы и существенные декоративные принципы того искусства, которое расцвело в монастырях после V века, пришли из долгой языческой традиции, то поймем причину такого постоянства в его взгляде на мир».

Великолепное кельтское искусство Ирландии в христианскую эпоху прямо основывалось на великой традиции работы по металлу языческого кельтского мира.

Пока мы рассматривали только металлические изделия дохристианской Ирландии. Однако существовала и каменная скульптура, и то небольшое количество каменных скульптур, что были обнаружены до сих пор, заставляет предполагать, что еще очень многие скульптуры языческой эпохи ждут, чтобы их обнаружили или просто признали таковыми. Можно также думать, что еще больше скульптур погибло под миссионерскими ударами христианских отцов, которые поступали как святой Патрик, который разбил каменного идола Кромм Круаха - «опустил на Кромма молот от макушки до пят». Невольно кажется, что еще очень многие «бессильные чудища» кончили свое существование подобным же образом. Так что языческая иконография, скорее всего, была полностью уничтожена или освящена и приспособлена на благо христианства. Многие камни, украшенные христианскими символами, возможно, были обработаны в Ирландии еще раньше, а языческие изображения были стерты или приспособлены к христианским догматам. Неизменная тради-

ция располагать на видных местах в церквях, на стенах домов или оградах ферм каменные головы - которая в Ирландии развилась до поразительных масштабов, - судя по всему, говорит о том, как сильны были в Ирландии языческие верования в силу человеческой головы. О том же свидетельствует и обнаружение нескольких голов эпохи железного века. Эти головы, как и несколько фрагментов монументальной скульптуры, обнаруженных до сих пор в Ирландии, а также упоминания о каменных идолах в текстах подразумевают более мощную традицию дохристианской каменной скульптуры, чем можно предполагать на основе имеющегося у нас материала. Обзор того, что фактически существует на данный момент, ставит перед нами более общий вопрос об использовании камня в дороманском искусстве.

Монументальная каменная скульптура

Один из наиболее интересных и захватывающих предметов языческой Ирландии - это камень из Туро. Некогда он стоял снаружи укрепления во Фриморе, на территории поселка Туро в Голуэе. Камень представляет собой гранитный булыжник, которому придали куполообразную форму и покрыли декоративным орнаментом. Несомненно, что по своей форме и общему виду камень первоначально изображал фаллос, и его очевидно культовые ассоциации подтверждают это предположение. Высота его составляет почти 4 фута, а покрывающий камень орнамент в основном асимметричный и криволинейный. Основу рисунка составляет листва и мотив диска. Общую разработку орнамента можно сравнить со столбом из Плацфельда. Датировка его проблематична, и в настоящее время существуют самые разные точки зрения на этот счет. Однако орнаментальные мотивы, как кажется, указывают примерно на III век до н. э., и, пока у нас не появятся новые данные, есть достаточные основания считать, что камень из Туро восходит к этому времени. Небольшой предмет, по форме своей напоминающий камень из Туро, обнаружен в Барнвуде, графство Глостер, и в настоящее время находится в музее в Челтэнхэме (рис. 64). Фокс включает его в категорию «магических» предметов, и это кажется вполне разумным предположением, поскольку о его функции точно сказать ничего нельзя. Он украшен трискеле, которые предполагают некие мифологические ассоциации: трискеле (рис. 65) было солярным символом и одним из стилизованных изображений символа креста в бронзовом веке. Здесь можно вспомнить и о трискеле, которые украшают умбон из Ллин-Керриг, и о других предметах.

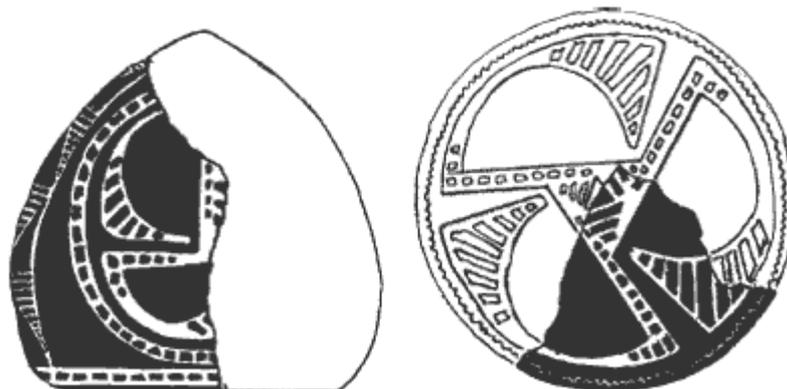

Рис. 64. Известковый конус высотой 9,4 см из Барнвуда, графство Глостер.

Рис. 65. Фалера[77] из Экюри-сюр-Коль (Марна, Франция), украшенная мотивом трискеле.

Итак, и на загадочном предмете из Барнвуда изображены трискеле; его высота около 9,4 см. Техника декорации заставляет предполагать, что он был изготовлен в середине I века н. э. Это местное изделие, и, таким образом, он был сделан в одной из мастерских племени добуннов. Как мы уже видели, кельты почитали некоторые камни и считали, что они находятся под прямым влиянием определенных божеств и духов. Очевидно, что камень из Туро использовался как культовый предмет, который мог быть связан с обрядами плодородия, составлявшими неотъемлемую часть обряда инаугурации ирландских королей.

В Ирландии известны и другие камни, орнаментированные в латенском стиле; они, как и металлические изделия, подтверждают, что кельтские художники умели работать и с этим материалом. Один из таких камней, ныне сохранившийся только во фрагментах из Килликлаггина в графстве Каван, видимо, имел особое значение (рис. 66). Он найден разбитым снаружи круга камней, что очень напоминает упоминание о том, как был разбит Кромм Круах, идол, который также стоял в центре других камней и в том же самом графстве. Эта фигура украшена изящными спиралями, что очень похоже на камень из Туро. Очевидно, что данный камень также был культовым и этот регион в языческие времена имел важное религиозное значение. Как и в Таре (графство Мит), и в других местах, находки здесь восходят по меньшей мере к эпохе неолита. Как говорит о таких местностях Анри: «Они ведут нас в гораздо более отдаленное прошлое в истории поселений людей в Таре: курган здесь покрывает мегалитическую гробницу, в курган над которой было вкопано примерно 40 погребений среднего бронзового века. Эти открытия подтверждают историю Тары как доисторического некрополя и святилища, которое позднее было приспособлено кельтами к потребностям новой эпохи и превращено в королевскую резиденцию, которая все еще сохраняла свою религиозную ауру».

Рис. 66. Остатки узора, высеченного на камне в Килликлаггине, графство Каван.

Все наши данные говорят о том, что в Ирландии, как, несомненно, и в других областях языческого кельтского мира, древние священные места были новаторски использованы кельтами для собственных религиозных целей.

На поверхности другого камня из Каслстрэнджа в графстве Роскоммон был насечен рисунок из кривых линий, что опять-таки напоминает камень из Туро. Это гранитный валун высотой 2 фута; фактически это раннекельтская стела типа тех, что встречаются в Бретани и других местах. Эти ирландские образцы каменной скульптуры имеют близкие параллели в иконографии языческой кельтской Европы. Один из наиболее впечатляющих предметов найден в Плацфельде (Хунсрюк) и теперь находится в музее Бонна. Это работа рейнских мастеров представляет собой столб очевидно фаллической формы, конец которого направлен вниз, к земле. Он украшен сложным орнаментом. Наверху его когда-то находилась голова или несколько голов. Предполагают, что он стоял на кургане. Вполне вероятно, что ирландские камни первоначально стояли в подобных местах, возможно отмечая могилу какого-нибудь предка, вокруг которой исполнялись религиозные обряды. Каждая из четырех граней столба из Плацфельда несет на себе грушевидное человеческое лицо, украшенное огромными раздутыми рогами (или венком из листьев) и стилизованной листвой.

Блок песчаника из Вальденбуха (Вюртемберг), только нижняя часть которого сохранилась, орнаментирован рельефом в вальдальгесхаймском стиле. Тело пересекает весьма натуралистичная рука, похожая на руку, изображенную над поясом замечательной фигуры Януса из Хольцгерлингена, теперь в музее Штутгарта. Это двойная статуя из песчаника; суровые черты лица и огромные рога статуи оставляют впечатление какого-то мрачного достоинства. Рука, рога и брови изображены прямыми линиями, что связывает эту скульптуру с более драматической и демонической фигурой из Тандераги близ Арма. У этой фигуры, найденной на территории, которая должна была принадлежать могущественному языческому святилищу - на Арма-Хилл, - рудиментарные рожки, усы, большой рот; словом, впечатление какой-то безумной дикости. Иногда говорят, что на ней рогатый шлем, но на самом деле это иллюзия, которую создает длинная прямая линия бровей, которая заканчивается по бокам головы и не продолжается дальше, как это было бы со шлемом. Таким образом, рога растут из самой головы, как и у континентальных образцов. И эта фигура также могла стоять на каком-нибудь погребальном кургане или находиться в простом святилище, которое впоследствии подчинил и вытеснил христианский центр.

Другой каменный фрагмент в русле той же ранней традиции, из Эхтердингена, теперь также находится в музее Штутгарта и обработан подобным же образом.

В Ирландии обнаружен ряд образцов каменных фигур монументального масштаба, которые, судя по всему, напоминают скорее североευропейские вещи, нежели скульптуры Прованса и долины Роны, на которые большое влияние оказали средиземноморские образцы. Хронологически первая известная нам монументальная фигура из камня (многие такие фигуры в кельтское время должны были делаться из дерева) была обнаружена в 1962 году. Она замечательна как своей древностью, так и крупными размерами. Скульптура, очевидно вдохновленная классическими образцами, обнаружена в процессе раскопок кургана гальштатской эпохи близ Хиршландена. Она представляет собой фигуру воина, одна из рук которого, с поднятым большим пальцем, пересекает тело. Археологи предполагают, что первоначально она стояла на вершине кургана, однако они обнаружили ее во фрагментарном состоянии в непосредственном соседстве с курганом, откуда она, очевидно, была сброшена.

Должно было существовать гораздо больше подобных фигур, но те из них, которые были на виду, видимо, должны были в Средневековье систематически уничтожаться. Это заставляет нас вернуться в Ирландию. Мы уже говорили о рогатой фигуре из Тандераги;

ее можно сравнить с каменной скульптурой, обнаруженной в Блэксесс-Касл в Уэст-Лотиане, Шотландия. У этой фигуры, с ее грубой, суровой простотой, есть много общего с ирландскими фигурами, о которых мы говорим, и ее следует считать еще одной культовой фигурой с Британских островов, относящейся примерно к первым векам до н. э. или н. э. Еще одна фигура из Армы также вполне может быть ранней по дате. Это обнаженная лучащаяся фигура, которая, видимо, изображает какое-то местное божество (рис. 67). Ее вполне можно сравнить с некоторыми романо-бриттскими скульптурами из северо-западной Англии, особенно из района Марипорта в Камберленде, и возможно, что корни ее, в конечном счете, находились именно на этой территории. В Ирландии все фигурные скульптуры и орнаментированные камни обнаружены на севере и западе.

Две фигуры, найденные на островах на озере Лох-Эрн, также обнаруживают сходство с североевропейским материалом. Одна из них - также Янус, причем основной акцент сделан на голову с ее огромными глазами, выделенными двойной линией, прямым носом и небольшим ртом. Голова имеет грушевидную форму, руки перекрещены над поясом. Скульптура производит общее впечатление чего-то архаического. Вторая скульптура не двойная, однако ей свойственны те же древние черты.

Рис. 67. Лучащаяся фигура из Армы, Ирландия.

Рис. 68. Каменная фигура - так называемая «Бабушка» из Сент-Мартинса, остров Гернси.

К той же самой категории грубых, но энергичных скульптур североευропейского типа, возможно, относится и так называемая «Бабушка» из прихода Сент-Мартинс на острове Гернси (рис. 68). Эта фигура, похожая больше на галльских богинь-матерей, чем на что-либо другое, стоит близ церковного двора, изгнанная с христианской территории. Люди все еще дарят ей приношения и считают, что в определенных обстоятельствах она может двигаться и давать ответы.

Из Прованса происходит группа ранних скульптур, гораздо более сложных и несущих на себе явные следы античного влияния. Например, двойная голова, первоначально раскрашенная (две головы наверху разделяет клюв хищной птицы), обнаружена вместе с пятью другими фигурами размером больше, чем в натуральную величину, внутри святилища в Рокепертюзе (рис. 69). Присутствие человеческих черепов в специальных нишах для них, фриз с изображением лошадей и огромный, похожий на хищную птицу, гусь, который располагался над портиком (рис. 70), довершают картину кельтского святилища. Эти фигуры могут относиться еще к IV веку до н. э.

Рис. 69. Пара голов из Рокепертюза (департамент Буш-дю-Рон, Франция).

Другой образец кельтской скульптуры происходит из Эффинье (департамент Верхняя Марна). У этой фигуры такой вид, словно она сделана из ствола дерева, и, несомненно, ее непосредственные предшественники действительно были деревянными. Впереди изображен кабан в латенском стиле (рис. 47). Скульптура, видимо, изображает какого-то бога, специфическим культовым атрибутом которого был кабан. Как мы уже видели, кабан, очевидно, был самым важным и самым священным из всех животных в кельтском мире.

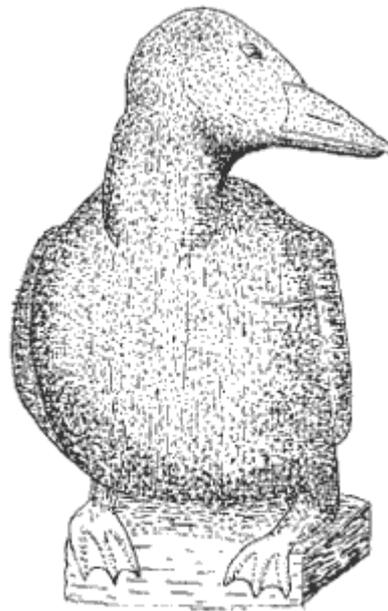

Рис. 70. Каменный гусь из Рокепертюза (реконструкция).

Рис. 71. Каменная голова из Мшецке-Жегровице, Богемия.

Каменные головы в общем и целом датировать трудно. Среди тех весьма многочисленных голов, что происходят из римских контекстов, могут быть и такие, которые фактически относятся ко времени, предшествующему римской оккупации. Весь вопрос датировки таких голов требует пересмотра. Поскольку мы уже говорили о головах в прошлой главе, рассматривая их с точки зрения культа, то здесь мы упомянем только об одной или двух, очевидно ранних. Одна из наиболее знаменитых и впечатляющих голов происходит из Мшецке-Жегровице, Богемия (рис. 71). Она высечена из крупнозернистого песчаника и обнаружена в весьма интересном контексте, на месте, которое было одновременно кузницей и святилищем. Она относится ко II веку до н. э. или к более раннему времени. В одном углу рта есть «дырка для сигареты» - загадочная деталь, которая встречается у кельтских голов на обширных территориях Европы, в том числе и на Британских островах.

Жуткое чудовище на знаменитой скульптуре из Нова держит странные, восточного вида головы. Из Ирландии происходит трехликая голова из Корлека (графство Каван), странные, суровые черты которой типичны для ранних кельтских культовых голов. У трехголового существа нет ушей. В нижней части камня есть отверстие, в которое можно было вставить штырь, и, возможно, первоначально голова находилась наверху столба в каком-нибудь святилище или в священной ограде. Сам Корлек, вероятно, был культовым центром первостепенной важности. Говорят, что там, где найдена трехликая голова, вместе с ней обнаружены и две головы «Янусов», однако они, судя по всему, утрачены. Но в этом месте обнаружили и другие головы; возможно, и «Янусы» еще найдутся.

Голова из Кортинэна, также в северной части Ирландии, - еще один предмет, который может иметь раннюю датировку.

Каменная голова, обнаруженная недавно в стене сада в Хэмпшире, обладает явно кельтскими чертами и в каких-то отношениях напоминает фигуру из Тандераги: небольшие круглые выпуклые глаза; брови, намеченные одной дугообразной линией; рога (в данном случае бараньи); усы, заходящие на щеки; большой рот (хотя он и поврежден, он, очевид-

но, был достаточно велик), - все эти черты указывают на кельтское происхождение, и их можно сравнить с чертами фигуры из Тандераги.

Есть некоторые примеры, которые показывают, что кельты, помимо орнаментирования металлических поверхностей кельтскими узорами и высекания голов и фигур из дерева (которые, несомненно, украшали резными узорами, напоминая татуировку, как, видимо, и деревянные детали в кельтских домах, их одежда и предметы из кожи), изготавливали натуралистические скульптурные фигуры и головы из камня. Имеющийся у нас корпус сохранившихся образцов заставляет предполагать, что раньше существовал гораздо более широкий спектр изделий из камня, нежели предполагалось ранее. Религиозный фанатизм Средневековья, несомненно, способствовал утрате многих из них. Другие, возможно, ждут своего открытия или в церковной земле, или в частных коллекциях, где их истинная природа еще остается непонятой, а то и в подвалах музеев.

Бронзовые фигурки и котлы

Помимо уже рассмотренных нами предметов, кельты изготавливали прекрасные изделия из бронзы, некоторые из которых сделали бы честь такому современному скульптору, как Генри Мур. Порой кажется, что они родились в современном мире, а не в древнем Средиземноморье или варварской Европе.

Замечательная коллекция бронзовых изделий из Невиан-Суйя, а также большой клад, скорее всего зарытый кельтскими жрецами, чтобы спасти сокровища от римлян, происходит из местности с явными религиозными ассоциациями, расположенной на реке Луаре, напротив великого кельтского святилища в Флери-Флориак, и эта находка также говорит о существовании здесь значительного культового центра (рис. 72). Литая бронзовая скульптурка, изображающая танцующую женщину, великолепно передает впечатление ритма и движения (рис. 31). У бронзовой фигуры танцующего обнаженного мужчины черты лица и прическа - типично кельтские (рис. 32). Глядя на нее, мы снова ощущаем изящное, но могучее движение и жизнь. Среди других фигур - изображение человека, видимо играющего на арфе или тарелках (инструмент ныне утерян). Он носит прилегающие клетчатые штаны и клетчатый жакет, давая нам интересный образец одного из типов кельтской одежды. Его волосы также причесаны по-кельтски (рис. 10). Здесь же был найден и великолепный кабан, длиной около 4 футов; видимо, это был боевой штандарт (рис. 46). В этой же коллекции и прекрасный бронзовый олень. Все изделия - весьма тонкой работы, и это снова доказывает, что кельты могли создавать не только фантазийные, но и более или менее натуралистические работы.

Рис. 72. Бронзовая фигурка «жонглера» из Невьян-Суйя (департамент Луаре, Франция).

Кельты использовали котлы в качестве домашней посуды, однако они также изготавливали их и для религиозных целей. Три таких ритуальных сосуда найдены в Дании. Они, судя по всему, использовались как votивные приношения тому или иному божеству. Сам факт их присутствия в Дании служит поводом для дискуссий, однако он часть более широкой проблемы кельтского влияния в Дании вообще. Есть данные, что фактически оно было значительным, но как именно оно происходило, мы не вполне себе представляем. Возможно, за это были ответственны кимвры (северное племя тевтонского происхождения; Страбон говорит о «богатстве кимвров»), но в данный момент мы не можем нарисовать себе четкую картину, хотя то, что в этом регионе работали кельтские художники, представляется вполне очевидным.

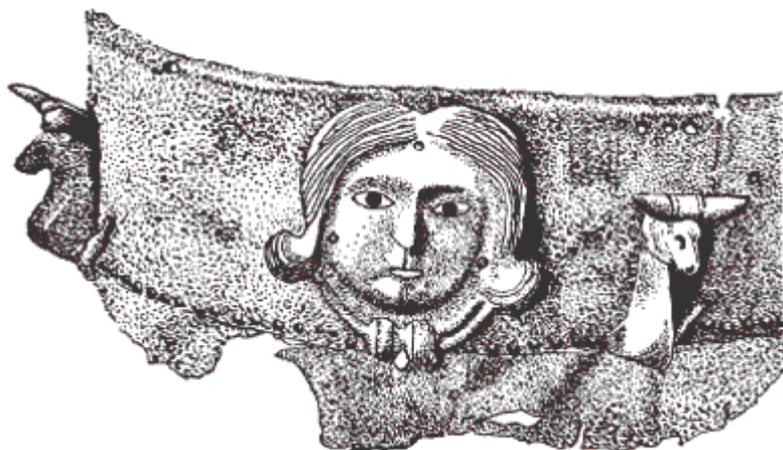

Рис. 73. Фрагмент бронзового котла из Ринкебю (Ютландия, Дания).

Один из упомянутых нами котлов был обнаружен в Ринкебю, на острове Фюн. Он изготовлен из бронзы и датируется примерно I веком до н. э.; видимо, это приблизительная общая дата изготовления подобных котлов. Он украшен человеческим лицом со стилизованными волосами, большими внимательными глазами, которые первоначально должны были быть чем-нибудь инкрустированы, и небольшим, четко очерченным ртом (рис. 73). Шея украшена массивным торквесом с тяжелыми концами. По бокам от головы мы видим две протомы в виде быков. Когда-то к верхней части внутренней стороны котла были присоединены внутренние пластины. Единственная, которая дошла до нас, украшена двумя стоящими лицом друг к другу животными: это кабан и нечто вроде льва. Диаметр котла около 70 сантиметров. Вполне очевидно, что он имеет много общего с двумя чанами, импортированными в Англию с континента, которые также датируются I веком до н. э. Это так называемая «чаша Мальборо» и чан из Эйлсфорда - деревянные изделия, изготовленные из планок, скрепленные заклепками и стянутые орнаментированными обручами и металлическими накладками.

Ту же датировку имеет и другой сосуд, большой ритуальный котел, прекраснейший из всех, до сих пор известных, который является важнейшим документом для истории до-римских культов. Он был обнаружен в 1891 году в Дании, в месте под названием Гундеструп в Ютландии, и поэтому его называют обычно «котлом из Гундеструпа». Этот серебряный сосуд был намеренно разобран и положен на землю как votivное приношение. Как внутренняя, так и внешняя сторона котла украшены декоративными пластинами, на которых снаружи изображены бюсты божеств, а внутри - культовые сцены. Изнутри на дне котла также изображена культовая сцена. Оно, так же как и бюсты божеств, первоначально было покрыто очень тонкой золотой фольгой. Глаза фигур инкрустированы красным и голубым стеклом. Таким образом, каждая пластинка представляет собой какую-то культовую сцену или изображает какого-то определенного бога или богиню вместе с его или ее служителями, культовыми животными и птицами и символами или же какой-то разворачивающейся на заднем плане культовой сценой. Влияние восточного кельтского мира здесь вполне очевидно, и высказывались предположения, что котел был изготовлен где-то вблизи Братиславы. Техника обработки серебра, очевидно, восточного происхождения, в то время как сцены и культовые фигуры находят свои близкие параллели как в кельтской иконографии, так и в островных литературах. Высказывались предположения, что сцена на дне котла, которая изображает убиение гигантского быка, основана на культе Митры, но этот вопрос остается спорным. В ирландском эпосе «Похищение быка из Куальнге» гигантский сверхъестественный бык является одним из главных героев, и, хотя охоты на быка, как таковой, здесь не происходит, есть причины полагать, что у некоторых кельтов, по крайней мере на континенте, существовала какая-то легенда о преследовании и убийстве гигантского божественного быка. Однако пока у нас нет более определенных данных на этот счет, это всего лишь предположение. Первоначально у быка должны были быть рога из какого-то другого материала; сейчас они отсутствуют.

Другой важный котел, который мы уже упоминали в связи с пластическим стилем кельтского искусства, был найден в Бро близ Хорсенса в Ютландии. Он более древний, чем другие котлы, о которых мы говорили, и может относиться к концу III или к началу II века до н. э. Этот бронзовый котел разбили на куски и положили в яму в земле; опять-таки речь идет о votivном приношении какому-то божеству. Как и котел из Гундеструпа, он, видимо, был изготовлен где-то на востоке кельтского мира, возможно в Богемии или Моравии. Как эти великие кельтские котлы попали в Данию, мы не знаем, как не имеем точного представления об общей натуре и масштабах кельтского влияния в этой стране.

Кельтские монеты

Другим средством выражения художественного и мифологического сознания языческого кельтского мира были кельтские монеты. Эти монеты - захватывающий предмет для исследования. Они рассказывают о политической и экономической жизни, помогают проследить передвижения отдельных племен; изображенные на них мотивы дают нам больше знаний о кельтской мифологии.

У кельтов Трансильвании известны ранние монеты из серебра. Как указывает Пауэлл, некоторые изображения, отчеканенные в серебре, «судя по всему, представляют собой иллюстрации к кельтской мифологии, сохранившейся в Ирландии». Таким образом, эти монеты - потенциальное хранилище мифологической традиции; для кельтских художников они были стимулирующим и увлекательным поводом показать свое умение. Искусство чеканки монет зародилось в то время, когда кельтское искусство (если не говорить о Британских островах) практически «перегорело», то есть с конца III века до н. э. вплоть до римского завоевания.

Одним из источников вдохновения для кельтских монет послужили золотые статеры Александра III; они играли гораздо большую роль в восточных частях кельтского мира. Другим, менее влиятельным источником были золотые статеры Филиппа II Македонского. Они, судя по всему, достигли Запада по Дунаю и, в конечном счете, прибыли в Британию благодаря белгскому влиянию. Еще один источник вдохновения для кельтских изготовителей монет, на сей раз для работы по серебру, пришел из Массилии и от западных греков. Однако, как указывает Дерек Аллен, принятие определенного типа монет должно было всегда в той или иной мере зависеть от индивидуального предпочтения, которое то или иное племя оказывало тому или другому мотиву; судя по всему, играли свою роль и предпочтение того или другого мифологического мотива.

Кельтские художники брали основной античный репертуар и преобразовывали его так же, как они преобразовали античные и другие мотивы в самом начале существования латенского стиля. Формальный натурализм античных монет дегенерировал - или возвысился, все зависит от точки зрения - в типично кельтскую фантастику. Здесь мы видим отрубленные головы, ноги лошадей, бегущие отдельно от тел, колеса колесниц, крутящиеся сами по себе, целый ряд культовых зверей и птиц, символы солнца, магические знаки и всевозможные мифологические чудеса. Позднее, уже под влиянием римских монет, на монетах стали появляться надписи. В основном это были сокращенные названия племен или имена отдельных вождей либо титулы. Таким образом, их распределение проливает значительный свет на перемены, происходившие в кельтском обществе, и на политику того времени. В Ирландии, как и в Шотландии и некоторых других северных частях Британии, местных монет не существовало.

В монетах более позднего периода наблюдается переход к натурализму, что особенно очевидно в монетах из белгских областей Британии; этот натурализм сложился под влиянием восточных кельтских ремесленников, которые предпочитали именно такой стиль.

Таким образом, в Европе в целом валютой служило на западе золото, а на востоке - серебро. Деньги служили в основном для внешней торговли, и монеты должны были существовать у тех племен, которые регулярно торговали с народами вне кельтского мира. Натуральный обмен (бартер), судя по всему, был формой обмена внутри племени. В Ирландии единицей стоимости была корова; несомненно, что-то похожее играло роль валюты и в Галлии. Например, стоимость рабыни равнялась стоимости трех коров. Но иностранцы вряд ли захотели бы перевозить громоздкие вещи по всей Европе в обмен на свои товары и, наверное, требовали платы в более удобной форме - в монетах. Белгские племена привезли искусство чеканки монет в Британию в конце II века до н. э., и в больших племенных столицах, таких как Силчестер и Колчестер, появились свои монетные дворы. Валюта в форме стандартных слитков была популярна на западе Англии. В Британии монеты и их распределение также многое говорят о политической и экономической ситуации. На моне-

тах с надписями, которые датируются последними пятьюдесятью годами перед римским завоеванием, зафиксированы названия племен и имена вождей южной Британии; это бесценный документ, позволяющий нам понять расстановку политических сил на Британских островах в то время. Ранние монеты юга Британии очень разнообразны и говорят об изобретательности художников; монеты более северных племен менее изящны и менее оригинальны. Однако, может быть, наиболее интересны для нас монеты Арморики. В них много интересного для мифологов: видя эти фантастические человеческие головы с татуированными, судя по всему, лицами, в волосы которых вплетены священные символы, с их дикими, искаженными чертами, мы, кажется, более, чем в каком-либо другом виде изобразительного искусства кельтского мира, близко подходим к описаниям «исказившегося» полубожественного героя ирландских легенд.

Кельтские зеркала

Великолепные бронзовые зеркала, которые изготавливались в Британии с конца I века до н. э., также несли на себе некоторые из наиболее изящных и сложных образцов кельтского искусства (рис. 74). Зеркала были символами статуса, они говорили о социальном богатстве и силе, и они достигли своего расцвета примерно около 30 года до н. э. Толчком к их возникновению, в конечном счете, послужили греческие и этрусские зеркала; позднее они появились и в Риме. Однако кельтские зеркала, как и все другие аспекты кельтского искусства, уникальны и совершенно индивидуальны. Сандерс пишет об искусстве ремесленников: «Твердая рука и владение инструментами - всему этому они научились еще много веков назад, в мастерских ювелиров бронзового века». Подвижное лекало использовалось для достижения эффекта «корзины», который мастера - изготовители зеркал очень любили.

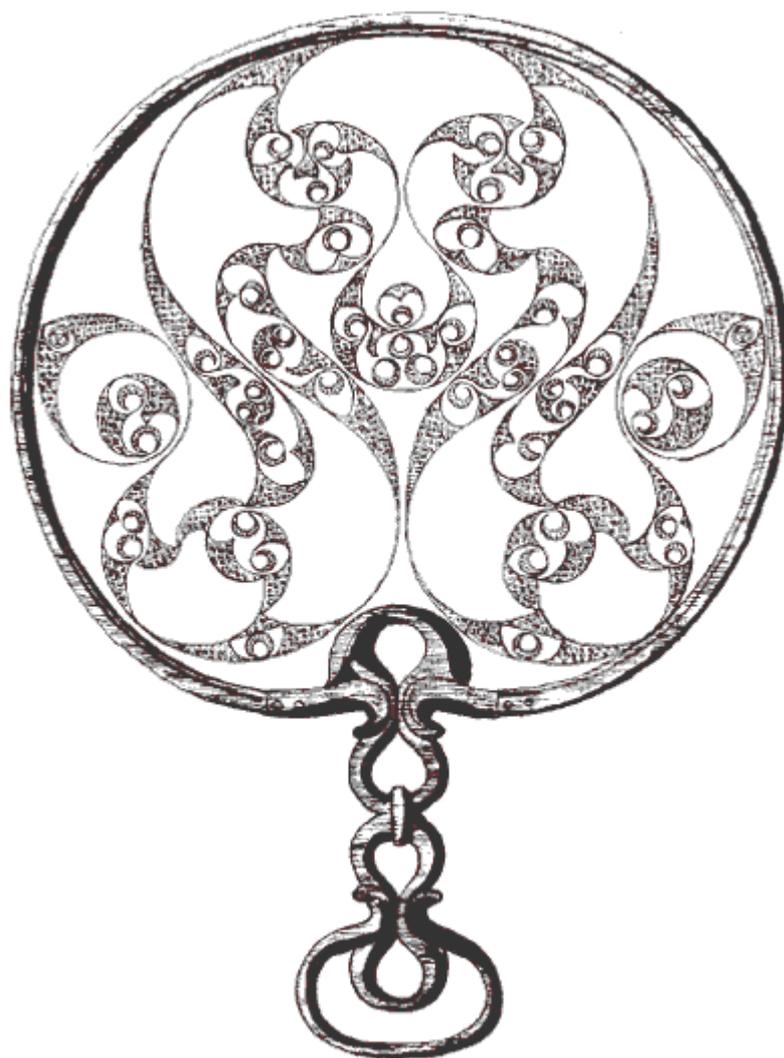

Рис. 74. Задняя сторона бронзового зеркала из Десборо, Нортгемптоншир.

Некоторые из наиболее прекрасных образцов, как, например, зеркала из Десборо и из Бирдлипа (рис. 61), показывают такое точное мастерство ремесленника, что, как и в миниатюрах более поздних кельтских рукописей, его почти невозможно понять. Зеркала обнаруживают в основном на юге Британии, и все они бронзовые. Зеркало из Мэйера, одно из самых прелестных в этом ряду, было, как считается, найдено в реке Темзе. Орнамент зеркала основан на мотиве круга; три круга связаны вместе и сочетаются с античным мотивом лиры-пальметки. Иногда только на отдельных частях зеркал имеются «плетеные» насечки, иногда же они используются для создания всего фона. Ручки таких зеркал также произведения искусства. Они тоже в основном сделаны из бронзы; встречается целый ряд элегантных форм. У более ранних зеркал ручки более простые; позднее художники поняли, что это изделие дает им множество возможностей показать свои навыки, и зеркала стали более сложными и разнообразными. Великолепный образец кельтского зеркала, обнаруженный в Колчестере (графство Эссекс), найден вместе с кремированным погребением, в котором также находилась поздняя белгская керамика.

Распределение бриттских зеркал, как указывает Фокс, было своеобразным. Он приписывает их концентрацию в портах юго-восточной и юго-западной Британии и близ них тому, что в этих районах, наиболее открытых для римского влияния, скорее всего, проживали самые прогрессивные и модные дамы того времени. Поскольку зеркала с декорированными пластинами в Галлии неизвестны, они не могут считаться импортными. Тонкое искусство этих орнаментированных бронзовых зеркал, так же как и искусство чеканки мо-

нет, представляет собой один из двух аспектов искусства белгов в Британии примерно с 100 года до н. э. до эпохи Клавдиева завоевания Британии в 43 году н. э. Пришедшие в Британию племена белгов, более прогрессивные, новаторские и развитые, строили oppida (города), кремировали своих умерших и имели более высокие стандарты технологии. Помимо всего прочего, именно они завезли на юг Британии колесный плуг, который, естественно, оказал революционизирующий эффект на сельское хозяйство в этом регионе.

Железо, керамика и эмаль

Хотя наш обзор кельтского искусства и его достижений по необходимости должен быть очень кратким, он окажется неполным без упоминания о подставках для дров и о керамике, которые были отличительными чертами кремированных погребений.

В таких погребениях имелось все необходимое для пира знатного человека и его спутника; это означает, что все эти вещи были предназначены для двух человек, а не для одного. Среди принадлежностей для погребального пира и веселья на том свете были и железные подставки для дров. Эта типично кельтская по форме вещь представляет собой простую подставку, использовавшуюся для того, чтобы поддерживать поленья в очаге. Другой предмет аналогичного назначения - квадратная рамка, в которой стояли винные сосуды (рис. 75). Высказывались предположения, что, поскольку для одного очага использовалась только одна подставка, наличие двух подставок в таких белгских погребениях указывает на два очага - один для вождя, а другой для его спутника на пиру. Кельтская традиция поединков между двумя воинами уже забыта: здесь князь развлекается в компании своего друга и, как, несомненно, указывает погребение в Уэлвин-Гарден, среди погребальных принадлежностей были и настольные игры, которые должны были помочь провести время, пока умерший не доберется до Иного Мира и не вкусит великий пир богов. Концы подставки для дров выполнены в виде бычьих голов; некоторые из них необыкновенно элегантны. Остатки шашек для настольных игр, а также музыкальных инструментов показывают, что эти загробные развлечения следовали вполне земным образцам и должны были радовать духа точно так же, как радовали человека при жизни.

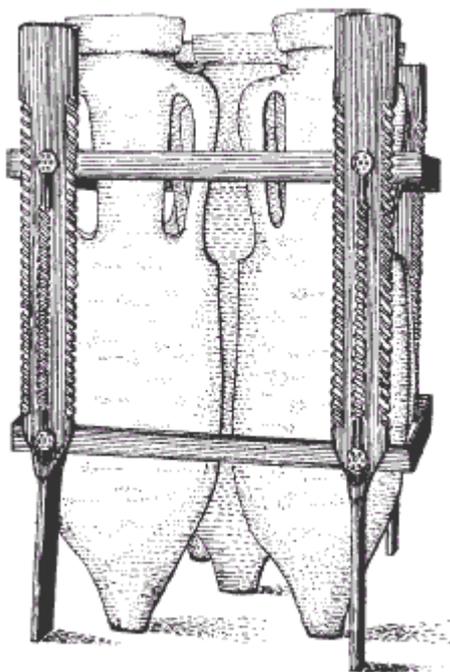

Рис. 75. Подставка для амфор, в которой согреваются пять сосудов (Уэлвин, Хертфордшир).

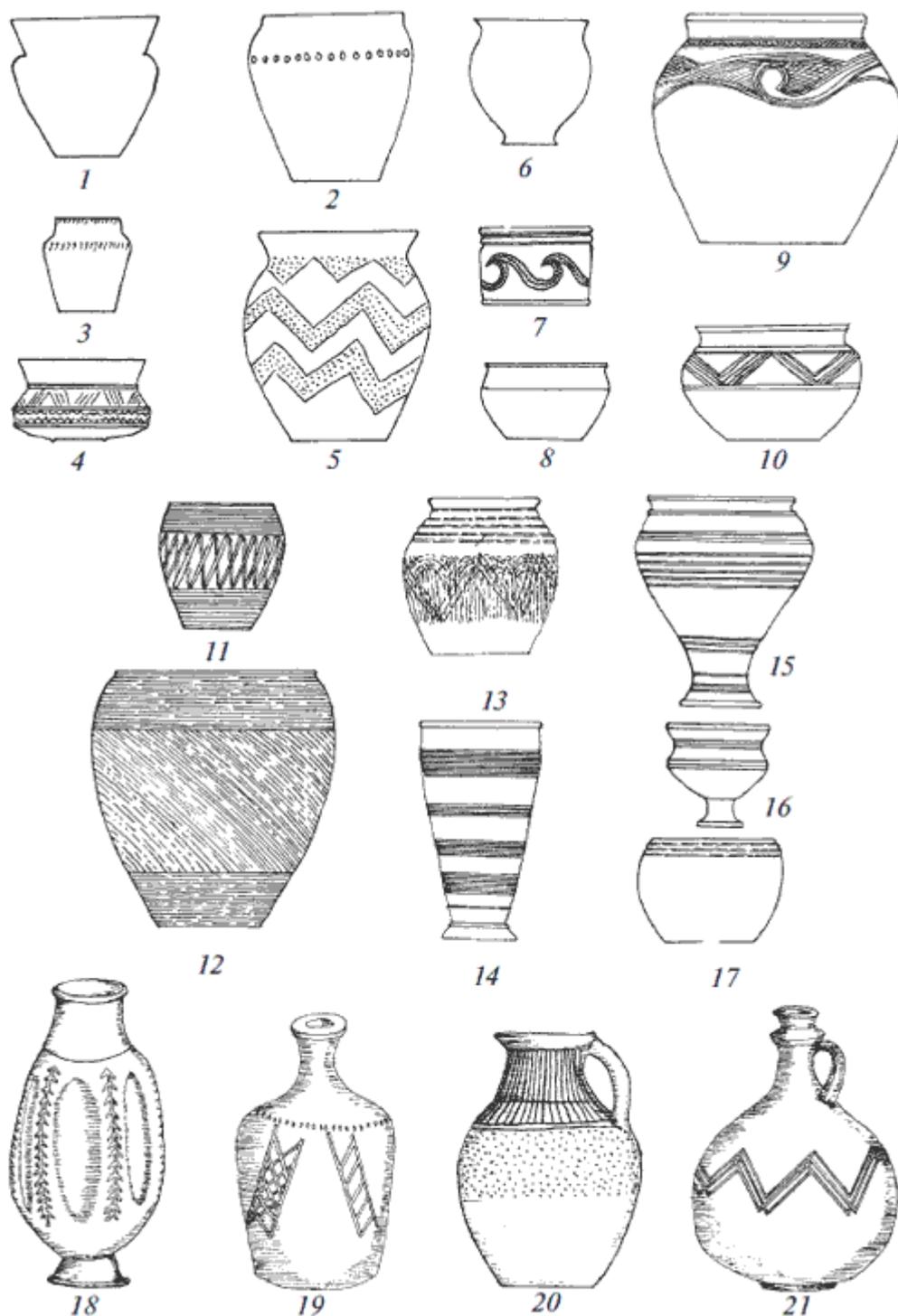

Рис. 76. Бриттская керамика: 1, 2 - Парк-Броу, Сассекс; 3, 4, 5 - Олл-Каннингс-Кросс, Уилтшир; 6, 7 - Кэдберн, Сассекс; 8 - Трандл, Сассекс; 9, 10 - Хенгистбюри-Хед, Хэмпшир; 11 - Когдин, Дорсет; 12 - Ротерли, Уилтшир; 13-17 - Суорлинг, Кент; 18-21 - так называемая керамика нью-форест, Хэмпшир.

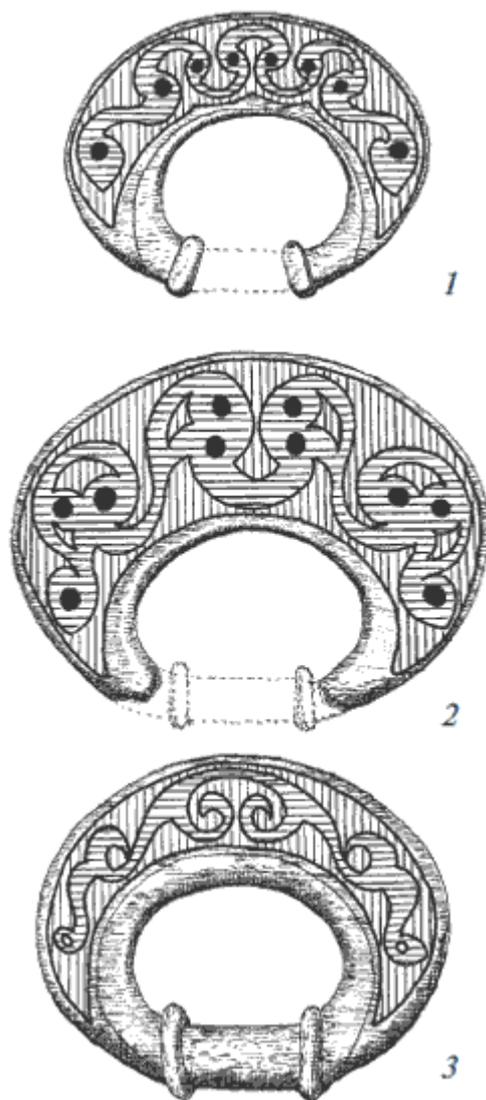

Рис. 77. Кольца для упряжи, украшенные эмалью: 1 - из Бэпчайлда, Кент; 2 - из Стюартри (графство Керкубришир); 3 - из Уэстхолла, Суффолк.

Белгская керамика - еще одно творение позднего кельтского искусства, достаточно хорошо представленное в этих белгских погребениях. Существовало два типа керамики, изготовленной на гончарном круге. Один из них - это так называемая *tazza*, или чаша на ножках (рис. 76), имеющая металлические прототипы; второй - это элегантная урна на пьедестале, в которую часто клали кремированные останки умершего. Излюбленными цветами белгских сосудов были черный и серый. Существовали и другие типы керамики; все они говорят об искусстве и утонченности белгских ремесленников.

Еще один аспект индивидуальности белгского искусства - умелое использование эмали. Многие объекты украшали эмалью, в том числе кольца для сбруи, уздечки и другие части упряжи. В доримское время в эмали, как правило, использовали какой-то один цвет, а именно красный. На этой стадии добавление пятен голубого или желтого цвета никогда не приводило к удовлетворительным результатам. Искусство эмали процветало в восточных графствах Британии, в независимых белгских областях. Иногда с эмалью сочеталось голубое стекло; этот материал кельты использовали для украшения еще с гальштатских времен. В ранних белгских контекстах эмаль применяли в виде небольших бусинок, предположительно вместо коралловых бусинок, которые раньше использовали в подобных случаях. На этой стадии работа была в основном довольно простой. Позднее, в I веке до н. э., эмаль стали использовать для украшения более обширных поверхностей; при этом ис-

пользовалась техника шанлеве (рис. 77)[78]; ее находят только в Британии, и она, судя по всему, зародилась среди белгских племен, занимавших область между Кентом и Суффолком в период непосредственно перед римским завоеванием.

В белгском искусстве часто встречаются декорированные личные вещи, например броши, пряжки, тяжелые браслеты, ножны. В северной Британии искусство эмали продолжало существовать до тех пор, пока римляне окончательно не поглотили местную культуру (рис. 78). Такие предметы, как замечательная яркая брошь из Эсики (рис. 79) на Адриановом валу в Нортумберленде и необыкновенные браслеты из Касл-Нью в Абердиншире, которые датируются около 100 года до н. э., знаменуют собой конец независимого кельтского искусства в Британии и предвещают приход романо-бриттского искусства. Но это уже совсем другая история.

Заключение

По всему кельтскому миру приход римлян уничтожил общественную структуру, от которой зависели кельтские художники, и, таким образом, разрушил саму возможность создавать это искусство. Кельтские художники нуждались в покровительстве богатых аристократов, которые давали им средства к жизни и дарили вдохновение. У варварского князя была соответствующая, варварская пышность и стремление показать себя. У него должно было быть не только чисто функциональное, но и парадное оружие, доспехи (если только он не презирал подобную дополнительную защиту). Его колесница и кони должны были быть соответствующим образом украшены как декоративными, так и магическими изображениями. Его собственная одежда и одежда его супруги - богато вышиты и украшены веселыми и таинственными узорами, дерево в его доме - покрыто резьбой в соответствии с его социальным статусом, техникой и личным умением его ремесленников.

Рис. 78. Фибуладракон из Карлайла (Камберленд), эмалированная двумя оттенками синего.

Рис. 79. Позолоченная бронзовая фибула из Эсики (ныне Грейт-Честерс, Нортумберленд).

Когда этот мощный фон исчез, исчезло и все, что поддерживало творческое кельтское искусство. С приходом римлян кельтское искусство ушло как бы в «подполье», и там оно ждало своего возрождения, которое состоялось века спустя с помощью вдохновенных художников Ирландии и Британии, которые работали под эгидой христианской церкви. Лишь время от времени проявлял себя дух кельтского художника, теперь уже слабый, но в то же время таящийся в глубине. Например, создатели керамики типа нью-форест, работавшие в III и IV веках до н. э., также сыграли свою скромную роль в сохранении кельтского искусства, и простая, но по сути своей кельтская орнаментика их сосудов говорит о том, что пламя, которое кельтские художники латенской Европы разожгли в мощный пожар, отнюдь не совсем угасло. Горшечники, работавшие в Хэмпшире в изоляции, среди болот и лесов, украшали кувшины для воды изображением странной богини, похожей на птицу со спиралевидным телом, так напоминающую богиню-сову, которую веками раньше изобразили на торквесе из Райнхайма (рис. 54), изображением одноглазой лучащейся фигуры с распростертыми руками - по сути своей, кельтской культовой фигуры - и силуэтом странного безрукого всадника, который держит поводья во рту и балансирует на длинном несуразном коне (рис. 80). Таким образом, эта изолированная группа, конечно в ограниченном масштабе, но продолжала художественный дух своих предшественников, защищая его достижения и обеспечивая успех своей работы обращением к древним кельтским богам. Несомненно, они проводили время, рассказывая древние культовые легенды, которые были неотъемлемой частью духовной жизни их более могущественных предшественников в древнем, латенском мире.

Рис. 80. Керамический кувшин и крышка из Линвуда, Хэмпшир.

Эпилог

«Было у Кухулина множество дарований и благородных качеств: дар облика, дар красоты, дар статности; дар пловца, дар всадника, дар в игре в фидхелл и брандуб; дар битвы, дар поединка, дар столкновения; дар разведки, дар красноречия, дар совета; дар походки, дар любовника - и дар разорения чужих пределов».[79]

Все, что имеет начало, должно иметь конец. Как песни, которые поют за валянием шерсти женщины с Гебридских островов и которые всегда возвращаются к своему началу, как изогнутые плавные линии в работах кельтских художников, и мы заканчиваем тем, с чего начали, - понятием о кельтском «идеале»: идеале телесного совершенства и силы; идеале превосходства и в физических, и в интеллектуальных забавах; идеале умения ездить верхом и отваги в сражении; идеале проницательности, мудрости и красноречия. Все эти «идеалы» внешнего вида и поведения, наряду с концепцией «соответствия вещей», возможно, сделали больше, чтобы связать кельтов в особый единый народ и поднять их хоть сколько-нибудь над общим уровнем варварства железного века, чем какое бы то ни было политическое объединение - как в Античности, так и позднее. Разумеется, многие аспекты повседневной жизни кельтов могли быть (и, безусловно, были) варварскими и грязными, а в жизни их поведение могло совершенно не соответствовать тем образцам, которыми они так восхищались и на которые так хотели походить. Но в первую очередь сам тот факт, что у кельтов существовали подобные идеалы и понятия о правильном поведении и «соответствии вещей» - были ли они или нет истинным отражением их повседневного существования, - делает этот народ гораздо более замечательным, чем можно было бы подумать, глядя на его материальную культуру.

В книге, объем которой ограничен, невозможно детально рассказать о предмете почти столь же обширном, как сама жизнь. Соответственно, в предыдущих главах я выбрала те аспекты повседневной жизни языческих кельтов, которые мне лично кажутся наиболее характерными для этого народа, аспектами, где ярче всего выражается их индивидуальность и их отношение к жизни представляется менее тривиальным, чем у других их современников (по крайней мере, насколько нам известно). Именно поэтому значительная часть на-

шей книги была посвящена рассказу о двух наиболее типичных аспектах культуры кельтов - их религии и искусстве - и таким отличительным материальным признакам, как одежда и внешний вид, оружие и боевая тактика, ученость и законы. Мы были вынуждены обойти стороной многие другие темы - сельское хозяйство, заклинания и чары для исцеления больных и реальные медикаменты для лечения болезней, технологию, рождение и похоронные обряды, а также отказаться от более полного рассказа о музыкальных инструментах. Однако в этих областях кельты мало чем отличались от других народов того времени, а мы сосредоточились именно на таких чертах их общества, которые показывают истинную сущность кельтов.

Прочтя эту книгу, можно понять, что не существует единого, всеохватывающего и к тому же достоверного исторического источника по кельтам, на котором мы могли бы основываться в нашем рассказе. И те свидетельства, которые мы собрали, наверное, не выдержали бы проверки в зале суда. Здесь нельзя не вспомнить о замечаниях, высказанных в 1903 году в заключительной речи ирландского судьи в деле о золотом ожерелье из Бройтера, на которое Ирландская королевская академия заявила свои права, как на клад: «Истцы предполагают, что эти предметы были брошены в море, которое, как они же предполагают, покрывало данное место, в качестве приношения некоему ирландскому морскому богу неким ирландским морским владыкой или вождем в период между 300 годом до Рождества Христова и 100 годом после Рождества Христова, и в силу данного предположения они требуют у суда признать наличие в данном месте моря, существование ирландского морского божества, существование в Ирландии в заявленный период обычая совершать жертвоприношения, а также существование ирландских королей или вождей, которые с высокой степенью вероятности могли бы совершить подобное жертвоприношение. Все доказательства (если их можно назвать таковыми) в пользу этих утверждений носят самый туманный характер».

Я вряд ли могу привести больше доказательств, которые могли бы удовлетворить юристов, чем это удалось истцам в «Деле о золотых украшениях», как его тогда называли. Но в данном случае такие «доказательства» и невозможны, и вряд ли нужны. Я начала с бесспорных фактов и, основываясь на этих фактах вместе со всем, что можно извлечь из самых разнообразных источников, как происходящих из первых рук, так и вторичных, попыталась нарисовать картину жизни кельтов в железном веке. И я предлагаю свою книгу читателям в надежде, что она поможет пролить хотя бы лучик света на жизнь - со всеми человеческими слабостями, страданиями, радостями и надеждами - тех языческих кельтских народов, вклад которых в европейскую культуру (хотя его и не всегда можно четко различить) ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Примечания

1

Автор хочет сказать, что кузов был плетеным и хорошо высушенным. (Примеч. пер.)

2

Перевод с древнеирландского Н.Ю. Чехонадской. (Примеч. пер.)

3

Последний человек, для которого мэнкский язык был родным, - Эдвард (Нед) Мадрелл - умер в 1974 г. в возрасте 97 лет. (Примеч. пер.)

4

Автор имеет в виду Гальштат в Австрии и Ла-Тен в Швейцарии (см. ниже).

5

Здесь и далее цитаты из Страбона приводятся в переводе Г.А. Стратановского. (Примеч. пер.)

6

Здесь и далее цитаты из «Похищения быка из Куальнге» приводятся в переводе СВ. Шкунаева, кроме особо оговоренных случаев. (Примеч. пер.)

7

В родительном падеже слово «Eriu» имело форму «Eriinn» (отсюда другое название Ирландии - Эрин), а Albu - Alban (отсюда «Альбион»). (Примеч. пер.)

8

В Англии так называли мелкого помещика, человека, который, владея фермой, не занимался сельскохозяйственными работами лично. Иногда джентльменом-фермером могли назвать и того, кто, владея фермой, живет на доходы не с нее, а с чего-то другого (например, торговли или ремесла). (Примеч. пер.)

9

Сочинения Цезаря приводятся в переводе М.М. Покровского. (Примеч. пер.)

10

Под «капиталом» в древней Ирландии подразумеваются конечно же не деньги. Чаще всего господин давал клиенту несколько коров, реже - овец или свиней. Клиент должен был отдавать господину по теленку в год, а по окончании срока соглашения - вернуть такое же количество животных. Но иногда в качестве «капитала» могли выступать одежда, оружие или что-либо другое. (Примеч. пер.)

11

Цитаты из Афинейя здесь и далее приводятся в переводе Н.Т. Голинкевича под редакцией М.Л. Гаспарова. (Примеч. пер.)

12

купцы из Италии

13

Здесь и далее цитаты из «Исторической библиотеки» Диодора приводятся в переводе О.П. Цыбенко. (Примеч. пер.)

14

Автор ошибается: эти слова принадлежат не Страбону, а Диодору Сицилийскому (см. предыдущее примечание). (Примеч. пер.)

15

Страбон цитирует историка Эфора, сочинения которого не сохранились. (Примеч. пер.)

16

Цитата из Аммиана Марцеллина приводится в переводе Ю. Кулаковского и А. Сонни. (Примеч. пер.)

17

Цитата из саги «Изгнание сыновей Уснеха» приводится в переводе Т.А. Михайловой. (Примеч. пер.)

18

В английском переводе Д.Д. Тирни, которым пользовалась Э. Росс, это переведено как «золотые туники». Однако употребленное у Диодора слово «thorax» на деле означает «панцирь», и здесь русский переводчик Диодора О.П. Цыбенко совершенно прав. (Примеч. пер.)

19

На самом деле тут имеется в виду сага «Разрушение дома Да Дерга» (перевод С.В. Шкунаева). (Примеч. пер.)

20

Далее он пишет:

21

Цитаты из Полибия приводятся в переводе Ф.Г. Мищенко. (Примеч. пер.)

22

Профессор Джексон указывает, что эпизод с Фер Диадом - это интерполяция XI века, однако вполне возможно, что она основана на более раннем материале. (Примеч. авт.)

23

Флор рассказывает о царе галльского племени арвернов Битуите, взятом в плен римлянами в 121 году до н. э.: он сражался «в пестром вооружении и на серебряной колеснице». (Примеч. пер.)

24

Группа саг, записанных в средневековой Ирландии, корни которых, однако, лежат в устной традиции языческого кельтского мира, получила такое название потому, что в ней рассказывается о деяниях воинов из племени уладов (Ольстер). Король уладов - Конхобар, сын Несс, их главный герой - Кухулин. Королевская резиденция именуется Эмайн Махой. Раскопки Эмайн Махи, начавшиеся в 1969 году, заставляют предполагать, что это фактически было языческое святилище. «Похищение быка из Куальнге» является самой длинной сагой уладского цикла. (Примеч. авт.)

25

Цитаты из саги «Сватовство к Эмер» приводятся в переводе С.В. Шкунаева. (Примеч. пер.)

26

По мнению Т.А. Михайловой, иарнгуал («питье угля») представлял собой нечто вроде самогона, который очищали, процеживая его через угли. (Примеч. пер.)

27

Буквальное значение этих слов - «правда мужей». (Примеч. пер.)

28

дротиков

29

В «Похищении быка из Куальнге» есть намеки на существование огромных щитов; в описании войск, ближе к концу саги, герой Кельтхар Великий, сын Утехара, появляется со щитом, «словно коричневая гора». (Примеч. пер.)

30

Протома по-древнегречески буквально означает «носовая часть, носовое украшение корабля». Здесь речь идет об украшении на шлемах. (Примеч. пер.)

31

Дипалеста - древнегреческая мера длины, около 15,5 см. (Примеч. пер.)

32

Здесь и далее цитаты из «Анналов» Тацита приводятся в переводе А.С. Бобовича под редакцией Я.М. Боровского. (Примеч. пер.)

33

Здесь и далее цитаты из саги «Разрушение дома Да Дерга» приводятся в переводе С.В. Шкунаева. (Примеч. пер.)

34

Головное место Ферку

35

Триады - это особый жанр, который характеризуется тем, что утверждения объединяются в группы по три. (Примеч. авт.)

36

Джонсон Сэмюэл (1709-1784) - английский лексикограф и писатель. (Примеч. пер.)

37

Брегон (англизированная форма древнеирландского «breithem») - в древней Ирландии судья и знаток законодательства. В главе 5 Э. Росс приводит это слово в более позднем, новоирландском написании - breitheamh. (Примеч. пер.)

38

Кормак, сын Кулленана (ум. 909), король и одновременно епископ Кашеля на юге Ирландии, автор так называемого «Словаря Кормака» (буквально Sanas Cormaic - «мудрость Кормака»). В словаре объясняются значения различных слов, преимущественно редких или иностранных для древнеирландского языка.

39

А при постройке «галльской стены» этот прием применялся сознательно. (Примеч. пер.)

40

Перевод А.А. Смирнова. (Примеч. пер.)

41

Имеются в виду Средиземное море и Атлантический океан. (Примеч. пер.)

42

Слово «imdae» буквально переводится как «ложе». (Примеч. пер.)

43

В Гленмористоне (Инвернессшир) Босвелл, во время своего путешествия в горную Шотландию вместе с доктором Джонсоном, заметил: «Дом был построен из толстых кусков торфа и покрыт более тонкими кусками и вереском. В нем три комнаты и еще одна маленькая комната, которая выдавалась в сторону... боковые стены были обшиты панелями, очень аккуратно сплетенными из ивовых прутьев». (Примеч. авт.)

44

Пес Кулана

45

Пересказывая содержание «Пира Брикрена», Э. Росс допускает неточности. Брикрен сказал женщинам, что первенство будет принадлежать той женщине, которая войдет в дом первой. Именно поэтому их мужья прилагали такие усилия, чтобы пустить жен в дом (а

вовсе не из-за «пьяного возбуждения»). О «легкости» дома также говорить не приходится: ранее сага утверждает, что каждый прут (этот титанический дом все-таки представлял собой плетеную мазанку!) укладывали семеро сильных мужчин. Сага подчеркивает, что Кухулину помогли поднять стену только сверхъестественные силы, демоны. (Примеч. пер.)

46

Цитаты из «Сватовства к Этайн» приводятся в переводе С.В. Шкунаева. (Примеч. пер.)

47

Поступить так означало признать свое подчиненное положение. (Примеч. пер.)

48

Цитаты из саги приводятся в переводе С.В. Шкунаева. (Примеч. пер.)

49

Можно вспомнить о небольших деревянных копьях, которые, по словам Арриана, использовались в кавалерийских упражнениях. Может быть, нечто подобное и имелось в виду в следующем пассаже из «Похищения быка из Куальнге»: «Потом достославный герой взял боевое оружие для схватки, сражения и битвы. Из боевого оружия для битвы взял он свой меч светлоликий с рукоятью из кости и к нему восемь малых мечей; пятирогое взял он копье и к нему восемь маленьких копий; взял он свой деил клисс и восемь маленьких дротиков».

50

«Мабиногион», конечно, нельзя считать непосредственным источником информации о языческих кельтских обычаях, однако в этих сложных преданиях есть следы, судя по всему, языческих элементов, и поэтому их следует рассматривать в свете более широких данных. (Примеч. авт.)

51

Здесь и далее цитаты из «Кулуха и Олвен» приводятся в переводе В.В. Эрлихмана. (Примеч. пер.)

52

В свой первый воинский поход Кухулин отправился на колеснице своего дяди - короля Конхобара, с его возничим Ибаром (возничего самого Кухулина звали Лаэг) и на его лошадях. (Примеч. пер.)

53

Автор ошибается: на самом деле процитированный пассаж происходит из повести «Пуилл, король Дифеда». Цитаты из этого произведения приводятся в переводе В.В. Эрлихмана. (Примеч. пер.)

54

Перевод Т.А. Михайловой и А.А. Смирнова. (Примеч. пер.)

55

По саге Айлиль Голое Ухо - отец Эогана. (Примеч. пер.)

56

Цитаты из этой саги приводятся в переводе С.В. Шкунаева. (Примеч. пер.)

57

Отрывки приводятся в переводе В.В. Эрлихмана. (Примеч. пер.)

58

В 1865-1901 гг. вышло шеститомное издание «Древние законы Ирландии» с переводами, однако эти переводы изобиловали ошибками и неточностями. (Примеч. пер.)

59

Бинчи Даниэль Энтони скончался в 1989 г. В последние годы своей жизни он опубликовал «Корпус ирландского права» - практически полное издание ирландских законов, правда без переводов. Среди современных исследователей древнеирландского права ведущее положение занимают Фергус Келли, Лиам Бретнах, Робин Стэйси. (Примеч. пер.)

60

Это средство применялось в тех случаях, когда ответчик был гораздо более высокопоставленным лицом, чем истец. (Примеч. пер.)

61

Речь идет о весьма архаичном древнеирландском обычае: обидчик, нанесший человеку травму или рану, не имея на то оправдания, обязан был взять пострадавшего к себе домой, кормить и лечить его за свой счет. (Примеч. пер.)

62

Вайда - род травы, которую в древней Ирландии и Британии использовали для окраски тела и одежды в синий цвет. (Примеч. пер.)

63

Цитаты из саги «Битва при Маг Мукрима» приводятся в переводе С.В. Шкунаева (Примеч. пер.)

64

Язык филидов. (Примеч. пер.)

65

Спорам о возможном местоположении Медионеметона посвящена статья Фихема «Медионеметон на рубеже Антонина Пия в Шотландии», опубликованная в приложении к журналу «Латомус» в 1969 г. (Примеч. авт.)

66

Э. Росс приводит это слово в шотландском варианте. (Примеч. пер.)

67

Цезарь, как мы уже видели, подчеркивает тот факт, что друиды набирались из аристократии; они и «всадники» составляли высшие классы кельтского общества. (Примеч. авт.)

68

Цитаты из саги «Изгнание сыновей Уснеха» приводятся в переводе Т.А. Михайловой. (Примеч. пер.)

69

Э. Росс имеет в виду Томаса О'Рахилли, автора интересной, но очень спорной книги «Ранняя ирландская история и мифология». (Примеч. пер.)

70

Цитаты из саги «Опьянение уладов» приводятся в переводе Т.А. Михайловой. (Примеч. пер.)

71

Цитаты из так называемых «Авторов жизнеописаний Августов» (к которым принадлежат и Вописк) приводятся в переводе С.Н. Кондратьева под редакцией А.И. Доватура. (Примеч. пер.)

72

Асклепиодот

73

Имеется в виду император Клавдий Готский. (Примеч. пер.)

74

Трискеле, или трискелион (название происходит от древнегреческого *triskeles* «трехногий»), - символ, состоящий из трех изогнутых ног или трех линий либо спиралей, исходящих из центра. Один из древнейших таких символов был изображен на стене ирландской неолитической гробницы в Ньюгрейндже (3-е тысячелетие до н. э.). Трискеле с изображением трех ног является гербом острова Мэн. (Примеч. пер.)

75

Кранног - своеобразная форма поселения, характерная для Ирландии. В дно озера вбивали сваи, на которые наваливали куски торфа и камни. Получался небольшой искусственный остров, на котором строили дом и другие жилые постройки. Остров чаще всего был связан с берегом небольшими мостками. В Средневековье в кранногах жили преимущественно короли и князья, которые чувствовали себя здесь в безопасности. (Примеч. пер.)

76

Декоративное стекло, изготовленное путем сплавления нескольких таких цветных стеклянных палочек различного размера. Полученное стекло разрезается на кусочки и используется для инкрустации. (Примеч. авт.)

77

Фалерами называются металлические бляхи на сбруе лошадей. (Примеч. пер.)

78

Шанлеве - название техники, при которой эмалью заполняются углубления в металле. Тем самым подчеркивается орнамент в цвете эмали и цвете металла. (Примеч. авт.)

79

Перевод с древнеирландского принадлежит переводчику этой книги. (Примеч. пер.)